

Записки Восточно - сибирского Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО
Русского Географического Общества

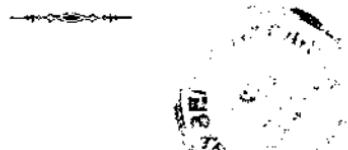
ХИЛОНІОГРАФІИ

т. I, вып. 2.

~~XVII~~
— 35
Подъ редакціей правителя дѣлъ.

СКАЗАНИЯ БУРЯТЬ, ЗАПИСАННЫЯ РАЗНЫМИ СОБИРАТЕЛЯМИ.

Издано на средства халхоб-ламы

Д. Г. Гомбоева.

Иркутскъ.

Печатано въ Типографії К. И. Ватковской.

1890.

Печатано по распоряжению Восточно-Сибирского Отдѣла Императорскаго
Русскаго Географическаго Общества.

2004 127627

О Г Л А В Л Е Н И Е.

		Стран.
I. Алтаянъ-Шагай-мергынъ — — —	—	1.
II. Дуракъ синъ и волшебный перстень — — —	—	29.
III. Шоно-баторъ — — —	—	36.
IV. Сирота и желтая собака — — —	—	51.
V. Черепъ конской головы — — —	—	56.
VI. Сирота-парень — — —	—	58.
VII. Человѣкъ и барсъ — — —	—	61.
VIII. Волкъ, просящій пищи у Бога — — —	—	63.
IX. Кость лопатка — — —	—	65.
X. Сотвореніе міра и чеховѣка — — —	—	•
XI. О потомѣ — — —	—	71.
XII. О землетрясеніи — — —	—	72.
XIII. Звѣри послѣ сотворенія міра — — —	—	73.
XIV. Конь и изюбрь — — —	—	75.
XV. Рябчикъ — — —	—	76.
XVI. Летяга — — —	—	•
XVII. Верблюдъ — — —	—	77.
XVIII. Заяцъ — — —	—	78.
XIX. Бурундукъ — — —	—	•
XX. Сурокъ — — —	—	79.
XXI. Мамонтъ — — —	—	•
XXII. Птица тутэ — — —	—	80.
XXIII. Дятель — — —	—	•
XXIV. Орель — — —	—	•
XXV. Повѣрья о лебедахъ, воронахъ и коршунахъ — — —	—	81.
XXVI. Щука — — —	—	82.
XXVII. Налимъ — — —	—	•
XXVIII. Трава хунъ-хорхонъ — — —	—	•
XXIX. О табакѣ — — —	—	83.
XXX. Повѣрья о деревьяхъ — — —	—	•
XXXI. Собачій пай въ хлѣбѣ — — —	—	84.
XXXII. Хуръ — — —	—	85.
XXXIII. О ворожбѣ на лопаткѣ — — —	—	87.
XXXIV. Пальцы воры — — —	—	•
XXXV. Племена бурятъ — — —	—	88.
XXXVI. Кости въ бывшемъ Аларскомъ вѣдомствѣ — — —	—	89.

JJ.

XXXVII. Кость Шаранутъ	—	—	—	—	—
XXXVIII. Кость Хабарнутъ	—	—	—	—	—
XXXIX. Кость Бурутханъ	—	—	—	—	—
XL. Кость Икиватъ	—	—	—	—	—
XLI. Кости Окъонъ и Баянда	—	—	—	—	—
XLII. Кость Готоль	—	—	—	—	—
XLIII. Булагатъ и Экирить и ихъ потомки	—	—	—	—	—
XLIV. Такши и его потомки	—	—	—	—	—
XLV. Преданія о Гэнэнъ-худактѣ и Сухарь-ноенѣ	—	—	—	—	—
XLVI. Барга-Батуръ	—	—	—	—	—
XLVII. Хоредой-моргонъ	—	—	—	—	—
XLVIII. Сегенда и Барто	—	—	—	—	—
XLIX. Поколѣнія селенгинскихъ бурятъ	—	—	—	—	—
L. Первый шаманъ	—	—	—	—	—
LI. Самая первая шаманка	—	—	—	—	—
LII. Булгата-онгонъ	—	—	—	—	—
LIII. Бурта-убугунъ	—	—	—	—	—
LIV. Почему некоторые буряты не ёдятъ семезенку и не бьютъ лебедей	—	—	—	—	—
LV. Преданія о переселеніи изъ Монголіи Вахака Ирбанова и Адая съ прочимъ народомъ	—	—	—	—	—
LVI. Преданіе о вала Чингисъ-хана	—	—	—	—	—
Причѣсанія	—	—	—	—	—
Указатель собственныхъ имёнъ	—	—	—	—	—
Предметный указатель	—	—	—	—	—

СКАЗАНИЯ БУРЯТЪ.

I.

Алтанъ-Шагай-мэргынъ.*)

Въ прежнее славное, благополучное, богатое время, когда земля становилась землей, вода становилась водой, когда великая гора Сумбыръ была съ кочку, а великое молочное море съ лужу, самая большая рыба—молькой, среди желтой степи, въ близи желтаго моря, у подошвы горъ стояль, какъ срубленная скала, достигая до небесъ, серебряный дворецъ, съ городьбой изъ сплошнаго серебра, съ филенчатыми серебряными воротами, съ серебро-перломутровыми дверями, съ порогомъ изъ литаго серебра, съ крыльцомъ длиннымъ преданиннымъ, такъ что кобыла съ жеребенкомъ едва могла перебѣжать его, и кобыла съ лончакомъ пройти его, переступая съ ступени на ступень; ступени этого крыльца изъ чистаго серебра. Взверху его сорокъ тысячъ оконъ, внизу семьдесятъ тысячъ оконъ, у каждой стѣны по караульному, у каждого окна по подслушивателю, въ каждомъ углу по бурхану. Разнаго скота паслось по задней сторонѣ (ара одо) сто тысячъ, а по внутренней (убыр одо) безчисленное множество. Родившійся владѣтелемъ всего этого богатства былъ сынъ Унтэ-Тархи^{**}) Алтанъ-Шагай-мэргынъ.

У Алтанъ-Шагай-мэргына былъ соловой конь Агуй-Шаргаморѣнъ, которому на всемъ бѣломъ свѣтѣ не было краснаго коня по бѣгу, какъ и самому Алтанъ-Шагаю во всей вселенной не было разнаго по силѣ. Былъ еще у Алтанъ-Шагай-мэргына старшій братъ Ногонъ-

*) Алтанъ—«золото», «золотой»; мэргынъ «стрѣлокъ».

**) Унтэ тархи «драгоценная голова».

Соё-мэргынъ пятидесяти лѣтъ съ женой, т. е. невѣсткой Алтань-Шагая, Ногонь-Толѣ также пятидесяти лѣтъ. Не было у старшаго брата сына, котораго-бы онъ могъ нянчить у груди, не было и дочери покачать на ногахъ. Алтань-Шагай-мэргынъ спалъ, не раздѣваясь, проглатывалъ, не пережевывая; въ продолженіи семи сутокъ пьянствовалъ день и ночь.

Однажды утромъ, когда Алтань-Шагай прозрѣлся, невѣстка его Ногонь-Толѣ и говорить ему: «Ну, почему ты такой молодой такъ сильно пьешь водку? Табуны наши, пасущіеся въ вершинѣ пади и рогатый скотъ и овцы, пасущіеся внизу пади давнымъ-давно кружатъ (бродятъ) безъ всякаго присмотра; братъ твой сталъ уже старъ, а ты почему все пьянствуешь?» Алтань-Шагай-мэргынъ почувствовалъ справедливость этихъ словъ, вымылъ лицо и руки, вышелъ на улицу, остановился на крыльцѣ золото-серебряномъ, обвелъ пѣгопестрыми глазами золотую степь, посмотрѣлъ бѣлопестрыми глазами (туда и сюда) вдалъ и вблизь и усмотрѣлъ на задней стоянѣ Алтайской горы (Алтайн арда) соловаго коня Агуй-Шарга-морена, у котораго крестецъ (уса) былъ, какъ ящикъ, арбинъ (брюшной жиръ), какъ пола. Алтань-Шагай-мэргынъ свистнулъ, какъ десять человѣкъ, гаркнулъ, какъ двадцать человѣкъ. Агуй-Шарга-моренъ прислушивается правымъ торчащимъ ухомъ къ верхнимъ обитателямъ, а лѣвымъ торчащимъ ухомъ къ подземнымъ обитателямъ и рѣшаеть: «Какъ будто это слышится голосъ моего хозяина»? Отбросивши оба торчащихъ уха на загривокъ, а бѣлосинѣжный свой хвостъ на крестецъ, хранилъ, туманъ сталъ, фыркнулъ, пыль поднялась, и побѣжалъ. Прибѣгаеть къ дому, со звономъ отворяетъ ворота серебряная филенчатая, вѣѣгаетъ и останавливается у имѣющей восемнадцать дѣленій коновязи, какъ привязанный и стоитъ, какъ обыкновенно стоять привязанные кони, съежился, какъ заяцъ. Алтань-Шагай-мэргынъ надѣваетъ на него оброть (недоуздокъ), справленную въ серебро, обуздываетъ его серебряной уздой, налаживаетъ на него легкій шелковый потникъ и обсѣдаиваетъ его

серебрянымъ сѣдломъ; подтягиваетъ его десятью подпругами, онъ стябается; стягиваетъ его двадцатью подпругами, онъ ёжится; втыкаетъ подъ переднюю луку сѣда плеть, сплетенную изъ кожи трехгодовалаго быка и привязываетъ его (коня) плетенымъ шелковымъ поводомъ къ серебряной коновязи, а самъ входить въ юрту (домъ), останавливается на барунтэ (т. е. на лѣвой сторонѣ по входу въ юрту), надѣваетъ на себя зѣтнай легкій шелковый дыгыль (халатъ, опушевный у богатыхъ выдрой), застегиваетъ безъ ошибки все 108 пуговицъ; далѣе надѣваетъ на себя зимній теплый дыгыль (шубу), застегиваетъ ее на безчисленное множество пуговицъ; сверхъ этого надѣваетъ непромокаемую отъ девятидесятилѣтняго дождя большую черную шубу, а потомъ одѣвается въ несокрушимую девятидесятидевятью стрѣлами кольчугу; надѣль съ гору шапку и усылся тутъ-же (барунтэ), какъ величественный вѣтвистый педръ, покачиваясь. Невѣстка ставитъ передъ нимъ золотой столъ, на который устанавливаетъ самыя вкусныя кушанья и поить вкусишими краснымъ сливнымъ чаемъ*).

Послѣ этого Алтанъ-Шагай мэргинъ вышелъ на улицу, сѣль на коня и отправился; видно было только пыли горсть у коновязи, да за тремя падами мелькнула красная кисть на шапкѣ, да серебряный колчанъ блестнуль. Ногонъ-толѣ только ахнула: «Вотъ такъ это молодецъ! Затѣмъ (Алтанъ-Шагай), выѣхавши на трактъ, бѣжитъ, какъ брошенный камень катится по землѣ, летитъ, какъ скокъ со скистомъ; тихо ёдетъ, дерна отрывается съ чашку**) (отлетаетъ отъ коня), а скоро ёдетъ съ корытце***) Затѣмъ осматриваетъ весь, пасущійся въ вершинѣ и внизу пади, скотъ. Скота много прибавилось противъ прежняго. Раскинувши полы и крикнувши зычнымъ голосомъ, собираетъ весь скотъ, гонить его къ

*) Такой чай нѣкоторые буряты пьютъ и сейчасъ; варится онъ въ котлѣ, сливаются поваренкой до тѣхъ поръ, пока не будетъ, какъ сусло и пюка не останется ничего, изъ чего можно было получить еще наваръ.

О. Замѣт.

**) Аяга—чашка величиною съ нашу полоскатательную. О. З—з.

***) Тыблэ—корытце, въ которомъ рубятъ мясо. О. З—з.

большому желтому морю и поить его здесь. Выливъ все море до гальки, скотъ цостукиваетъ ногами объ нее (гальку). Алтань-Шагай-мэргынъ скотъ пригналъ, угналъ и оставилъ его.

Послѣ этого, смотря вверхъ, смеется, смотря внизъ, плачетъ: «Кому доставутся мои табуны и скотъ во владѣніе? Братъ мой уже пятидесяти лѣтъ, самъ я цѣликомъ гзотающій, толсто-глотающій» (т. е. человѣкъ одинокій). Въ это время слышится неизвѣстный голосъ: «Алтань-Шагай-мэргынъ! солнце твое еще высоко, года твои еще малы. Что печалишься! Возвратясь домой, попроси невѣстку Нонъ-Толѣ высадѣть десять котловъ двоенаго и троенаго тарасуна (арзо-харзо), двадцать котловъ четырнадцатого (хорзо-харза) и вмѣстѣ съ ней эту тарасунъ пей. Самъ-то ты, ворочемъ, вовсе не пей, а невѣстку пой обманомъ. Когда она опьянѣть, она тебѣ укажетъ суженую». Выслушавши это, онъ отправляется домой переступью. Бывши такъ, онъ услыхалъ шумъ-гамъ; сильно удивившись этому, сталъ смотрѣть вблизь и въ даль; съ восточной стороны поднимается тонкій столбъ пыли, достигающій до небесъ; толстый слой пыли растягивается по землѣ, покрывалъ ее. Онъ смотрѣть въ средину этого и видѣть, прямо по направленію къ нему летить стрѣла съ наконечникомъ въ конскую голову и говорить: «Гдѣ ты, Алтань-Шагай-мэргынъ?» Тогда Алтань-Шагай-мэргынъ разстегиваетъ изъ ста восьми пуговицъ восемь и, чтобы проклятая стрѣла, пролетѣвъ, не разорвала одѣжды, выставляетъ впередъ свою черную обнаженную грудь. Стрѣла эта прилетѣла, лишь только онъ открылъ грудь, и ударила въ нее; острѣ конца заворотилось и вершина (оно)*) отломилась, а сама она отскочила и упала на разстояніи однодневнаго пути.

Стрѣла эта ударила въ черную грудь Алтань-Шагай-мэргына, какъ будто о твердый камень, зазвенѣла и издала такой звукъ, какъ будто ударила о бурый камень. Отправляется узнать, посмотрѣть, что это за стрѣла и видѣть, на верхней сторонѣ стрѣлы золотомъ написано,

*.) Плоскій желѣзный наконечникъ стрѣлы по бурятски «забэ»; трехгранный и четырехгранный наконечники—«хангай». Деревянный конецъ стрѣлы, противоположный наконечнику—«болсу». «Оно» выѣмка, въ которую влагается тетива; «зынгъ» костяной боченокъ для стрѣлы-свиистунки.

на нижней сторонѣ бѣлымъ серебромъ написано; береть эту стрѣлу и читаетъ, не мигнувъ глазомъ, не переступивъ съ мѣста. Тутъ было написано: «Дни долгіе, ночи короткія; наслышавшись, что есть немовѣрный силачъ Алтанъ-Шагай-мэргынъ, мы приглашаемъ его на пиръ, мы, живущіе на востокѣ, девять братьевъ одного отца мангасхая посылаемъ». Такъ онъ вычиталъ. Соскребши все написанное на этой стрѣлѣ, пишетъ золотомъ на задней сторонѣ! «Я прѣду къ вамъ къ тому времени, когда родившійся теперь будетъ въ состояніи носить колчанъ и когда сотрется ушко у желѣзного стремени». Затѣмъ дѣлается стрѣлѣ внушеніе: «Ты полетай туда, гдѣ живетъ самый старшій братъ; на западной сторонѣ дворца*), въ углу его, пробей самыя коротенькия доски крыши, влети и отсѣки напрочь правую заднюю ножку отъ шире**), на которомъ будетъ сидѣть онъ».

Стрѣла эта влетаетъ и отсѣкается. Мангасхай, сильно испугавшись, слетѣлъ (упалъ) съ шире. Береть эту стрѣлу, смотрѣть и читаетъ и видитъ, что тамъ написано, что Алтанъ-Шагай-мэргынъ прѣдетъ сюда, когда родившійся теперь сынъ въ состояніи будетъ носить колчанъ и когда ушко желѣзного стремени изотрется. Этотъ старшій братъ собираетъ своихъ младшихъ братьевъ и говорить имъ: «Уничтожимте его, пока онъ еще не женился; если онъ будетъ съ сыномъ, онъ сдѣлаетъ, что изъ насъ не будетъ ни мяса, ни щей». Такъ рѣшили. Затѣмъ ѿдѣть домой трактомъ рысцой, побрякивая шатвеей (ханхинса)***). Прїѣзжаетъ домой, привязывается у основанія коновязи, имѣющей двѣнадцать дѣлений, шолковымъ плетенымъ поводомъ коня, а самъ входить въ юрту. Начинаютъ бесѣдовать съ старшой невѣсткой; она разсказываетъ ей, что пасущагося разнаго скота прибавилось множество. Невѣстка ставить золотой

*) Здѣсь разумѣется восьмиугольная юрта.

О. З—еъ.

**) Маленький столикъ, а также и тронъ

О. З—еъ.

***) Ханхинса значить звѣнить. Буряты на шатвею сѣдла привѣшиваютъ побрякушки въ родѣ бляхъ одну на другую, которая при ѿздѣ рысью, ударяясь другъ о друга, производить бряканіе. Отсюда образное выраженіе: ханхинса-хатаражи ябобо, «побрякивахъ рысить».

О. Н. З—еъ.

столъ, наставляемъ на него самыя вкусныя кушанья и угощаетъ его краснымъ сливнымъ чаемъ. Разговаривая о томъ, о семъ (обор-табар), Ногонь-Толѣ невѣстка, между прочимъ, спрашиваетъ Алтанъ-Шагай-мэргына: «У тебя есть какая-то печаль въ груди? Глаза твои слезятся». Тогда Алтанъ-Шагай-мэргынъ сказаъ: «Невѣстка, невѣстка! я съ вами еще ни разу не вилъ водки. У меня теперь явилось сильное желаніе выпить съ вами? Выкурите десять котловъ двоёнаго и троёнаго тарасуна, двадцать котловъ выкурите четвернаго тарасуна и выпьемъ съ вами». Выслушавъ это, Ногонь-Толѣ невѣстка выкуриваетъ десять котловъ двоёнаго и троёнаго тарасуна, двадцать котловъ четвернаго тарасуна (т. е. четыре раза перегнанного). И такъ оба пьютъ. Алтанъ-Шагай-мэргынъ, показывая видъ, что пьеть, выливааетъ за пазуху. Невѣстка пила-пила и сдѣлалась краснорыжей. Тогда Алтанъ-Шагай-мэргынъ спрашиваетъ: «Вы давно уже живете моя невѣстка! много слыхали и видали! указжите-ка мнѣ суженую!» «Ты, чтобъ выпытать у меня это, нарочно спаиваешь меня; хотя-бы и такъ, все-же таки я тебѣ не укажу». Тогда Алтанъ-Шагай-мэргынъ наливаетъ одну большую чашу двоёнаго тарасуна; встаетъ на колѣни и угощаетъ ее. Выпивши эту чашу, она совершенно опьянѣла. Опьянѣсь, начинаетъ говорить: «Въ давнія-давнія времена, когда я была молода и спивала небо*), наравнѣ со мною шила одна маленькая дѣвочка. Это и есть твоя суженая. Это на западѣ Гхайханъ-Прэнъ-Тарбажи **), дочь Байнъ-Мунгай-хана, но достать ее встрѣчается много препятствій; если ты будешь молодцомъ, то побѣдишь всѣ эти препятствія, возьмешь ее за себя».

Послѣ этого Алтанъ-Шагай приготовляется, днемъ при свѣтѣ солнечныхъ лучей, ночью при свѣтѣ свѣчи (т. е. приготовляется день и ночь); отломившееся приклеиваетъ, оторвавшееся сращиваетъ;

*) Млечный путь по вѣрованію бурятъ есть шовъ небесный. О.Н. З.

**) Гхайханъ — прекрасный, красивый; иранъ — пестрый; тарбажи — степной орелъ

Агуй-Шарга-морена (коя) ставить на навозную кучу^{*)} и выдерживаетъ до степени состоянія бѣлки, ставить его на ледь, чтобъ копыта его приняли настоящій видъ; приготовляетъ всѣ свои воинскіе доспѣхи. Ногонъ-Толѣ невѣстка, пропрѣжившись, говоритъ: «Что ты дѣлаешь, собака? (ажа-нохой яга-б-ш?)^{**} куда ты собираешься? Алтанъ-Шагай-мэргынъ говоритъ: «Ты мнѣ указала свата, я и рѣшилъ тудаѣхать». «Что ты, собака! я сказала это въ пьяномъ видѣ. Сколько молодцовъ удалѣ тебѣ рѣшились на это, но возвращались ли, я не слыхала». Тогда Алтанъ-Шагай-мэргынъ говоритъ: «Мужчина-человѣкъ не отказывается отъ своего рѣшенія, какъ волкъ и собака не опускаютъ кости, попавшіеся имъ въ пасть. Не все-ли равно, гдѣ-бы не легли мои кости и кости коня? т. е. не все-ли равно, гдѣ-бы не умирать, лишь-бы умереть съ бранью честію».

Послѣ этого выходить на улїцу, садится на коня и отправляется. Ногонъ-Толѣ невѣстка: «стой!» говоритъ. Сжимаетъ въ два комка мясо двадцати кладеныхъ баравовъ, двадцать копенъ сѣна свертываетъ въ двѣ горсти и кладетъ ихъ на дно въ футляръ (хоромого) лука и говоритъ: «будешь голодать или мерзнуть, бери и ѿсь!» и благословляетъ его, даетъ ему благопожеланіе: «въ родную землю возвратись, въ свое мѣсто вернись! И такъ Алтанъ-Шагай-мэргынъ отправился; видно было только пыли горсть у коновязи, да за тремя шагами мелькнула красная кисть на шапкѣ, да серебряный колчанъ блестнулъ. Затѣмъ Алтанъ-Шагай-мэргынъ, звеня, рыситъ по тракту, узнавая лѣто по пѣнію овсянки (алтын-гургултай) и опредѣляетъ зиму по щекотанію сороки. «Ну, говоритъ, пора дать отдыkh себѣ и коню! и съ этими словами поднимается на вершину высокой горы Сумбыръ во весь опоръ; одной стрѣлой убиваетъ изюбря и самку, разложивши большой костеръ огни, вздѣв-

^{*)} Почти у каждого бурята на што въ кучу загребается навозъ, который зимой подстилается мелкому скоту вмѣсто соломы. Этотъ распущенный навозъ, если онъ овечий, называется хохиръ, если коровий—хи. Обыкновенный-же жесткій навозъ зовется аргалъ. *О. Н. З—ев.*

^{**)} Это выраженіе ни какъ не ругань, а что-то ласкательное.

О. Н. З—ев.

ши на два вертела убитыхъ звѣрей, поставилъ ихъ жарить. Сидя такимъ образомъ, обозрѣваетъ своими бѣлопестрыми глазами въ даль и въ близь и видѣтъ на разстояніи однодневнаго пути стоять три дворца, достигающіе до небесъ; на дворѣ ихъ стоять, какъ кровь, три рыжихъ коня, обвѣшанные колчанами и луками, стоять и рвутся. Что это за народъ живетъ? Разсѣдливаетъ своего коня Агуй-Шарга-морена, серебряное сѣдло кладетъ подъ голову, шелковый потникъ подстилаетъ подъ себя и ложится на спину и думаетъ: «А что, если пѣшкомъ сходить, посмотретьъ это? Уходитъ.

Рѣшивши войти въ первый верхній дворецъ (ордой ургок), вынимаетъ изъ футляра лукъ, приподнимаетъ имъ верхнюю колоду (юрты) дворца, смотрѣтъ туда и видѣтъ; по входѣ на лѣвой сторонѣ (барунтѣ) сидѣть молодецъ-молодцомъ, съ краснымъ лицомъ и съ зубами въ лопату; на хойморѣ (въ задней сторонѣ т. е. противъ дверей) сидѣть съ подрыльникомъ (халзулара) бѣлизны превосходящей сияніе солнца, съ горломъ, превосходящимъ сияніе луны; изъ лоскутка шелковой матеріи въ ладонь величиной сшиваетъ десять одеждъ, изъ лоскута шелка въ полу величиной сшиваетъ двадцать одеждъ и бросаетъ ихъ по обѣ стороны (взадъ и впередъ). Сидя, такъ мужа спрашиваетъ: «Что ты такъ сидишъ? или воображаешь, что нѣть тебѣ подобного человѣка? Тогда мужъ говорить: «Гдѣ-же такой мнѣ подобный человѣкъ есть? — Ахъ ты, собака! говорить жена. Прямо на юго-востокѣ есть сынъ Унтэ-Тархія Алтанъ-Шагай-мэргынъ; сравнишься-ли ты съ нимъ? — «Я его, этого твоего приважу въ правыя торока! говорить мужъ. А ты что думаешь, что тебѣ нѣть подобной? Есть гораздо лучше тебя. Прямо на сѣверозападѣ дочь Байнъ-Мунгэй-хана Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи, шесть она безъ шва, пищу приготовляетъ безъ пары; сравнишься-ли ты съ ней? Жена говорить: «Та небеснаго происхожденія, а я земнаго». Услышавши это, Алтанъ-Шагай-мэргынъ идетъ ко второму нижнему дворцу, поднимаетъ тѣмъ-же порядкомъ верхнюю дверную колоду и опять слышитъ такой-же разговоръ. Идетъ къ третьему дворцу, крайнему-нижнему и опять слышитъ тоже самое.

Тогда беретъ онъ маленький доскуточекъ бумажки и пишеть на немъ: «Привязать Алтанъ-Шагая въ правые торока приходите на вершину горы Сумбырь да по сподутности уведите и своихъ трехъ коней». Когда эти парни вышли на улицу, трехъ коней нѣтъ. Ищутъ тамъ и сямъ, не могутъ найти даже и сѣда. Ища такимъ образомъ, находатъ у основанія одной коновязи бумажку въ ладонь величиной. Никого не могутъ найти прочитать эту бумажку. Одна женщина, знающая грамоту, читаетъ: «Я Алтанъ-Шагай-мэргынъ увель вашихъ коней; приходите и привяжите меня въ правые торока и уведите своихъ коней». Эти три молодца засучиваются красивые рукава до локтей, затыкаютъ красивыя ножы за поясъ и разсуждаютъ: «Днемъ-ли, ночью-ли мы увидимъ Алтанъ-Шагай-мэргына, принесемъ его орѣховую голову! Вотъ увидите!» говорятъ женамъ. А жены имъ говорятъ: «какъ только увидите Алтанъ-Шагая, тотчасъ упадете въ обморокъ» и разошлись по домамъ. Эти трое молодцовъ отправляются. Взираясь на гору Сокто-Сумбырь, видать что-то распостершееся, возвышающееся подобно горѣ и около цѣликомъ изжареныхъ изюбря и матку. Увидѣвшіи это, они упали въ обморокъ. Вставши, Алтанъ-Шагай говорить: «Что, человѣка не видали, подъ ногами жили? людей не видали, подъ подошвой жили?» Хлестнувъ ихъ собольими рукавомъ, заставляетъ встать. Они, вставши, слагаютъ руки ко лбу по-ламайски и молятся на него (кланяются). «Ну, вяжите меня въ правые торока». Тѣ отираются: «Я не говорилъ!.... «Я не говорилъ!.... «Ну, идите, поймайте моего коня и приведите! Отдаетъ имъ узду. Узду эту они и втроемъ даже поднять не могутъ. «Вы такие слабосильные никогда не говорите, что человѣка привяжемъ въ правые торока».

Поймавши самъ, надѣвши узду: «Положите», говорить, «потникъ! Потникъ этотъ они втроемъ сдвинуть даже не могутъ. Тогда онъ самъ налаживаетъ потникъ. Опять имъ говорить: «Осѣдлайте моего коня!» Опять не могутъ сшевельнуть сѣда. Опять самъ осѣдливаетъ. Потомъ оба вертела втыкаетъ передъ собой и всѣмъ имъ

троимъ даетъ по ребру. Остальное, нѣсколько разъ откусивши, сѣль, кости и негодная части мяса выплюнуль (выфыркнуль) ртомъ и носомъ. А тѣ три не могли сѣсть и по половинѣ. «И такъ, послѣ этого вы много не говорите, а когда я отправлюсь, вы молитесь до тѣхъ поръ, пока я не скроюсь изъ вида!» И такъ отправился.

Алтанъ-Шагай-мэргынъ рыситъ по тракту, звена. Когда онъ Ѣдеть, вдругъ слышить, поднимается какой-то гудъ. Летить стрѣла. Гдѣ ты Алтанъ-Шагай? — Что это за стрѣла? она, пожалуй, разорвѣть мою одежду? Изъ ста восьми пуговицъ разстегиваетъ восемь и выставляетъ впередъ свою черную грудь. Изъ оно^{*)} этой стрѣлы дымъ идетъ, а изъ наконечника огненные искры летятъ. Попадаетъ она прямо въ грудь и пропстрѣливаетъ насквозь, дѣля отверстіе, въ которое видѣнъ свѣтъ утренней зари и лучи дневнаго солнца; вылетаетъ, намотавши на себя легкія и сердце. Алтанъ-Шагай-мэргынъ, раскинувши руки, чуть не падаетъ; когда онъ склоняется на задъ, конь подставляетъ ему крестецъ, когда онъ склоняется впередъ, подставляетъ гриву, а когда валится на бокъ, подставляетъ ему ребра. Алтанъ-Шагай-мэргынъ еле-еле вытащилъ лукъ свой изъ футляра и оперса имъ о землю, вытащилъ изъ серебрянаго колчана стрѣлу одонъ-хангай, наложиваетъ ее на лукъ и наговориваетъ ей, чтобы она преслѣдовала (стрѣлившаго), куды онъ ни заходилъ и куда-бы онъ ни выходилъ и пускаетъ ее. Стрѣла улетаетъ. Загудѣли вверху восемь небесъ, залолебались внизу семь частей свѣта. Эта стрѣла пущена въ самого Жоргодой-мэргына, имѣющаго шесть большихъ пальцевъ. Къ нему эта стрѣла и прилетаетъ. Съ шестью большими пальцами (зургак эрхэтей) Жоргодой-мэргынъ, испугавшись ея, вспрыгнулъ на яблочно-чубараго коня и поскакалъ. Стрѣла гонится за нимъ и чуть-чуть уже не догоняетъ его. Бросивши коня, онъ впрыгнулъ въ море и превратился въ семьдесятъ молекъ (небольшихъ рыбъ). Стрѣла-же превра-

*.) Оно — улко стрѣлы, въ которое влагается тетива.

тилась въ семь щукъ, глотаетъ ихъ одну по одной. Осталась только одна молька. Молька эта выпрыгнула (изъ воды) и превратилась въ просо и разсыпалась по одному зерлю, щука (стрѣла) превратилась въ курицу и начала клевать просо. Осталось одно зернышко, которое превращается въ жаворонка и улетаетъ подъ небеса. Стрѣла, превратившись въ сокола, гонится за ней. Тогда рѣшивъ, что эта стрѣла погибшаго хозяина не оставить его, прививается настоящій видъ, садится и выставляетъ впередъ свою открытую грудь. Стрѣла прострѣливаетъ насквозь выставленную грудь, вырывается легкія и сердце и улетаетъ. Стрѣла эта прилетаетъ къ хозяину и входитъ въ колчанъ.

Увидѣвши глазами легкія и сердце, Алтанъ-Шагай-мэргынъ, сказавши: «Ты хотя и впередъ меня стрѣлялъ, но не видѣлъ моихъ легкихъ и сердца, а я твое сердце видѣлъ», упалъ, раскинувшись (алдалажи унабо). Затѣмъ конь его Агуи-Шарга-моренъ, отдохнувшіи, снимаетъ съ него всѣ одежды и прячетъ подъ большой камень. Самъ-же отправляется къ Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи, воскрешающей мертвыхъ и обогащающей бѣдныхъ (обѣднѣвшихъ); пришатился къ табуну Байнъ-Муггэй-хана совсѣмъ осѣдланный. Надсматривавшіе за табуномъ пастухи пришли и говорятъ хану: «Къ нашему табуну пришатилсяшибко хороший конь со всѣми принадлежностями» (осѣдланный). «Этотъ конь восславъ съ неба для моей дочери», говорить ханъ. Затѣмъ собираются народъ, чтобы устроить облаву и поймать этого коня. Множество народа отправляется и гонится за нимъ. Конь обѣгаеть кругомъ три раза степь Гунынъ, обѣгаеть четыре раза кругомъ степь Дунунъ. Затѣмъ этотъ конь, вѣжавши въ одинъ березникъ, нарочно поводомъ запутывается и тутъ остановился. Тогда этотъ народъ приходитъ и ловить его, спутываютъ всѣ его четыре ноги желѣзными путами и такъ приводятъ его. Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи сидитъ у окна и смотрить. Затѣмъ Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи садится на этого коня; Ѣдетъ на сѣверо-западъ—по новому иноходитъ, Ѣдетъ на юго-во-

стокъ—по жеребячы иноходитъ. Тогда Гхайхань-Ирэнъ-Тарбажи говорить: «Распутайте ему всѣ четыре ноги,—пута ему препятствуютъ,—и тогда онъ будетъ еще лучше иноходитъ». Два сильныхъ богатыря беруть его подъ уздцы и онъ все иноходитъ. Затѣмъ онъ какъ хралнуль, туманъ поднялся, фыркнулъ, пыль пошла, отбросивъ двухъ славныхъ богатырей и понесся по воздуху.

Тогда Гхайхань-Ирэнъ-Тарбажи говорить: «Боль скоро ты такъ меня обманулъ, вѣдь и я имѣю чудодѣйственную силу». Вынимать изъ кармана тарбажинныя перья (стенаго орла) и, воткнувши ихъ, намѣревается улетѣть; тогда Агуй-Шарга-морентъ (конь) сдавилъ зубами оба стремени и скжаль въ нихъ ноги Тарбажи, чтобы она не могла ихъ вытащить и улетѣть. И такъ бѣжитъ и, далѣе, спускаетъ ее на кости хозяина. Она-же говорить: «Такъ какъ ты привезъ меня обманомъ, то я не оживлю твоего хозяина». Возносится на небо. Тогда эта конь ржетъ въ слѣдъ сѣдоку: «Эсэгэ-Малань-тэнгри! ты творецъ! Къ этому умершему моему хозяину я привезъ Гхайхань-Ирэнъ-Тарбажи, но она, не ожививъ его, вознеслась на небо! Эсэгэ-Малань-Тэнгри, вида, зналъ все это, посылаетъ каменный градъ, пускаетъ кровяной дождь; солнце свѣтить лишь только надъ костями Алтань-Шагай-мэргына. Тогда эта дѣвушка, шлепая распространтыми мокрыми крыльями, опускается на эти кости. Рѣшивши, что эта лишившіяся хозяина, не отстанеть отъ нея, подбираетъ всѣ кости; три раза плюнувъ на нихъ и маxнувъ три раза черпымъ шелковымъ платкомъ, оживляетъ Алтань-Шагай-мэргына. А сама, сѣвшія на маленькое черное облако, вознеслась на небо.

Алтань-Шагай-мэргынъ, говоря: «Какъ я долго спалъ!» приводить въ порядокъ свои волосы и лицо. Тогда Агуй-Шарга-морентъ начинаетъ рассказывать Алтань-Шагаю все бывшее, какъ раньше, такъ и теперь (т. е. о томъ, что было послѣ того, какъ его убили). Потомъ Агуй-Шарга-морентъ приносить и отдаетъ какъ всѣ доспѣхи, такъ и всѣ одежды. Тогда Алтань-Шагай-мэргынъ обнимаетъ толстую шею своего коня, схватившись за тонкую шею,

обнимаетъ его; изъ золото-черныхъ глазъ его льются слезы, изъ черно-выпуклыхъ глазъ его постоянно капаютъ. Послѣ этого (Алтанъ-Шагай-мэргынъ) говорить: «Ногонъ-Толѣ, моя невѣстка, что-то положила въ футляръ моего лука?» Вынимаетъ со дна футляра два комка мяса двадцати кладеныхъ баранокъ и двѣ горсти съна — двадцать коченъ (спрессованныхъ), развертываетъ и даетъ коню; мясо-же самъ есть.

Затѣмъ отирается искать, гдѣ лежитъ убившій его человѣкъ. У подошвы одной горы виднѣется, какъ гора; кажется какъ скала, лежать кости и останки. Около этого стоять сивый иноходецъ, исхудалый до того, что у него изъ одного паха въ другой просвѣчиваешь (черезъ пахъ солнечный свѣтъ сквозитъ). Всѣ эти кости и останки Алтанъ-Шагай-мэргынъ складываетъ и подбираетъ. Затѣмъ три раза плонувши, три раза черезъ нихъ перешагнувшіи и три раза маxнувшіи на нихъ чернымъ шелковымъ платкомъ, оживляетъ его. Съ шестью большими пальцами Жоргодой-мэргынъ: «Какъ», говоритъ, «я долго спалъ!» поднимается и садится. Побрались оба, сидѣть и бесѣдуютъ (ставши старшимъ и младшимъ братьями). Обмѣниваются съ праваго указательнаго пальца рѣзными серебряными перстнями и уговариваются, что послѣ этого, въ случаѣ какой на кого незгоды, они должны помогать другъ другу. Послѣ этого распрощались. Жоргодой-мэргынъ отправился домой, а Алтанъ-Шагай-мэргынъ, звена, зарысилъ къ Байнъ-Мунгэй-хану.

Приѣзжаетъ къ Байнъ-Мунгэй-хану, сѣзаетъ съ коня, привязываетъ его за шелковый плетеный поводь къ золотой коновязи, а самъ входить. Байнъ-Мунгэй-ханъ, испугавшись, встрепенулся на ширэ (на тронѣ). Тотъ здоровается съ нимъ, отдавая ему царскія почести. Байнъ-Мунгэй-ханъ спрашиваетъ: «Откуда и куда путь держишь, молодецъ?» «Я Алтанъ-Шагай-мэргынъ, сынъ Ун-тэ-Тархія, живущаго отсюда прямо на юго-востокѣ, предлагаю себя въ зятевья, а кумакъ свой въ сваты». Радуясь этому (ахъ

какое, дескать, славное слово сказалъ), усаживаетъ его барунтэ (на лѣвой сторонѣ по входѣ въ юрту), ставить передъ нимъ золотой столъ, уставляетъ этотъ столъ разными самыми вкусными кушаньями и угощаетъ краснымъ сливнымъ чаемъ. Послѣ этого Байнъ-Мунгэй-ханъ приказываетъ бить въ задній барабанъ и собирается народъ; приказываетъ ударять въ передній барабанъ, собирается безчисленное множество народа. Устраивается пиръ—гулянка, выставляются водки цѣлыхъ озера; навариваются мяса горы (пригорки).

Дочь хана Гхайханъ-Иранъ-Тарбажи жила отъ отца отдельно, на разстояніи однодневнаго пути. Она посыпаетъ свою горничную (шигэбшэхын-барзыга) посмотретьъ и сказать ей, какого жениха нашли ей. Эта горничная, очаровавшись сладко-прекрасными рѣчами Алтанъ-Шагая, пробыла тутъ, забывъ обо всемъ, трои сутки. Очнувшись (вспомнивши), всплеснула по подолу руками и бѣгомъ выбѣжала на улицу, взяла простое деревянное сѣдло, вместо потника подложила подъ сѣдло тарь*) и помчалась домой. Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи спрашиваетъ ее: «Почему ты такъ долго была тамъ?» Горничная говоритъ: «Ужасно худаго жениха нашли тебѣ, такъ что я издѣвалась надъ нимъ и меня стоянило и вырвало, потому я и пробыла тамъ трои сутки». Тогда Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи: «Чѣмъ», говоритъ, «мнѣ выходить за такого», взяла и вознеслась на небо. Алтанъ-Шагай-мэргынъ, взявши слово на три дня (т. е. чтобы черезъ три дня была привезена къ нему невѣста), выходитъ въ желтую степь, возвигаетъ здѣсь дворецъ высотою до небесъ и приготовляетъ пищу и питье, словомъ, все необходимое. Байнъ-Мунгэй-ханъ отправляется къ дочери. Приходитъ къ ней и не находить ее. Спрашиваетъ у горничной: «Куда ушла Гхайханъ-Иренъ-Тарбажи?» «Не желая выходить замужъ, она вознеслась». Тогда Байнъ-Мунгэй-ханъ говоритъ: «Теперь снесетъ мнѣ голову Алтанъ-

*) Тарь—шерстяная ткань, которую ткутъ сами буряки; употребляется вмѣсто ковровъ на покрышу половъ.

Шагай-мэргынъ, прорвешь мои локти! Вверхъ смотрить смеется, внизъ смотрить рыдаеть. «Баннь-Мунгэй-ханъ! что ты сокрушаешься? Призвавши трехъ докторовъ, соскрабите совершенно приставшую ко мнѣ грязь*), одѣньте меня въ одѣжды Гхайхань-Ирэнъ-Тарбажи! вымажьте меня верблюжимъ жиромъ, сдѣлаете благованной! вымажьте меня овечьимъ жиромъ, сдѣлаете съ пріятнымъ запахомъ и я такъ доставьте меня къ нему». Такъ сдѣлавши, доставляютъ ее. Алтань-Шагай-мэргынъ угощаетъ. Три ночи и три дня гуляютъ. Затѣмъ народъ возвратился домой, а Алтань-Шагай-мэргынъ остался жить съ горничной. На утро эта госпожа встаетъ и не умывши ни лица, ни рукъ, начинаетъ варить чай. Алтань-Шагай дивомъ дивнымъ удивляется—лежитъ. Затѣмъ когда всталъ и сидѣлъ, пилъ чай, является посланный отъ тестя съ приглашенiemъ обоихъ въ гости. Отправляются и гуляютъ. Между сидящими нальво (барунтэ т. е. между мужчинами) нѣть равнаго по разговору съ Алтань-Шагаемъ, а между сидящими на хойморѣ (т. е. между женщинами) нѣть страшнѣе жены Алтань-Шагая, сопливой и слюнявой. Алтань-Шагай-мэргынъ смотрить на жену и дивится. Алтань-Шагай-яэр-гынъ, оставивши жену, самъ отправился впередъ.

Возвратившись домой, онъ превратился въ блѣду колѣнчатую траву (үйтэ-саган-убугун), растущую барунтэ (по лѣвой сторонѣ по входѣ въ юрты), а Агуй-Шарга-морена превратилъ въ комокъ конскаго навоза и бросилъ его на улицу. Въ это время прилетаютъ и садятся у дымового отверстія (урхэ дэрэнъ) три лебедя; снявши крылья и превратившись въ трехъ хорошенькихъ дѣвушекъ, входятъ въ юрту (во дворецъ). Двое изъ нихъ сѣли «барунтэ» и изъ шелковой матеріи въ полу величиной сшили двадцать одѣждъ; третья же сѣла на хойморѣ и изъ шелковой матеріи въ ладонь величиной приготовила десять одѣждъ. Тогда сидящія «барунтэ» обращаются къ ней: «Почему же ты не вышла за такого-же хорошаго мужа,

*) Изъ послѣдующаго текста вытекаетъ, что это говорить горничная царевны Тарбажи.

какъ ты? Сидящая на хойморѣ дѣвушка говоритъ: «Все это, что я нахожусь теперь такъ, произошло отъ моей горничной, которая меня обманула». Въ это время Алтанъ-Шагай-мэргынъ принимаетъ настоящій видъ, превращается въ себя и ловить сидящую на хойморѣ дѣвушку, но не могъ ее удержать; она его оттолкнула и улетѣла. Тогда Алтанъ-Шагай говоритъ: «Хотя съ тобой и не могу справиться, такъ справлюсь съ твоимъ отцомъ!» Садится на своего Агуй-Шарга-морена и скачетъ. На половинѣ пути эта дѣвушка, спустившись сверху, схватила и удержала спереди за поводъ. Не смотря на это, онъ начинаетъ бить ее плетью, приговаривая: «И безъ тебя обойдусь! Та начала уговаривать его такъ мягко и убѣдительно, что и надѣ чистою водой образовались пѣнки и на гладкомъ камѣ выросла трава. Такимъ образомъ убаюканный Алтанъ-Шагай-мэргынъ уснулъ.

Тогда она переноситъ его во дворецъ и укладываетъ. Затѣмъ, Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи приготовляетъ пищу безъ пара, шитье одежды безъ шва, ходить плавно мягкко-тоненъкая трава выростаетъ, выступаетъ степенно—изъ одного стебля выростаютъ по два цветка. Алтанъ-Шагай, пробудившись, лежитъ и смотрѣтъ и думаетъ: «Она такая, значитъ она царская дочь». Стремительно соскочивши съ постели, выбѣгаешь на улицу, садится на кояя и намѣревается отправиться. Въ это время выходитъ женщина (эта) и спрашиваетъ: «Куда ты хочешьѣ ходить? Онъ отвѣчаетъ: «Къ твоему отцу, чтобы снять съ него голову и распороть ему локти». — Ажа-нохой, что съ тобой!—Едва-едва убѣдила его и ввела въ юрту. Вонли, сидѣть и пить сливной, красный чай. Когда такъ сидѣли, Ирэнъ-Тарбажи говоритъ мужу: «Смотри-ка назадъ! на тебя направляется лукъ и стрѣла».

Лишь только онъ оглянулся, какъ она перерубила его вдоль пополамъ. Разрубивши такъ, начала очищать всѣ его внутреннія (нечистоты^{*}). Очистивъ, превратила его въ настоящій видъ. Въ это

^{*}) Алтанъ-шагай отъ жизни съ горничной сквернился, «бузардепго», потому его и нужно было очистить.

время съ улицы раздается голосъ: «Выйди и введи меня!» На голосъ этот выбегаетъ Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи и видать, въ по-возкѣ сидить ея горничная. Тарбажи схватываетъ ее, разрываетъ пополамъ и, бросая одну половину назадъ, говоритъ: «Будь ты зеле- ный дятль (хухэ шунтул) и постоянно долби дерево!» Другую поло-вину бросила впередъ и говоритъ: «Будь ты красный дятль (улан шунтул) и постоянно долби дерево!» Затѣмъ входить въ юрту.

Послѣ этого Алтанъ-Шагай начинаетъ подумывать о возвращеніи на родину, разсуждая такъ: «Чужестранецъ въ чужой землѣ не уживается, сохатина лопатка въ котлѣ не помышляется». По-слѣ этого оба отправляются къ тестю. Тесть очень удивляется, видя свою дочь и очень радуется, недоумѣвая, откуда она пріѣхала замужней. Алтанъ-Шагай-мэргынъ говоритъ: «Я отправляюсь на родину». Байнъ-Мунгэй-ханъ даетъ имъ половину разнаго скота, половину золота и серебра и отправляетъ ихъ. Алтанъ-Шагай- мэргынъ отправляется впередъ своей жены и наказываетъ: «Гдѣ я буду чертить, пойзжайте, а гдѣ я опишу кругъ, почуйте!»

При пріѣздѣ ихъ домой черный воронъ каркаль, а около дома рыскала лисица и выроѣсь пырей (хара хягал), достигающій выши-ной до сѣдельного сидѣнія (т. е. въ ростъ коня). А самъ дворецъ набочился. Сильно удивляется. Рѣшивъ, что невѣстка его Ногонъ-Толѣ непремѣнно оставила какой-нибудь значекъ, входить въ юрту, вырываетъ западный камень съ очага; оттуда вылетаетъ маленькая написанная бумагка. Читаетъ написанное тамъ: «За предѣлами зем-ли, на девяносто лѣтъ пути, за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ небо касается земли, девять братьевъ мангатхаевъ ограбили; когда вернешься, за нами не ходи!» Послѣ этого онъ поправляетъ все снаружи и внутри. Этимъ временемъ подходить и прочій народъ. Размѣща-еть скотъ по надямъ, разселяется народъ по городамъ. Затѣмъ рѣ-шаєтъ: «Гдѣ-бы не лежали кости мои и кости коня, не все-ли рав-но» (т. е. гдѣ-бы не умереть, не все-ли равно)? приготовляется днемъ при свѣтѣ солнечномъ, приготовляется почью при свѣтѣ луны;

рѣшается хоть десять лѣтъ слѣдить по слѣду магтира (абаха мурёр), хоть двадцать лѣтъ по слѣду червяка (хорхой мурёр). Одѣвшись во всѣ доспѣхи (т. е. надѣвши кольчугу и шлемъ), отправляется.

Ѣдетъ, Ѣдетъ и Ѣдетъ; зиму опредѣляетъ по щекотанію сороки, а лѣто по лѣїю малиновки (алтан гургулдайн дугар); достигаетъ того мѣста, где небо сходится съ землей. Когда небо поднялось, отдалось отъ земли, онъ подставилъ между ними своей лукъ и проскочилъ на другую сторону*). Отсюда Ѣдетъ дальше. Тогда девяти-десети-пяти головый мангатхай Хоюхыръ, узнавши это, посыаетъ ему на встрѣчу десяти-головаго своего младшаго брата мангатхая. Встрѣчаются на царскомъ тракту. Алтанъ-Шагай-мэргынъ кричитъ: «Эй, ты, чужое присвоивающій, шейные позвонки глаодающій! Зачѣмъ разграбилъ чужое имущество и утащилъ чужую, мою старшую-невѣстку? Какъ хочешь состязаться въ силѣ: плечами (бороться) или правымъ большимъ пальцемъ» (т. е. стрѣлять изъ лука)? — Будемъ бороться!

Схватились. Боролись трое сутокъ и Алтанъ-Шагай-мэргынъ задавилъ десяти-головаго мангатхая, какъ желтаго турпана (аныр). Затѣмъ приходитъ двадцати-пяти головый мангатхай. Опять борются три дня и три ночи и онъ убиваетъ мангатхая. Послѣ этого выходитъ тридцати-пяти головый мангатхай Гура-Шара. Опять, проборовшись трое сутокъ, убилъ его (мангатхая). Выходить сорока-пяти головый Дылдэгырь-шара-мангатхай; черезъ трое сутокъ едва-едва побѣдилъ его. Потомъ борется пять сутокъ съ Таныр-шара-мангатхаемъ пятидесетицѣти-головымъ до того, что выступаетъ черный потъ и размягчаются твердые кости и едва-едва осиливаетъ его. Послѣ всего этого Ѣдетъ на каремъ иноходцѣ шестидесети-пяти головый Жортогорь-шара-мангатхай и бупчить «Гхун! гхун!

*). По вѣрованіямъ бурятъ, земля покрывается небомъ какъ-бы опрокинутымъ котломъ, который то поднимается, то опускается, т. е. края котла то лежатъ на землѣ, то поднимаются; такое движение постоянно, какъ движение магнита. Вотъ этимъ-то моментомъ и воспользовался Алтанъ-Шагай-мэргынъ и проскочилъ за предѣлы неба и земли, подставивъ между ними свой лукъ.

не храбрись, убивший моихъ пять братьевъ! я не почувствую тебя, какъ маленькое волокно мяса, засѣвшее въ зубахъ и не почувствую, какой имѣешь ты вкусъ» (т. е. прямо прогложу*). Схватились бороться. Борются такъ равно, какъ навьюченный обѣ половины на верблюдъ или на конъ (т. е. ни та, ни другая сторона не перевѣгивается). Борются шесть дней и шесть ночей, на седьмой день едва, едва его побѣждаетъ.

Послѣ этого выходить три мангатхай съ 75, 85 и 95 головами. Что это, говорить, за хубилганъ, что побѣдилъ шесть нашихъ братьевъ? Вступаетъ въ борьбу семидесяти-пяти-головый мангатхай. Борются семь сутокъ, тѣмъ Алтанъ-Шагай становится легкимъ и полы у него трясутся. Мангатхай свертываетъ его, какъ полы и волочить, какъ каломанъ (хубсыр**). Алтанъ-Шагай кричитъ, какъ яманъ (козелъ), визжитъ какъ коаленокъ (инаган) и жизни у него остается съ тонкую шелковую нитку. Въ это время подскакиваетъ на сивомъ конѣ парень, съ зубами въ лопату, съ темно-краснымъ лицомъ, схватываетъ Алтанъ-Шагая, отбрасываетъ его въ сторону и самъ начинаетъ бороться. Онрокидываетъ семидесяти-пяти-головаго мангатхая на правое бедро и такъ ударяетъ обѣ землю, что тотъ ушелъ въ нее до третьяго промерзанія, и изъ земли торчали только уши да болтался мизинецъ. Потомъ вступаетъ въ борьбу съ восьмидесяти-пяти-головымъ мангатхаемъ. Съ этимъ устраивается также. Наконецъ вступаетъ въ борьбу съ девяносто-пяти-головымъ мангатхаемъ. Борются три мѣсяца и едва онъ побѣждаетъ этого послѣдняго мангатхая.

Послѣ этой побѣды, парень этотъ подходитъ къ Алтанъ-Шагаю. Алтанъ-Шагай спрашиваетъ его: «Чей ты сынъ?» «Я Унтэ-Тархіева Алтанъ-Шагай-мэргына сынъ». «Какъ твое имя?» «Багай Бакшэ-Нюдарга***) я называюсь». «Если ты дѣйствительно мой сынъ,

*) Шудуни мани шиэншэ болхо угей-иц амани мани амтуурга болхо угай-иц.
О. З—сь.

**) Хубсыръ по бурятски коверъ изъ конскихъ и бараныхъ камысовъ; русскіе такой коверъ называютъ каломаномъ.
О. З—сь.

***) Нюдарга «кулакъ».
О. З—сь.

отойди на одинъ день разстолнія и выстрѣли такъ, чтобы стрѣла отѣлила ноготь отъ большаго моего пальца, не коснувшись мяса (ирхэинъ хюмогай мини хара саган хоюр дундурэнъ тагха харбажи*). Этотъ парень уходитъ, стрѣляетъ и отстрѣливаетъ ноготь напрочь между бѣлымъ и чернымъ. «Дѣйствительно, говорить, ты мой сынъ! Садитъ его на правое колѣно и нянчитъ, какъ маленькаго; садить на лѣвое колѣно и водится съ имъ (приголубливается), какъ съ младенцемъ и ласкаетъ его. Послѣ этого разрушаютъ все царство мангатхая; движимое все, не оставляя маленькаго ножичка, обрывка ремня (тхомошін хухархай улэнбээр хурита архай улэнбээр), забираютъ, а недвижимое скигаютъ. Ищутъ старшаго брата и невѣстку и находить ихъ пасущими скотъ; у нихъ выколото по глазу, сломано по одной руки и ногѣ. Нашедши ихъ, исцѣляютъ ихъ посредствомъ большаго и указательнаго пальцевъ и приводятъ ихъ въ прежній видъ. Всѣ вмѣстѣ возвращаются. Столько ведутъ за собой скота, что его едва вмѣщаешь надъ и едва напаиваетъ источникъ. Со всѣмъ этимъ приходитъ домой. Скота размѣщасть по падямъ, а народъ разселяеть по городамъ. Послѣ этого устраиваютъ циркъ и гуляютъ девять дней и девять ночей. Мяса было паварено пригорки и имъ бросались, было выставлено озеро водки и въ ней купались. Одержанвшія побѣду, зажили благополучно.

Записано о. Н. И. Затопляевымъ
со словъ П. Н. Синельникова, почетнаго гражданина изъ аларскихъ бурятъ.

Другой вариант окончания сказки: «Алтанъ-Шагай-мэргынъ».

Когда Алтанъ-Шагай, послѣ побѣды надъ мангатхаями, съ сыномъ возвратился домой и отдыхалъ, приходять къ немъ два скорыхъ посла. Достигши къ Алтанъ-Шагай-мэргыну, посланники говорятъ: «Насъ послали Жоргонтэйши-Эрхэтэ-Жоргодой-мэргынъ,

* Буквально: чтобы пролетѣла между чернымъ и бѣлымъ, т. е. оторвѣтъ.

сынъ мѣсяца (гхарани-хубунъ) Гхагаль-мэргынъ, сынъ солнца (нараны хубун) Нагада-мэргынъ, сынъ Пледъ (Мышини хубун) Мэргынъ-Дэгэ, Гэгэнъ-Саганъ тэнгэрин (свѣтлого бѣлаго неба) Гырынъ-Саганъ-баторъ и Аланъ-Шумэръ-баторъ, чтобы привести тебя Алтанъ-Шагай вмѣстѣ съ твоимъ сыномъ Багай-Бакша-Нюдургаемъ и чтобы вы вмѣстѣ съ ними шли освободить Абай-Гысыра, которого Лобсоголдой-мангатхай превратилъ въ неутомимаго осла и мучить его, вснашивая и заборанивая на немъ по шестидесяти десятинъ земли въ день. Тогда говорить: «Черезъ три дня и три ночи отиравимся!» Приготовляются три дня и три ночи и отправляются вмѣстѣ съ Багай-Бакша-Нюдургаемъ. Пріѣзжаютъ къ Жоргодой-мэргыну. Ставши девять молодцовъ, направляются прямо къ Лобсоголдой-мангатхаю. И такъ шли, шли и шли. Узнавши объ этомъ, Лобсоголдой садится на дряннаго сиваго коня, понуждается его спереди и сзади сорокапудовымъ молотомъ, приближается прямо навстрѣчу къ нимъ и встрѣчается съ ними на тракту. Лобсоголдой-мангатхай спрашиваетъ ихъ: «Что вы за люди, откуда и куда шествуете?» Тогда Алтанъ-Шагай крикнулъ вычнымъ голосомъ, какъ десять тысячъ человѣкъ, гаркнувъ, какъ тысяча человѣкъ: «Ахъ ты безрогий, мучашій Абай-Гысыра и забравший все! Лобсоголдой-мангатхай и говорить Алтанъ-Шагаю: «Некричишибко-то! Я не почувствую твоего вкуса и не покажешься ты мнѣ весь съ шишашэ (маленькой кусочечкы мяса, заставшій между зубами)! какъ будемъ состязаться въ силѣ, бороться или стрѣляться? «Будемъ бороться» (элэнь хушэр болой)! сказалъ Алтанъ-Шагай. Словоравшившись бороться, свиваются себѣ полея изъ старой-старой бѣлой бересы, дѣлаютъ оборки къ обуви изъ тоненькой бересы. Затѣмъ трое изъ нихъ: сынъ мѣсяца (гхарани хубун) Гхагаязъ-мэргынъ, сынъ солнца (нараны хубун) Нагада-мэргынъ и сынъ Пледъ (Мышини хубун) Мэргынъ-Дэгэ вступаютъ въ борьбу съ мангатхаемъ. Лобсоголдой-мангатхай схватить этихъ трехъ славныхъ молодцовъ за одинъ разъ и бросилъ въ мѣстность Абай-хани-Алтанъ-Дэргэй*);

* Абай хани алтанъ дэргэн, «Золотая телега Абай-хана» (?). Ред.

всѣ они троє свалились, упали, какъ шагай (таранная кость). Пoслѣ этого вступаютъ въ борьбу съ мангатхаемъ: кровяного краснаго неба (шугхан улан тэнгэри) Шудай-Уланъ-баторъ, (свѣтлого бѣлаго неба (тэгэн саган тэнгэри) Гырымъ-саганъ-баторъ и Аизанъ Шумэръ-баторъ; ихъ мангатхай такъ-же бросили. Затѣмъ съ ними вступили въ борьбу: Алтанъ-Шагай-мэртынъ, Багай Бакша-Нюдурга и Жоргодой-мэртгэй. Сѣелись такъ ровно какъ выюки, которые хоть на коня, хоть на верблюда бросай; борются три дня, три ночи, борются девять дней, девять ночей, и такъ проборолись три года. По всему свѣту дымъ и пыль поднялись; небо днемъ сдѣладось, какъ ночью; птицы не могли найти своихъ итенцовъ, козы потеряли своихъ козлять. Въ то время какъ была сильная темнота, Эсэгэ-Маланъ-тэнгри, чтобы узнать, что происходит у нижнихъ обитателей, что за война, что за сраженіе, открываетъ номъ (законъ) и видить, что три славныхъ молодца уже три года борются съ Лобсоголдой-мангатхаемъ и не могутъ побѣдить его и сами чуть не побѣждены. Тогда Эсэгэ-Маланъ-тэнгри даетъ приказаніе Гунынь-Саганъ-тэнгрю, чтобы онъ поразилъ громомъ Лобсоголдой-мангатхая. Гунынь-Саганъ-тэнгри загремѣлъ и зазвенѣлъ отъ одного края небеснаго до другаго, заблистала молния и затряслась сильно земля; молния разразилась надъ верхушкой Лобсоголдой-мангатхая, а мангатхай остался даже не опаленный; вырывается съ корнемъ большую красную лиственъ, бросаетъ ею въ Гунынь-Саганъ-тэнгри и попадаетъ въ него вскользь, такъ что Гунынь-Саганъ-тэнгри лишился чувствъ и едва могъ разсказать все это Эсэгэ-Маланъ-тэнгрю. Въ это время у славныхъ молодцовъ уже забилось нестрое сердце и погнулись ребра. Волочить этихъ трехъ славныхъ молодцовъ, какъ полами метѣть; жизни у нихъ остается только съ шедчинку (съ шелковую нитку).

Послѣ того, какъ Алтанъ-Шагай отправился, у него родился сынъ Баторъ-Сокто-мэртгэвъ. Этотъ сынъ спрашивается: «Гдѣ мой отецъ?». Мать говорить: «Отецъ твой побѣженъ и убитъ на

войнѣ», но когда и гдѣ, не объяснила. Въ это время въ котѣ варилось молоко; тогда Баторъ - Сокто - мэргынъ выбѣгаешь на улицу, выпускаетъ семьдесятъ красныхъ телятъ и кричить: «Мать! мать! семьдесятъ красныхъ телятъ сосутъ матерей!» Мать выбѣгаешь бѣгомъ. Пока она отлучалась и садила телятъ, парень подложилъ дровъ и огонь сильно разгорѣлся, молоко закипѣло. Спрятав чашки и поваренки, кричить: «Мать! молоко плыветь!» Мать выбѣгаешь и не можетъ найти ни чашки, ни поваренки. Тогда парень береть обѣ руки матери и начинастъ ими мѣшать молоко; та кричить, какъ козель (ямантъ), вязжитъ, какъ козленокъ (изаганъ), а онъ, приговаривая, спрашивается: «Гдѣ мой отецъ?» Тогда мать говоритъ: «Прямо на югъ съ Лобсоголдой-манатахаешь уѣхалъ воевать и до сихъ поръ еще не вернулся». Узнавши (собственно: въявши слово), лечить обожженную руку матери большими пальцемъ, исцѣляетъ указательнымъ (эрхээрэ эмнэтъ долборою домнот орхёбо). Послѣ этого береть и ташить большелобаго барана на гору Сукто-Сумбыръ и дѣлаеть тайлаганъ Эсэгэ-Малань-тэнгрю и просить его: «Приготовь мнѣ одѣваться одежды, приготовь мнѣ военные доспѣхи и приготовь мнѣ коня для Ѣзда!» Такъ молилися. Узнавши все это Эсэгэ-Малань-тэнгри рѣшаеть (Эсэгэ-Малань-тэнгир мэдэн доторъ мэргжи, ухан доторо облагожи): «Это приносить тайлаганъ и просить одѣжды, коня и доспѣхи мною созданный парень!» Приводить девять небесныхъ шитницъ и заставлять ихъ спить одежду, приказываетъ девяти кузнецамъ приготовить доспѣхи, посыпаетъ двухъ пословъ-скороходовъ пойматъ жеребенка, родившагося отъ чалой хобылы и ходащаго въ табунѣ жеребца Эхэ-Буракши. Эти два славныхъ посла никакъ не могутъ поймать жеребенка. Тогда мать этого жеребенка говорить: «Вы такъ этого моего жеребенка никакъ не поймаете! «А какъ-же намъ ловить его?» «Вырвите изъ моего хвоста три волоска, сдѣлайте изъ нихъ петлю, прикрѣпите ее на хворостины изъ мягкой бѣлой травы и, когда накините на него петлю, говорите: «Если ты разорвешь золотые

волоски твоей матери, будешь тебѣ вѣчный грѣхъ, а если ты изломаешь мягкую траву, вѣчно будешь ходить безъ пищи! И такъ жеребенокъ поддался и когда эти два славные посы сказали ему, какъ научила ихъ мать его, онъ остановился, какъ вкопанный и стоять смирихонько, какъ стѣжившійся спящій заяцъ. Обуздываютъ его наборной серебряной уздой, нальваютъ на него серебряную оброть и ведутъ его къ Эсэгэ-маланъ-тэнгрю. Затѣмъ Эсэгэ-Маланъ-тэнгри навыочиваетъ на этого жеребенка всѣ одежды и доспѣхи и передаетъ его крылатому бѣлому бурхану, чтобы онъ спустился и вручилъ его господину. Бурханъ этотъ спустился и кричитъ Баторъ-Сокто-мэргину: «Если ты молодецъ, поймай этого за шелковый плетеный поводъ, поверни его и развязи сразу сто восемь петель (зун найман зангилаинъ хубо татажи абахыш) и возьми ихъ*); если же не поймаешь, онъ своими четырьмя копытами разобьетъ тебя въ дребезги». Сказавши такъ, опустилъ его (т. е. жеребенка). Конь этотъ понесся, какъ брошенный камень; летить, какъ соколь со свистомъ. Баторъ-Сокто-мэргинъ схватываетъ за шелковый плетеный поводъ, повертываетъ и останавливаетъ, развязываетъ сразу сто восемь петель и беретъ доспѣхи. Затѣмъ осматриваетъ одежды и находитъ ихъ вполнѣ исправными, натягиваетъ лукъ, осматриваетъ его и говоритъ: «Зимою держать этотъ лукъ еще ничего, тугой, а лѣтомъ мягковать». Садится на коня и беретъ въ руки поводья; конь вспрыгиваетъ до небесъ, спускается до земли и только благодаря ловкости своей Баторъ-Сокто удерживается на немъ. Кое-какъ держась, прѣѣзжаетъ домой. Мать увидала его въ окно и не узнала и, испугавшись, едва сидитъ. Думая, что это какой-то воинъ, она скрѣталась подъ бараномъ (подставка подъ ящиками въ юрѣ), и, помѣстившись тамъ вся, все таки лежитъ. Баторъ-Сокто-мэргинъ входитъ, видитъ мать подъ бараномъ и спрашиваетъ ее: «Что ты это, мать? Та выходитъ и говоритъ: «Я думала, что ёдетъ какой то воинъ!»

*.) Здесь разумѣются доспѣхи, которые были въ торокахъ; ихъ-то бурханъ и приказываетъ взять, развязавъ сразу сто восемь петель. О. 3—6.

«Ну, я пойду искать (розыскивать) отца!» Сказалъ такъ Баторъ Сокто-мэргынъ и поскакалъ прямо на югъ. Ёдетъ, ёдетъ долго-ли коротко-ли, близко-ли, далеко-ли. У трехъ молодцовъ, боровшихся съ Лобсоголдой-мангатхаемъ, остается жизни только съ шелковую нитку. «Пожалуй, они доживутъ, пока я приѣду», говоритъ. Взялъ, дернулъ коня вправо, поворотилъ влево, ударилъ плетью, подскакиваетъ къ Лобсоголдой-мангатхаю и конь Батора хватилъ Лобсоголдоя своими четырьмякопытами такъ, что не осталось запаху отъ его внутреннихъ нечистотъ и не уцѣльно косточки грызть лисицѣ. Немогшіе побороть Лобсоголдой-мангатхая три молодца лежатъ. Баторъ-Сокто подходитъ къ нимъ, (ставить) поднимаетъ ихъ и переносить на вершину горы Сукто-Сумбыръ. Потомъ убивается одной стрѣлой изюбры и матку, жарить ихъ и мясомъ ихъ начинаеть поправлять этихъ трехъ молодцовъ. Тогда они спрашивають его: «Изъ какого мѣста, изъ какого царства ты, парень?» «Я сынъ Алтанъ-Шагай-мэргына и называюсь я Баторъ-Сокто-мэргынъ». Алтанъ-Шагай-мэргынъ говоритъ тогда: «Если ты действительно мой сынъ, отойди на разстояніе одного дня пути и выстрѣли такъ, чтобы отѣлить ноготь отъ праваго большаго пальца между чернымъ и белымъ, не задѣль миса». Парень этотъ отошелъ на разстояніе одного дня пути и выстрѣлилъ именно такъ, какъ было ему сказано. Послѣ этого Алтанъ-Шагай-мэргынъ садить его на правое колѣно и ласкаетъ его, какъ маленькаго, садить его на лѣвое колѣно и приголубливаетъ его, какъ однолѣтняго. Потомъ отправляются розыскивать шесть славныхъ молодцовъ и находять ихъ въ мѣстожительствѣ Абай хана, въ мѣстности Алтанъ-Дэргэнъ. Стали вдесятеромъ и отправляются къ мѣстожительству Лобсоголдой-мангатхая. Приходить и видять черножелѣзный дворецъ, протянувшійся во всѣ стороны по шестидесяти верстѣ. Пришедши сюда, выбиваютъ туда проходъ, выѣзжаютъ черножелѣзныя ворота. Абай-Гысыръ-богдо оказывается запертымъ въ трехэтажномъ желѣзномъ амбарѣ. Баторъ-Сокто-мэргынъ разбиваетъ ногой двери этого амбара и выводить

его оттуда, превращенного въ неутомимаго осла. Выведши, удариль его по правой щекѣ; изъ ней потекло какое-то поганое зелье; удариль его по лѣвой щекѣ, сильно пошелъ гной. Абай Гысырь приходитъ въ чувство и говоритъ: «Ахъ, какъ я долго спалъ! И спрашивается: «Изъ какого мѣста, славные молодцы?»

Мы такие и такие, говорять ему. «Ну, спасибо вамъ! говоритъ Абай-Гысырь-богдо. «Будьте, богатыри, моими товарищами! Затѣмъ входятъ въ черный желѣзный дворецъ и видятъ сидящую Лобсоголдой-мангатхая кривую бѣлую царицу (салир саган хатун гхубо). Баторъ-Сокто-мэргынъ размозжилъ ей вдолъ пополамъ голову и убилъ ее. Въ это время изъ нутра этой женщины вылетѣлъ мальчикъ и поднимается на небо. Баторъ-Сокто-мэргынъ выбѣгаешь на улицу и видитъ его камушился съ клемца (хашиги шинен). Беретъ лукъ, накладываетъ золотую стрѣлу, прицѣливался попасть въ смертельное мѣсто; при этомъ говоритъ: «Если намъ суждено побѣдить, попади прямо между шейными позвонками (амаргал хузугеринъ тагха тудан ошорэ гэт), а если намъ суждено погибнуть, пропади тамъ! Стрѣла эта поразила парня насмерть. Послѣ этого они забираютъ весь скотъ, всякое имущество, не оставляя ни обрывка ремня, ни обломка маленькаго ножика. Идутъ, едва помѣщая скотъ въ пади, едва напаивая его въ ручьяхъ. Приходятъ къ Гысырь-Хану и устраиваютъ на три дня пиръ и гулянку. На четвертый день Гысырь-богдо говоритъ: «Чтобы уничтожить совершенно сѣмѧ (потомство) мангатхаевъ, необходимо подавить на восемьнадцатомъ небѣ бабу Мойсъ-Хара. Если мы ее задавимъ, уничтожится сѣмѧ мангатхаевъ (потомство мангатхаевъ). Ты, Баторъ-Сокто, живо сходи и уничтожь ее! Баторъ-Сокто говоритъ: «Я пойду, только дайте мнѣ еще двухъ товарищѣ! Тогда даютъ ему краснаго кровяного неба Шудай-Уланъ-богатыря и Анзанъ-Шумэръ-богатыря. Всѣ эти славные молодцы отправляются и идутъ долго-ли, коротко-ли, опредѣляя зиму по щекотанию пестрой сороки, и примѣчая зѣто по пѣнѣю овсянки (алтанъ тургулдаин дугарь). Когда они на-

чинаютъ достигать восемнадцатаго неба, Мойсъ-Хара-изы, узнавши это, посыаетъ черную птицу съ мѣднымъ клювомъ Тадъ (тад ха-ра шубуэ), чтобы она проклевала черепа этихъ трехъ славныхъ молодцовъ и высосала изъ нихъ бѣлотворожный ихъ мозгъ. Когда птица эта начала приближаться, Баторъ-Сокто-мэргынъ, превратившись въ черную муху, усѣлся на спину этой птицы и летить на ней. Птица эта прилетаетъ къ двумъ славнымъ молодцамъ, пробиваетъ ихъ черепа и высасываетъ ихъ бѣлотворожный мозгъ; не могши найти третьего парня, возвращается (поднимается). И Баторъ-Сокто поднимается вмѣстѣ съ этой птицей. Птица, прилетѣвъ, говоритъ Мойсъ-Хара-изы (бабѣ): «Когда я подаѣтала, видѣла троихъ; у двоихъ я высосала мозгъ, а третьего, окруживъ семь разъ семь частей свѣта и обойдя восемь разъ восемь небесныхъ частей, нигдѣ не могла найти и такъ возвратилась». Мойсъ-Хара-изы говоритъ ей: «Ты видѣла свои рѣчицы (т. е. ты ошиблась), прибавивъ третьяго». Когда они такъ говорили, Баторъ-Сокто-мэргынъ все слушалъ. Мойсъ-Хара-изы жила въ желѣзномъ амбарѣ и не было двери, черезъ которую бы можно было входить туда; кормили же ее черезъ прорѣденную трубу. Черезъ эту-то трубу, когда подавали пищу, и вошелъ Баторъ-Сокто-мэргынъ, связавъ эту Мойсъ-Хара-изы веревкою въ тысячу ручныхъ газенъ такъ крѣко, что веревка врѣздалась до костей; разворотивши желѣзный амбаръ, вышелъ. Вышедши, всѣ строенія поджогъ и сожегъ, а самую Мойсъ-Хара-изы привязалъ къ торокамъ и спускается къ нижнимъ обитателямъ. На половинѣ спуска онъ посмотрѣлъ въ торока, Мойсъ-Хара-изы не оказалось; смотрѣть своими стѣробѣльными глазами туда и сюда и видѣть, что она уже почти достигаетъ восемнадцатаго неба. Баторъ-Сокто-мэргынъ беретъ свой лукъ Манзанъ-Шара, накладываетъ золотую стрѣлу и прицѣливаются въ смертельное мѣсто; она же видна въ величину вши (богхон шинэн); выстрѣлилъ въ нее, наказывая стрѣлѣ попасть въ мѣсто подгѣ первого шейнаго позвонка, на который упирается голова (т. е. подгѣ

атланта, «амаргал саган хузу тагха туша унга») и отсечь голову (уронить). Стрѣла эта ударяетъ въ атланта и убиваетъ бабу Мойсь-Хара-изы, которая и падаетъ, простираясь черезъ три пади. Баторъ-Сокто голову привязываетъ въ торока, а прочее тѣло сожигаетъ. Затѣмъ отправляется царскимъ трактомъ и пріѣзжаетъ къ костямъ двухъ славныхъ молодцовъ. Подбираетъ кости, три раза плюетъ на нихъ, три раза перешагиваетъ черезъ нихъ и такъ оживляетъ ихъ (поднимаетъ). Парни эти приводятъ себѣ въ порядокъ, какъ спро-сонка и говорятъ: «Какъ мы долго спали!» и спрашиваютъ Баторъ-Сокто-мэргына: «Что, одержалъ побѣду?» Тотъ говоритъ: «Посмот-рите въ торокахъ находящуюся голову». Тѣ удивляются. Затѣмъ все три молодца отправляются. Прошли одинъ день пути, устра-пваютъ ночевку. Двое изъ нихъ, думая, что Баторъ-Сокто-мэргынь уснуль, сговариваются выкопать въ восемьдесятъ сажень яму ибросить въ нее Баторъ-Сокто-мэргына и представить голову, какъ будто они убили бабу Мойсь-Хара. Выкопали восьмидесяти-сажен-ную яму и начинаютъ ставить въ нее Баторъ-Сокто-мэргына. Тотъ вдругъ вскакиваетъ и говоритъ: «Что это? Видѣть восьми-десятисаженную яму, спрашиваетъ: «Это что такое у васъ?» Тѣ ни-чего немогутъ сказать. Тогда Баторъ-Сокто-мэргынь, сказавши, что такую большую яму, нельзя оставить безъ владѣльца, взялъ и бро-силъ этихъ двухъ молодцовъ туда, а самъ отправился. Приходитъ Гысыръ-хану и отдаетъ ему голову. Тотъ очень радуется этому и говоритъ: «И такъ мы уничтожили сѣмѧ мангатхаевъ!»

«А гдѣ же твои два товарища?» спрашиваетъ Баторъ-Сокто-мэргына Абай-Гысыръ-богдо. «Меня они хотѣли убить, выкопали восьмидесятиса-женную яму и когда хотѣли свалить въ нее, я пробудился и, чтобы такая большая яма не осталась безъ владѣльца, бросилъ ихъ въ нее». Тогда Гысыръ-ханъ говоритъ: «Они намъ посѣль пригодятся». При-казываетъ вытащить ихъ изъ ямы и привести и дѣлаетъ имъ стро-гий выговоръ, чтобы они на будущее время такъ не поступали. За-

тѣмъ прогулявши три дня и три ночи, всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ. Съ тѣхъ поръ и перевелось потомство мангатхаевъ. Ан хужи аята бурханда тушэбэ.

Записано О. И. Затопляевымъ со словъ П. Н. Синельникова, пот. поч. гражданина изъ бурятъ яларского вѣдомства.

II.

Дуракъ-сынъ и волшебный перстень: (Тынык хубун быглыгэтэй).

Жилъ одинъ богатый купецъ; имѣлъ жену и одного сына дурака (тынык хубун) и тысячу рублей денегъ. Не могши научить сына грамотѣ, истратили тысячу рублей. Когда отецъ умеръ, оставилъ тысячу рублей, чтобы на эти деньги выучить сына. Утромъ (однажды) сынъ встаетъ и просить у матери тысячу рублей, чтобы идти на базарь и купить что-нибудь. Взялъ. Не могши найти ничего, возвращается домой и встрѣчаетъ одну русскую женщину со щенкомъ «Что просишь за эту собаку?»—А ты что дашь? «Тысячу рублей дамъ». Отдалъ тысячу рублей, взялъ собаку и возвратился домой. Мать спрашиваетъ его: «Что купилъ?»—«Щенка я купилъ». На слѣдующее утро опять просить у матери тысячу рублей. Та даетъ сыну тысячу рублей. Опять утромъ отправляется на базарь и ничего не находить взять. Опять (встрѣчаетъ) идетъ одна женщина, держащая (обнимающая) кошку. «Продай мнѣ её», говоритъ. «Что просишь?»—А ты что дашь? «Тысячу рублей дамъ». Отдавъ, взялъ кошку и возвратился домой. «Что купилъ?» спрашиваетъ мать. «Кошку», говоритъ. Потомъ уснулъ. Утромъ всталъ и опять просить у матери тысячу рублей. Опять даетъ ему. Опять онъ отправляется что-нибудь купить на базарь. Три русскихъ мальчика (гурбун мангат хубун) держать змѣю, намѣревалась убить ее. «Ахъ, какая хорошенькая! Продайте ее мнѣ!»—Что дашь? «Тысячу рублей дамъ». Отдавши, береть змѣю. Взявши змѣю, возвра-

щается. Змѣя дѣлается большой и съ крыльями и говорить: «Садись на меня! — Нѣтъ не сяду! «Если ты не сядешь, я тебя убью! Испугавшись, сѣлъ на неѣ. Змѣя летитъ. Летитъ ниже неба, выше облаковъ и достигаетъ большаго чернаго моря. «Я войду въ это море, а ты меня подожди; отца не бойся!»

«Три парня хотѣли лишить меня жизни; онъ же сохранилъ мнѣ жизнь, взявши меня; ему нужно дать что-нибудь! «Что просишь? — Я прошу надѣтый у тебя на правой руки большой серебряный перстень (быглыгэ). «Не сказано пѣнную вещь просишь ты у меня». — Почему ты жалѣешь его? — Тогда отецъ отдалъ перстень.

Послѣ этого змѣй, сынъ большаго Абарги змѣя (абарга йаха могона хубун), объясняетъ этому дураку парню: «Что бы тебѣ только нужно было сдѣлать, сдѣлается; брось четыре раза этотъ перстень, изъ него выйдутъ двѣнадцать богатырей и спросятъ: что дѣлать? Что тебѣ только нужно будетъ сдѣлать, сдѣлаются». Подбросилъ этотъ перстень четыре раза и вышли изъ него двѣнадцать богатырей. «Запрягите трехъ карихъ иноходцевъ въ повозку! Запрягли въ повозку тройку карихъ иноходцевъ. Онъ въ неѣ сѣлъ и отправился домой. И такъ ёдетъ, возвращаясь домой. Доѣхавши до дома, выходитъ изъ повозки, подбрасываетъ три раза перстень, ни повозки, ни коней не стало, а упалъ перстень. Завернулъ его въ черный шелковый платокъ, положилъ перстень въ правый карманъ и входить въ домъ. Когда онъ вошелъ, мать спрашивается его, откуда пришелъ. «Три русскихъ человѣка хотѣли убить змѣю и я купилъ ее. Змѣя эта потому сдѣлалась крылатой и, посадивъ меня на себя, унесла къ себѣ домой; принесши, говорить мнѣ: не бойся моего отца! Вышла отъ отца и дала мнѣ одинъ перстень. Взявшіи этотъ перстень, я возвратился домой».

Сказавъ матери, чтобъ ни обѣ чѣмъ не беспокоилась, уснула. Вставши, говорить: «Я хочу жениться на дочери Байнъ-хана^{*)}). Ты мать, сходи и спроси» (его согласія)! — Мы ничего не имѣемъ; онъ

^{*)} Байнъ — богатый.

нась убеть (такъ сказала сыну). «Не беспокойся, говорить; вѣчего съ тобой не случится. Иди и проси» (соглашій)!

Мать приходитъ спрашивать. Пришла на дворъ Бань-хана. Царь этотъ выходитъ изъ избы и спрашивается: За чѣмъ пришла? «Дуракъ сынъ послалъ меня просить дочь твою въ замужество ему». Тогда этотъ царь говоритъ: «Устройте отъ своего двора до моего серебряный мостъ съ золотыми перилами, чтобы подъ нимъ протекалъ черный ручей, въ которомъ бы играли семьдесятъ разныхъ рыбъ, чтобы по обѣ стороны росли семьдесятъ различныхъ деревъ, чтобы птицы всей вселенной были и пѣли» (разными голосами), сказацъ. «Когда все это будетъ, бери мою дочь и дѣлай ее женой» (сына)! сказацъ. Приходитъ домой и говорить это сыну. «Не беспокойся, спи!» Уснувши, этотъ парень въ полночь встаетъ, выходитъ на улицу, вынимаетъ изъ праваго кармана перстень, бросаетъ его три раза, выходятъ двѣнадцать богатырей и спрашиваютъ: что дѣлать? Спрашивающимъ говоритъ: «Отъ моего двора до царскаго устройте серебряный мостъ съ золотыми перилами, чтобы подъ нимъ протекалъ черный ручей, въ которомъ бы играли семьдесятъ различныхъ рыбъ; кромѣ этого, чтобы росли семьдесятъ различныхъ деревъ, чтобы птицы всей вселенной пѣли». Сказавши, вошелъ и уснулъ.

На утро всталъ, что было приказано сдѣлать, все готово. Перстень этотъ подбрасываетъ три раза, двѣнадцать богатырей исчезаютъ и онъ перстень кладетъ въ карманъ. Оплать посылаетъ мать, чтобы сходила и спросила. Уходить и онять останавливается у двери. Этотъ богатый царь выходитъ и спрашиваетъ: «Ты за чѣмъ пришла? — Я пришла сватать. «Нѣть, я дочь не отдаамъ. А вотъ прямо на сѣверо-западѣ тридцать лѣтъ пути отсюда есть кабанъ (гахай бодон), рыломъ пашущій землю, хвостомъ боронящій и сѣюЩій хлѣбъ. Если этотъ кабанъ будетъ доставленъ ко мнѣ на дворъ, тогда я дочь свою выдамъ».

Мать возвращается домой и разсказываетъ сыну сказанное ца-

ремъ. Сынъ говорить матери: «Не беспокойся, спи! Въ полночь встаетъ, вынимаетъ перстень, три раза подбрасываетъ его; вышедши двѣнадцать богатырей спрашиваются, что имъ дѣлать. «Прямо съ сѣверо-запада доставьте кабана». Сказавши, вошелъ въ домъ и уснулъ. Утромъ веталь; что было приказано сдѣлать, сдѣлано. Бросаетъ перстень три раза и богатыри исчезаютъ. Перстень положилъ въ карманъ. Просыпается мать къ Банінъ-хану. Уходитъ и опять останавливается около двери. Опять выходитъ ханъ и спрашивается: «Ты зачѣмъ пришла?»—Я пришла сватать. «Я дочь не отдамъ, говорить Банінъ-ханъ, если не будетъ приготовленъ для вѣнчанія молодыхъ семизолотоглавый соборъ и чтобы главы были изъ чистаго золота; чтобы было приготовлено тридцать базаровъ; чтобы бхать жениху и невѣстѣ (парни и дѣвки) была готова золотая повозка, въ которую была бы впряженна тройка свѣтло (золото)-олововыхъ лошадей (гурбун алтан шарга морѣ). Кроме этого, чтобы и мнѣ была приготовлена золотая повозка, въ которую была бы впряженна тройка карихъ иноходцевъ, чтобы спереди и сзади бѣжали проводники; еще кромѣ этого, чтобы быть молодымъ быть бы приготовленъ (вылитъ) золотой столь; для угощенія народа и подданныхъ, чтобы пища и питіе были не истощимы. Такъ скажи сыну! сказалъ. «А завтра съ восходомъ солнца пусть приходить жениться!»

Возвращается домой и разсказываетъ сыну сказанное царемъ. Сынъ говоритъ: «Не заботься, спи! Спитъ. Въ полночь вынимаетъ перстень, подбрасываетъ его три раза; являются двѣнадцать богатырей и спрашиваются, что имъ дѣлать. Приказывается имъ сдѣлать то, что приказалъ сдѣлать ханъ. На утро встаетъ и все готово. Парень запрягаетъ (коней) въ золотую повозку и отправляется къ хану. Приходитъ туда; перебрасываются хитрыми (словами), мѣняются огнивомъ и ножикомъ и дѣлаютъ просватаніе (тэндэ ошожи хыб хүрэй хэлсажи хэтэ хотегойэ андалдажи худая орожи). Садятся въ двѣ золотые повозки, отправляются въ соборъ и вѣнчаются. Прѣжаютъ домой и устраиваютъ пиръ. Водки озера, мяса прягорки (горы)! А какъ

водки озера, въ ней купаются, а какъ мяса горы, имъ бросаются, гуляя (бесѣдуя).

Прогулявъ девять дней и девять ночей, провожаютъ гостей. Проводивши гостей, говорить кошкѣ и собакѣ: «Я отправлюсь въ гости къ тестю, а вы караульте хорошенъко домъ». И такъ отправился къ тестю. Составляется гулянка. Послѣ этого тесть говорить дочери: «Разузнай, какъ все это устроилъ твой мужъ». Послѣ этого, погулявъ у тестя, возвратился домой и живутъ два или три года; родилось трое дѣтей. (Однажды) говорить мужу: «Вотъ мы уже три года женились и у насъ трое дѣтей. Расскажи, какъ все это ты сдѣлалъ». — Нѣть, я тебѣ не скажу. «Скажи!» настаиваетъ. «Почему же ты мнѣ не вѣришь послѣ того, какъ у насъ уже трое дѣтей?» Тогда онъ говоритъ: «Все это я произвелъ носредствомъ перстня, который ношу на правой руцѣ».

Послѣ этого живутъ два мѣсяца. Тогда она просить: «Дай, говорить, ноносить мнѣ этотъ перстень! Отдаетъ. Взявші, нечуетъ двѣ ночи. На третью сутки эта женщина въ полночь встаетъ, снимаетъ съ пальца перстень и подбрасываетъ его три раза; являются двѣнадцать богатырей. Что будемъ дѣлать? спрашиваютъ. «Отсюда прямо на сѣверо-востокъ, на девяносто лѣть шти, къ Шазагай-номонъ-хана сыну, царю Соломону^{*)} отнесши, отдайте меня! такъ сказала. «Все находящееся въ домѣ (изъ дома) этого мужа съ матерью, съ собакой и кошкой оставьте, а все прочее отнесите къ сыну Шазагай-номонъ-хана». Вошла и уснула.

На завтра жена встала и оказалась сидящей у сына Шазагай-номонъ-хана. Дуракъ же парень на утро встаетъ и оказывается въ такомъ же старомъ домѣ, въ какомъ жилъ раньше и также бѣденъ; сидѣть, печалится и плачетъ, думая, въ какую сторону и къ какому царю она отправилась. Когда онъ сидѣлъ такъ, приходитъ

^{*)} При первоначальной передачѣ рассказчикъ назвалъ этого царевича царемъ Соломономъ, но при дальнѣйшихъ разспросахъ онъ далъ ему имя: Хартагай-хани-харажи-муя-хубунъ; другое же называютъ его: Хартагай-хани-харажи-мина-хубунъ.

къ нему теща Байнъ-ханъ и спрашиваетъ, куда онъ дѣвалъ его дочь. Потомъ парень говоритъ: «Я имѣлъ перстень, посредствомъ которого производилъ все. Перстень этотъ она надѣла и ходила. Сегодня я утромъ всталъ, ничего нѣть. Куда это, къ какому хану все перенесено, сижу и гадаю». — «Если ты не найдешь въ теченіи трехъ лѣтъ, я тебя казню, вытяну тебѣ жилы и снесу голову!» Такъ сказалъ этотъ ханъ. Тогда кошка и собака говорятъ парню: «Мы отправимся искать, а ты сидя дома!» Они отправились. По уходѣ ихъ этого зятя парня взяли и засадили въ чугунную тюрьму. Кошка и собака идутъ, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, наконецъ достигаютъ чернаго моря. Ходить по берегу назадъ и впередъ и не могутъ найти удобнаго перехода. Тогда кошка спрашиваетъ собаку: «Можешь ли ты переплыть на ту сторону моря? Собака говорить: переплыvu! «А я на тебѣ переплыву!»

Входить въ воду, съ трудомъ переплываютъ на другую сторону и отдыхаютъ. Идуть отсюда дальше и видять семиглавый соборъ.*). «Дѣйствительно это тотъ самый!» рѣшаютъ и тогда кошка говоритъ собакѣ: «Я отправлюсь туда, а ты послѣ меня иди тихонько. Я пришедшіи впередъ, буду ласкаться около стряпки; ты же, пришедшіи тихонько, ходи за дворомъ и лай». Кошка отправилась и начала всячески ласкаться къ стряпкѣ. Послѣ того, какъ прошло полгода, рѣшили, что кошка хорошенъкая, перевели ее въ горницу къ женѣ царя Соломона, которая и спала съ ней вмѣстѣ и кормила ее тѣмъ, чего она прежде никогда не ъдала. Собака же помѣстилась на улицѣ и ходить, лаетъ. Кошка выходитъ и говоритъ: «Днемъ она этотъ перстень носить на руцѣ, а куда дѣвается ночью, не могу подмѣтить. Ты все таки ходи здѣсь назадъ и впередъ тихонько и лай и отъ воротъ далеко не отходи. Будь всегда на готовѣ, какъ днемъ, такъ и ночью, нисколько не удаляясь отъ воротъ». Входить и ни какъ не можетъ подмѣтить этого перстня.

Однажды вечеромъ она замѣтила, что та, ложась спать, по-

*) Долон толгойтей собор.

зажила его въ ротъ. Замѣтиши, выходить потихоньку на улицу, приносить тонененькую соломенку и начинаетъ щекотать ею въ носу женщины. Та чихнула; перстень упалъ и тинькнуль. Кошка схватила его въ ротъ и выбѣжала на улицу. Подходитъ къ воротамъ, собака и спрашиваетъ ее: «Тащишь? — Ташу, говорить. Бѣгутъ дальше въ запуски, сильно радуясь. Подходитъ къ тому же черному морю. Собака и говоритъ: «Отдай мнѣ перстень! — Я взяла, я и несу его! (говорить кошки).

Сѣвши на собаку, плывутъ. Собака и говоритъ опять: «Отдай мнѣ! — Нѣть не отдамъ! «А если ты не отдашь, я уроню тебя въ море! Та отдаетъ. Когда начала брать собака, уронила его въ море. Кошка, сидя у ней на спинѣ, грызетъ ей ея спину. Спорили, ссорились, все таки переплыли на другой берегъ. Идутъ по берегу моря и видятъ двадцать и тридцать человѣкъ рыбу ловятъ. Они начинаютъ тереться около нихъ. Ловящіе рыбу внутренности выбрасываютъ. Кошка и собака ничего себѣ, роются въ нихъ, пищутъ. Ища такъ, во внутренности одного тайменя (тула загаган) находятъ. Приходятъ домой, бѣдятъ, а за тѣмъ уходятъ къ чугунной тюрьмѣ и спрашиваютъ: «Живъ ты или умеръ? — Живъ! говоритъ тотъ. Подаютъ ему перстень черезъ маленькое окошечко. Парень взялъ, подбросилъ его три раза и вышло двѣнадцать богатырей. Что будемъ дѣлать? спрашиваютъ. Разломайте эту тюрьму!

Разломали. Тогда парень идетъ къ хану. Ханъ спрашиваетъ его: «Что скажешь? Тогда парень говоритъ: «Завтра съ восходомъ солнца все, какъ было, доставлю, вмѣсть съ твоей дочерью и съ другимъ ея мужемъ». Затѣмъ ушелъ домой, наѣлся и легъ отдохнуть. Въ полночь встаетъ, подбрасываетъ этотъ перстень три раза; являются двѣнадцать богатырей. Тогда онъ говоритъ: «Доставьте сюда царя Соломона со всѣмъ, что есть у него!» Вошелъ домой и уснулъ.

На утро встали, все это перенесено и все стало опять такъ, какъ было и раньше. Посылаютъ человѣка къ Башнѣ-хану, чтобъ

тотъ пришелъ. Байнъ-ханъ приходитъ. «Все, что есть, принесъ; Шазагай-номонъ-хана сынъ царь Соломонъ и дочь твоя уходила къ нему. Ты, тестъ мой, постуши съ нимъ по закону!» Тогда царь приказываетъ двумъ сильнымъ богатырамъ выкопать яму въ сорокъ сажень; берутъ царя Соломона, приводятъ двѣнадцать солдатъ, которые заряжаютъ двѣнадцать ружей, царя Соломона одѣваютъ въ бѣлую рубашку и привязываютъ къ столбу, стрѣляютъ въ него и роятъ въ сорокасаженную яму. Застрѣливши и уронивши, возвращаются домой и, какъ бы одержали побѣду на войнѣ, бьютъ въ барабаны, собираютъ весь народъ, выставляютъ цѣлые озера водки и бугры мяса и устраиваютъ большой пиръ. Затѣа этого потомъ вмѣсто себя садить на престоль и передаетъ ему управление всѣми подданными, благословляя: Да будетъ спокойно, (счастливо) и благополучно твое царствование.

Запис. о. Н. Затопляевымъ у алаарскихъ бурятъ.

III.

Шоно-баторъ.

1.

Царь Хунъ-Тайжи имѣлъ двухъ сыновей; старшаго сына называли Сэрэнъ-Галда, а младшаго Шоно-баторъ*) Оба сына царя Хунъ-Тайжи, когда выросли больше, то женились; жену старшаго сына Сэрэнъ-Галда называли Хальмакшиинъ; какъ звали жену Шоно-батора не помнятъ. Царь Хунъ-Тайжи былъ изъ племени Олѣтъ**).

Однажды оба сына царя Хунъ-Тайжи нѣхали на зэгэтэ-аба (на облаву). Отецъ ихъ царь Хунъ-Тайжи обоимъ сыновьямъ далъ каждому по триста человѣкъ. Старший сынъ царя Хунъ-Тайжи Сэрэнъ-Галда и его триста человѣкъ во время зэгэтэ-аба охотились на звѣрей, но ничего не убивали, а потому терпѣли голодъ.

*) Шоно «волкъ»; баторъ «богатырь».

**) Слѣдовательно онъ былъ царемъ племени Олѣтъ; бураты болтами называютъ калмыковъ; дѣйствительно ли Хунъ-Тайжи былъ, казынскимъ ханомъ, бураты не знаютъ. *Хан-аловъ*.

Младший сын царя Хунь-Тайжи Шоно-баторъ во время зэгэтэ-аба убивалъ много звѣрей и кормилъ своихъ триста человѣкъ; они не терпѣли голода. Сэрэнь-Галда отъ стыда, что онъ не убивалъ звѣрей во время зэгэтэ-аба, сильно началъ завидовать брату своему Шоно-батору. Извѣстніи началь клеветать на своего брата Шоно-батора отцу своему Хунь-Тайжи, который довѣрилъ клеветѣ и сильно разсердился на Шоно-батора.

Царь Хунь-Тайжи жестоко наказалъ своего младшаго сына Шоно-батора слѣдующимъ образомъ; онъ приказалъ поймать Шоно-батора. Когда поймали его, то ему вырѣзали хрящи отъ обоихъ лопатокъ, что бы онъ не хвастался силой и мѣткостью въ стрѣльбѣ; посѣть этого Шоно-батора посадили въ тюрьму.

Шоно-баторъ послѣ такого несправедливаго и жестокаго наказанія пѣлъ слѣдующую пѣсню:

Хухан, хухан модони
Холбо намшин гахалта,
Хунь-Тайжи бабан
Гэнэн тэнэгин гахалта.

* * *
Нархая, нархан модони
Намши шилбэн гахалта,
Нахан болжон бабан
Гэнэн тэнэгин гахалта

* * *
Шёнбхон, щёнбхон модони
Шилмэхэ намшин гахалта,
Сэрэн-Галда ахан
Хобушигин гахалта.

Переводъ:

Березоваго, березового дерева
Сросшіяся листья удивительны!
Отца Хунь-Тайжи
Простота и глупость удивительны!

Сосноваго, сосноваго дерева
Листья и хвои удивительны!
Состарѣвшагося отца (бывшаго старикомъ отца)
Простота и глупость удивительны!

* * *

Лиственичнаго, лиственичнаго дерева
Хвои и листья удивительны!
Брата Сэрэнъ-Галдая
Клевета удивительна!

Когда Шоно-баторъ сидѣлъ запертымъ въ тюрьмѣ, въ это время другой царь Маса-богдо послалъ царю Хунъ-Тайжи на трехъ верблюдахъ иголокъ и три большиe лука; получивъ это царь Хунъ-Тайжи съ своимъ старшимъ сыномъ обрадовались, что царь Маса-богдо имъ послалъ подарокъ. Шоно-баторъ, узнавъ это, сказалъ: «Теперь мой отецъ Хунъ-Тайжи и старший братъ Сэрэнъ-Галда радуются, что имъ Маса-богдо послалъ подарокъ, на трехъ верблюдахъ иголки и три большиe лука, но скоро они будутъ покорены Маса-богдоемъ». Эти слова Шоно-батора донесли царю; тогда царь потребовалъ къ себѣ своего младшаго сына Шоно-батора и у него спрашивается: «Говорилъ ли ты, что мы будемъ покорены Маса-богдоемъ?» Шоно-баторъ сказалъ, что онъ говорилъ. Царь Хунъ-Тайжи спрашивается: «Почему ты такъ говорилъ?» Тогда Шоно-баторъ говоритъ своему отцу Хунъ Тайжи: «На трехъ верблюдахъ присланный вами иголки и три большиe лука не подарки, а иголки означаютъ, что у царя Маса-богдо есть войска столько, сколько прислано иголокъ на трехъ верблюдахъ, три же большиe лука означаютъ, что у царя Маса-богдо есть три сильныхъ батора. Царь Маса-богдо хочетъ къ тебѣ прийти съ войскомъ и покорить твое царство». Царь Хунъ-Тайжи спрашиваетъ у Шоно-батора, что теперь нужно дѣлать?

Шоно-баторъ сказалъ своему отцу Хунъ-Тайжи: «Всѣ эти иголки раздать и вместо ихъ послать огниво и складной (перочинный) ножикъ; а три лука нужно сломать».

Хэри хагдани
Олон шиги болжо,
Хэтэн гал барха,
Толгон ухэни
Олон шиги болжо
Тонгор-хотого отолжо.

ПЕРЕВОДЪ:

Степныхъ старыхъ травъ
Хотя много было,
Огонь отъ огнива кончить!
На головѣ волосъ
Хотя много было,
Складень-ножикъ перерѣжетъ!

Тогда царь Хунъ-Тайжи все́ иголки роздаль, а три больши́е лука никто не могъ натянуть. Шоно-баторъ взялъ все́ три больши́е лука, натянуль ихъ и сразу все́ три слома́ль по поламъ; въ то время, когда онъ тянулъ эти луки, изъ подъ лопатокъ его выпекъ гной съ кровью. Послѣ этого царь Хунъ-Тайжи къ Маса-богдо послалъ огниво съ складнымъ (перочиннымъ) ножомъ и сломанные три больши́е лука; получивъ это, царь Маса-богдо разду́маль идти съ войскомъ на царя Хунъ-Тайжи, испугавшись, что у того тоже много войска и есть сильный баторъ, который и слома́ль все́ три больши́е лука сразу.

Послѣ этого Шоно-баторъ ходилъ на свободѣ; его не сажали опять въ тюрьму. Сэрэнъ-Ганда изъ зависти опять началь клеветать отцу Хунъ-Тайжи на своего младшаго брата Шоно-батора. Царь Хунъ-Тайжи опять повѣрилъ клеветѣ и сильно разсердился на Шоно-батора, послалъ войско за пять ийматъ его и привести къ нему. Но Шоно-баторъ скрылся; посланное войско подъ предводительствомъ Сэрэнъ-Ганда разыскивало Шоно-батора; увидавъ ихъ, Шоно-баторъ запѣлъ слѣдующую пѣсню:

Хайн хани урамжа
Хадаги бараз харагдаба,
Хадагтани урда харахада
Сэрэн-Галда түруши.

* * *

Сэсэн хани угамжа
Сэрэги бараз харагдаба,
Тэдэни урда харахада
Сэрэн-Галда түруши.

ПЕРЕВОДЪ:

Изъ мѣстности добраго царя
Колчаны стали виднѣться,
Спереди на колчаноносецѣ посмотрѣть
Сэрэнъ-Галда передовикъ (т. е. предводитель).

* * *

Изъ мѣстности умнаго царя
Войска стали видѣться,
Спереди на нихъ посмотрѣть
Сэрэнъ-Галда передовикъ.

Послѣ этого посланные войска подъ предводительствомъ Сэрэнъ-Галда окружили Шоне-батора съ одной стороны, а съ другой стороны было море; тогда Шоне-баторъ запѣлъ пѣсню:

Шара, шара далада
Шахабди гэжи ханабыт
Шахагдаба шиги яхаб
Шарга морин омужин.

* * *

Хара, хара далада
Хагабди гэжи ханабыт,
Хагдаба шиги яхаб
Халюн-шарга омужин

Хөхб, хөхб далада
Хурэлэбдя гэжи ханабыт,
Хурэлулбэ шиги яхаб
Хакшив-шарга омужин.

ПЕРЕВОДЪ:

Къ желтому, желтому морю,
Думаете, будто притиснули.
Хотя-бы притиснули, ладно—
Соловой конь переплынетъ.

* * *

Къ черному, черному морю,
Думаете, будто заперли.
Хотя-бы заперли, ладно—
Халюный*) соловой переплынетъ.

* * *

У синяго, синяго моря,
Думаете, будто окружили.
Хотя-бы окружили, ладно—
Старый соловой переплынетъ.

Послѣ этой пѣсни Шоно-баторъ на своемъ ковѣ переплыть
на другую сторону моря; переплыть, сидя на другомъ берегу моря,
еще запѣть одну пѣсню:

Хухан, хухан шибэги
Хуха даран орохоби,
Хоёр мянган сэрэги •
Хумат гэжи гарахаб,
Тибэ яба яхаб
Öрин зон харамта.

* * *

Нархан, нархан шибэги

*) Халюный местное выражение отъ монгольского халюн, особая масть лошадей.

Намта даран орохоби,
Найман мингав сэргэи
Хумат гэжи орхихоб,
Тибэ яба яхаб
Орин зон харамта.

* * *

Шонжон, шонжон шибэги
Шилбэ даран орохоби,
Сэрэх сур хоёриги
Хүл таха хюдахаб,
Тибэ яба яхаб
Орин зон харамта.

ПЕРЕВОДЪ:

Березовую, березовую городьбу
Сдавивши, сломавъ, войду!
Двухъ тысячное войско
Переполонивъ, таки выйду!
Такъ таки ладно,
Свой народъ жалко!

* * *

Сосновую, сосновую городьбу
Сдавивши внизъ, войду!
Восьмитысячное войско
Переполонивъ, таки выйду!
Такъ таки ладно,
Свой народъ жалко!

* * *

Лиственичную, лиственичную городьбу
Сдавивши внизъ, войду!
Войско и воиновъ твоихъ
Совсѣмъ до чиста истреблю!
Такъ таки ладно,
Свой народъ жалко.

Шоно-баторъ послѣ этой пѣсни, уѣхалъ въ царство русскаго царя. Когда Шоно-баторъ уѣхалъ въ русское царство, то жена его осталась дома и сдѣлалась стряпкою у жены Сэрэнъ-Галда Хальмакшина. Въ этомъ горестномъ положеніи она пѣла слѣдующую пѣсню:

Хада дэрэ хухада
Хани хухэ бэлэб,
Хадажан бухада
Хальмакшины шигэбшким.

* * *

Ондёр дэрэ хухада
Эжини хухэ бэлэб,
Ондёрхон бухада
Хальмакшины шигэбшким.

* * *

Тэнгэри дэрэ хухада
Тэнгэрийн хухэ бэлэб,
Тэнгэрихэн бухада
Хальмакшины шигэбшким.

ПЕРЕВОДЪ:

На горѣ сидѣвши
Царская жена была,
Съ горы спустившись,
Стряпка Хальмакшина!

* * *

На высотѣ сидѣвши
Хозайская жена была,
Съ высоты спустившись,
Стряпка Хальмакшина!

* * *

На небѣ сидѣвши
Небесная жена была,

Съ неба спустившись,
Стряпка Хальмакшина!

Запис. М. Н. Хапгаловымъ у ба-
лаганскихъ бурятъ.

2.

У Бэлэ-батора было семьдесят таежныхъ собакъ, но волки каждый день и каждую ночь истребляли его скотъ — и никакъ не могли ихъ убить. Послѣ этого онъ отправляется къ Хонъ-Тайжію и говорить: «Скота моего каждый день истребляетъ волкъ». Тогда Хонъ-Тайжи говоритъ: «У меня хотя и три только собаки, но твои семьдесят собакъ не сравняются съ моими тремя. Если я пойду, мои собаки передавятъ этихъ волковъ». Послѣ этого прїѣзжаетъ съ своими тремя собаками и говоритъ: «Ну, будемъ охотиться». Охотятся и три собаки Хонъ-Тайжія выгоняютъ изъ круглого ельника трехъ волковъ, а семьдесят собакъ Бэлэ-батора разбѣжались. И такъ при помоши этихъ трехъ собакъ убили этихъ трехъ волковъ. Послѣ того, какъ волки были убиты, Бэлэ-баторъ просить у Хонъ-Тайжія одну собаку. А тотъ говоритъ: «А ты отдай ми ѿ одну же-ну, тогда я тебѣ отдамъ одну собаку. И такъ какую ты собаку просишь? — Отдай ми ѿ младшую собаку. — А ты ѿ отдай младшую жену». И такъ промѣнялись; Бэлэ-баторъ взялъ младшую собаку Хонъ-Тайжія, а Хонъ-Тайжи взялъ младшую жену Бэлэ-батора. Прїѣзжаетъ Хонъ-тайжи къ Бэлэ-батору, пить водку и устраивается гуланка. Возвращаясь домой, Хонъ-Тайжи береть младшую жену Бэлэ-батора. Возвратившись домой, онъ женился на ней. Послѣ этого у нихъ родился сынъ, которому дали имя Шоно-баторъ (вѣроятно въ воспоминаніе объ охотѣ на волковъ). Кромѣ этого у Хонъ-Тайжія былъ еще сынъ отъ прежней жены по имени Сырынъ-Галданъ. Шоно-баторъ, ставши большишимъ, учился грамотѣ и учился прекрасно. Однажды отца не было дома, Шоно-баторъ пооснималъ всѣ наконечники у стрѣлъ,

отнесь ихъ къ кузнецу и сдѣлалъ изъ нихъ саблю. Отецъ, возвратившись домой, сердится на сына: «Зачѣмъ ты оснималъ наконечники и передѣлалъ въ саблю? Я за это вырѣжу у тебя мясо изъ лопатокъ!»

Исполняетъ это и садить его въ тюрьму. Съ улицы ироводятъ къ нему желобокъ и по нему вливаютъ пищу. Кормившая его черезъ эту трубу младшая сестра бесѣдовала съ нимъ. Однажды присылается къ Хонъ-Тайжю лукъ и три верблюда, навьюченные иголками, чтобы во всѣ эти иголки вдѣть нитки и надѣть на лукъ тетиву. Тогда Хонъ-Тайжи собираетъ народъ и говорить имъ: «Иностранный ханъ послалъ лукъ, чтобы натянуть на него тетиву и во всѣ эти иголки вдѣть нитки и затѣмъ возвратить. Съ какою цѣлію онъ послалъ это, народъ, почетные люди, понимаете-ли?» Народъ говоритъ: «Мы никакъ не можемъ понять и отгадать». Пока такъ народъ бесѣдовалъ, младшая сестра Шоно-батора черезъ желобокъ вливалася ему пищу. Шоно-баторъ спрашиваетъ сестру: «Что новаго?» Тогда сестра говоритъ: «Иностранный ханъ послалъ нашему отцу лукъ, чтобы натянуть тетиву и три навьюченныхъ верблюда иголокъ, чтобы во всѣ вдѣть нитки и возвратить. Это посланное собранный отцомъ народъ ни какъ не можетъ отгадать. Вотъ какая есть новость!» Шоно-баторъ говоритъ: «Да они и не отгадаютъ и на этотъ лукъ не натянуть тетиву! еслибы выпустили меня, то хотя у меня и вырѣзано мясо изъ лопатокъ, я бы натянуть этотъ лукъ и отгадалъ бы значеніе этихъ иголокъ». Младшая сестра передаетъ это отцу.

Хонъ-Тайжи выпускаетъ изъ тюрьмы сына, призываетъ его и спрашиваетъ: «На этотъ лукъ надѣнешь тетиву? Значеніе этихъ иголокъ отгадаешь?» Тогда Шоно-баторъ говоритъ: «Этотъ лукъ посланъ не для того, чтобы надѣть на него тетиву, а испытать, есть ли у тебя такой сильный богатырь, который могъ бы это сдѣлать; а иголки посланы не для того, чтобы вдѣвать въ нихъ нитки, а онъ тоже пытается и этимъ даетъ знать, что собирается прѣйти къ

тебѣ съ такимъ многочисленнымъ войскомъ. Вотъ для чего и посланы эти иголки». «Какой же мы дадимъ на это отвѣтъ? Тогда сынь говорить: «На этотъ лукъ я надѣну тетиву». И такъ натягиваетъ; изъ лопатокъ подался гной и лукъ лопнулъ. Затѣмъ говорить: «Нужно выстругать шарообразное дерево такъ, чтобы не знать было, гдѣ вершина и гдѣ комель и послать, чтобы они узнали вершину; если-де вы узнасте вершину, мы вѣнемъ вамъ во всѣ иголки нитки и пошлемъ». Такой отвѣтъ и дали. Изломанный лукъ вмѣстѣ съ шарообразнымъ деревомъ завязали, запечатали, написали бумагу и отправили. Этотъ иностранный ханъ, увидавши лукъ, говорить прапору: «Если они имѣютъ такого богатыря, что изломалъ нашъ лукъ, то намъ уже никакъ нельзя съ ними воевать. На этотъ лукъ мы натягивали тетиву семидесятью быками». Затѣмъ говорить народу: «Узнайте, гдѣ у этого шарообразного дерева вершина и комель?» Никто не можетъ опредѣлить вершину. Послѣ этого Шороинь-Галданъ-баторъ говорить: «Это дерево послано не для того, чтобы опредѣлить вершину, а показать, что они подобно этому дереву объявятъ такую большую войну, что войску ихъ не будетъ видно конца. (Изуринь таняхо гэжи хэлэдгэйэнэ модони адеги ургээдэжги гэхэдай изыгэхэ-б гэжи хэлэ). И такъ намъ воевать никакъ нельзя, такъ какъ этотъ царь съ такимъ многочисленнымъ войскомъ и имѣть такого богатыря, который въ состояніи натянуть этотъ нашъ лукъ! И такъ этотъ царь испугался Хонъ-Тайжія и пересталъ воевать (не затѣвалъ войны).

Хонъ-Тайжи говорить своимъ сыновьямъ: Сырынъ-Галдану и Шено-батору. «Отправляйтесь на охоту! Тогда Шено-баторъ говорить: «Дай намъ по триста человѣкъ войска и тогда мы пойдемъ», «Пусть будетъ такъ!» говорить Хонъ-Тайжи. Берутъ по триста человѣкъ воиновъ и оба сына отправляются на охоту. Становится поздно. Располагаются на ночлегъ въ двухъ разныхъ мѣстностяхъ.

Не находятъ дровъ, чтобъ развести огня. Тогда Сырынъ-Галданъ говоритъ: «Пошлите одного человѣка, чтобъ узнать, чѣмъ разводить огонь народъ Шоно-батора». Когда подходитъ этотъ посланный человѣкъ, Шоно-баторъ говоритъ своему народу: «Сырынъ-Галданъ посыпаетъ къ намъ одного человѣка, чтобъ узнать, чѣмъ мы развели огонь; когда онъ придетъ къ намъ, я буду говорить вамъ: «сломайте луки и стрѣлы и разводите огонь! Вы же, ломая (одинъ лукъ и по одной стрѣлѣ), говорите: «когда войдемъ въ лучную падь, найдемъ луки, когда войдемъ въ стрѣльную падь, найдемъ стрѣлы» и разводите огонь!» Когда приходитъ посланикъ Сырынъ-Галдана, Шоно-баторъ говоритъ народу: «Изломавши луки и стрѣлы, разводите огонь!» Народъ, ломалъ по одной стрѣлѣ и ломалъ одинъ лукъ, говоритъ: «Когда войдемъ въ лучную падь, найдемъ луки, когда войдемъ въ стрѣльную падь, найдемъ стрѣлы!» Посланный скоро возвращается и говоритъ: «Они, сломавши луки и стрѣлы, развели огонь и говорятъ: когда войдемъ въ лучную падь, найдемъ луки, когда войдемъ въ стрѣльную падь, найдемъ стрѣлы». Тогда народъ Сырынъ-Галдана, разломавши луки и стрѣлы, разводить огонь. «Когда, говорятъ, войдемъ въ лучную падь, найдемъ луки, когда войдемъ въ стрѣльную падь, найдемъ стрѣлы». Ночевавши, на слѣдующее утро отправляются дальше охотиться. Народъ Сырынъ-Галдана безъ луковъ и безъ стрѣлъ, а народъ Шоно-батора весь съ луками и со стрѣлами убиваетъ разныхъ звѣрей и навьючиваетъ ихъ. А народъ Сырынъ-Галдана: «Гдѣ-же», говоритъ, «эти пади стрѣльная и лучная?» Такъ затѣмъ опять остановились ночевать въ двухъ разныхъ мѣстахъ. Опять нѣть чѣмъ развести огонь. Опять Сырынъ-Галданъ посыпаетъ узнать, чѣмъ разводить огонь народъ Шоно-батора. Когда подходитъ посланный, Шоно-баторъ говоритъ народу: «Сегодня вечеромъ разведемъ огонь сѣдлами; когда войдемъ въ сѣдельную падь, найдемъ сѣдла». Посланный Сырынъ-Галдана, услыхавши это, возвращается и говоритъ народу: «Шоно-баторовскіе сѣдлами разводятъ огонь и говорятъ: «Когда войдемъ въ сѣдельную

падь, найдемъ сѣдла!» Сырынъ-Галданъ говорить народу: «И мы разведемъ огонь сѣдлами; когда войдемъ въ сѣдельную падь, найдемъ сѣдла». И такъ всѣ разломали, изрубили сѣдла и развели огонь. Ночевавши, на завтра встали всѣ безъ сѣделъ. Народъ-же Шоно-батора, осѣдлавши коней, отправляется на охоту. А свита Сырынъ-Галдана, оставшись безъ сѣделъ, возвратилась домой совершенно пустой (безъ добычи). Народъ Шоно-батора возвращается домой съ выюками полными разныхъ звѣрей (дичины). Видя это, Хонъ-Тайжи спрашиваетъ Сырынъ-Галдана: «Почему вы вернулись безъ луковъ и стрѣль?» Сырынъ-Галданъ отвѣтываетъ: «Луки и стрѣлы, разломавши, мы сожгли». «Почему вы сожгли?» «Мы ночевали въ разныхъ степяхъ и не было топлива; и спосыпалъ одного человѣка къ Шоно-батору, чтобы узнать, чѣмъ разводятъ они огонь. Посланный пришелъ и сказалъ, что народъ Шоно-батора ломаетъ луки и стрѣлы и говорить: «когда войдемъ въ лучную падь, найдемъ луки, когда войдемъ въ стрѣльную падь, найдемъ стрѣлы». «А гдѣ-же ваши сѣдла?» «Опять мы ночевали въ разныхъ степяхъ и небыло дровъ. Посланный къ Шоно-батору сказалъ, что они развели огонь сѣдлами и говорять: «когда войдемъ въ сѣдельную падь, найдемъ сѣдла». Поэтому и мы сожгли сѣдла. Вотъ мы и прїѣхали безъ сѣделъ; насть обманулы Шоно-баторъ». Хонъ-Тайжи и говоритъ: «Я снесу голову Шоно-батору».

Эти слова младшая сестра передаетъ Шоно-батору: «Тебѣ, говорить, снесутъ голову! Услыхавши это, Шоно-баторъ рѣшается отиравиться къ Арынъ-Саганъ-хану (къ русскому царю). Крадучись, пробирается кругомъ Байкала, черезъ Дарьинъ проходить (Дарьинъ гхубер), приходить къ Арынъ-Саганъ-хану и говорить: «Я хочу быть твоимъ подданнымъ!» Тогда царица (Хатунъ-ханъ) говоритъ: «Я сейчасъ веду войну съ Аржэ-Буржэ-ханомъ; ты будь главно-командующимъ моего войска, отправляйся и воюй». «Хорошо, пойду», говоритъ. Береть войско и предводительствуетъ. У Аржэ-Буржэ-хана есть колдовка старуха, которая, если начнетъ колдовать,

глыбы отъ скалы откалываются. При приближеніи этого войска она произносить заклинаніе: «Народъ твой превратись въ пыль и разнесись по воздуху, тѣло же твое превратись въ камень!» Послѣ этого Шоно-баторъ превратился въ камень, а народъ превратился въ пыль и разбрѣлся по воздуху. На этомъ превратившемся Шоно-баторѣ камнѣ, говорять, воздвигнутъ Божій храмъ.

Записано со словъ аларскаго ино-
родца хонхоровскаго рода Гавриила
Пянкина с. Николаевъ Затопляевъ.

Другой варіантъ этого-же сказанія говоритьъ, что отъ колдовства старухи погибъ одинъ Шоно-баторъ и победа осталась за русскими. Это разсказывается такъ:

Колдунья хана, съ которымъ воевала русская царица, была такъ заколдована: если прострѣлить ей голову, царь и царство погибнетъ; если прострѣлить ей середину тѣла, погибнетъ весь народъ, а если выстрѣлить ей по колѣнамъ, стрѣлявшій пропадетъ, не оставивши потомства. Эта колдовка своимъ колдовствомъ губила каждый день и каждую ночь по сту человѣкъ. Тогда Шоно-баторъ рѣшилъ: «Лучше я погибну одинъ, не оставивши по себѣ потомства!» и убилъ ее по колѣнамъ. По этому Шоно-баторъ умеръ, не оставивъ послѣ себя потомства. Побѣда была одержана русскими и война прекратилась. Въ прославленіе-же Шоно-батора начали распѣвать помѣщенную ниже пѣсню. О. Н. Затопляевъ.

Пѣсня Шоно-батора.

Хадада удугхон зумари-ѣ харсагай шубун барабаль,
Ханда зорѣгхон дайсуй-ѣ Шоно-батор дарабал.
Боредо удугхон болжомури боро-харсагай барабаль,
Богдодо зорѣгхон дайсуй-ѣ Шоно-баторъ дарабаль.
Ирѣдэ удугхон зумари-ѣ ирѣэн харсагай барабаль,
Ижэндэ зорѣгхон дайсуй-ѣ Шоно-батор дарабаль.
Сэрэн-Газдан ахай-л хобушинъ ях-би?

Хон-Тайжа бабай-я гэнэн-залийн яхоби?

Гертэгхэн хойшио хархада гэшгэнэн шиэ арзайга,
Гэшгхэтгэн газаринь хархадо Шоно-батор ябула.

Айлагхан хойшио гархада алтан сэсүк арзайга,
Алгхагхан газаринь хархадо Шоно-батор ябула.

Эрэд хойшио хархада эржэн сэсүк арзайга,
Эрьехэн газаринь хархадо Шоно-батор ябула.

Хара далайда хагдагхашэй-й халюн-шаргай мэдүжэл,
Ханай хульда хашагдгхашэй-й Шоно-батор мэдүжэл,
Хамок тумон сэрэишэнүй уйман-айман гархальби.

Гхухо далайда хагдгхашэй-э гхугшэн шаргай мэдүжэл,
Гхошун хульда хашагдгхашэй-й Шоно-батор мэдүжэл,
Гхуды олон сэрэшиэни уйман-айман гархальби.

Шара далайда шакагтагхашэй-й шара-шаргай мэдүжэл
Шанга хульда хашагдгхашэй-й Шоно-батор мэдүжэл,
Шахат ёргхэн сэрэишэнүй уймат-аймат гархальби.

ПЕРЕВОДЬ:

На горѣ плодившихся овражекъ соколь-птица истребиль,

На Царя стремившееся войско Шоно-баторъ побѣдиль.

Подъ горою плодившихся жаворонковъ сѣрый-соколь истребиль,

На Богда стремившееся войско Шоно-баторъ побѣдиль.

На берегу плодившихся горностаевъ пестрый-соколь истребиль,

На Ижэна (хана) стремившееся войско Шоно-баторъ побѣдиль.

Сэрень-Галдана (брата) клевету мнѣ не побѣдить.

Хонъ-Тайжа батюшки опрометчивую довѣрчивость мнѣ не разубѣдить.

Отъ юрты назадъ глядѣть цвѣты гэшгэнэ*) развернулись,

Стущившее мѣсто осмотрѣть, Шоноевы (батора) слѣды виднѣлись.

Отъ улуса назадъ глядѣть, золотые цвѣты развернулись,

Шагнувшее мѣсто осмотрѣть, Шоноевы слѣды виднѣлись.

Сѣверо-западъ оглядѣть, перламутровые цвѣты развернулись,

*) Гэшгэнэ, гусиная лапка, *Potentilla anserina*.

Обернувшееся мѣсто (т. е. гдѣ онъ обертывался) осмотрѣть,
Шоноевы слѣды видѣлись.

Къ черному морю прижали, но хазюно-соловой вывезетъ!

✓ Ханскимъ судомъ притѣсили, Шоно-баторъ вылѣзеть!

Много тысячное войско твое сокрушить и пройдетъ!

Къ синему морю прижали, но сильный соловко вывезетъ,

Сильнымъ судомъ притѣсили, Шоно-баторъ вылѣзеть!

Много тысячное войско твое сокрушить и пройдетъ!

Къ желтому морю прижали, но желтоватый соловко вывезетъ!

Жестокимъ судомъ притѣсили, Шоно-баторъ вылѣзеть!

Преслѣдующее войско твое сокрушить и пройдетъ!

Записана въ Аларѣ и переведена
П. П. Баторовымъ.

IV.

Сирота и желтая собака.

(Унышен хубун).

Въ старыя, старыя времена жилъ сирота парень, у котораго была мачиха и красный быкъ. Возилъ онъ на этомъ быкѣ дрова. Приводить онъ его, однажды, поить къ желтому морю; здѣсь русские ловятъ рыбу. Когда они неводили, дочь Лусунь-хана, превратившись въ золотаго ельца (алтан елоной), играла и плавала въ небѣ. Отдавши за этого золотаго ельца быка, взялъ его (ельца), вымѣнялъ. Этотъ елецъ, играя, превратился въ человѣка и впрыгнулъ въ море. Парень плакать: «мать меня будетъ сильно бить». Услыхавъ этотъ плачъ, елецъ обратно выходитъ изъ моря и говорить: «Когда тебя мать будетъ бить, приходи сюда въ воду! По правую сторону будетъ песчаная дорога; идя по этой дорогѣ, ты встрѣтишь прекрасный серебряный дворецъ; при входѣ въ него ты встрѣтишь сидящаго белоголоваго старика. Когда тебя старикъ спросить: зачѣмъ ты пришелъ? ты говори, что имѣешь желаніе взять

у него большую желтую собаку (турия шара нохой, волкъ). Онъ тѣ бя прогонить, но ты не взирая на это, возвращайся въ море до трехъ разъ».

Когда парень возвратился домой, мачиха начинаетъ бить его; сырые прутья гнутся и сухie ломаются. Била, била и прогнала его. Съ плачемъ приходить къ морю и входить въ него въ томъ мѣстѣ, гдѣ вошелъ елецъ. Идетъ песчаной дорогой и видить прекрасный серебряный дворецъ, входить въ него. Бѣлоголовый старикъ, крикнувъ, спрашиваетъ его: «Зачѣмъ ты пришелъ? — Желая имѣть твою большую желтую собаку, я пришелъ просить ее у вѣсть. — Что ты сказалъ? что и говорить нельзя! Вымолвилъ, о чёмъ и поминать нельзя! И такъ прогналъ его. Прогонилъ его такимъ образомъ до трехъ разъ, а тотъ все возвращался.

Когда хотѣль прогнать его въ четвертый разъ, дочь и говоритъ ему: «Что ты? когда я попалась въ невѣсть, онъ отдалъ за меня единственнаго быка, чтобы взять меня». Тогда онъ (старикъ) завертываетъ въ бумагу дочь, половину имѣнія и навьючивши все это парню на спину, отправляетъ его, наказываетъ: «Пока не достигнешь хорошей земли, пока у тебя не изотрутся лопатки и не изобьются плечи, выюкъ этотъ не спускай на землю».

Унышэнъ-хубунъ (сирота) едва, едва выбрался на морской берегъ. Здѣсь онъ развернулъ бумагу; елецъ превратился въ женщину и вдругъ съ шумомъ начало какъ бы выкипать: скотъ разнообразный, домъ, зданія и все необходимое для жития. Здѣсь они и поселились.

Когда они тутъ жили, сынъ Хартагай-хана, однажды охотясь, увидаль жену унышэнъ-хубуна и влюбился въ нее. Послѣ этого онъ сталъ ходить сюда каждый день и просиживалъ здѣсь до ночи. Однажды Хартагай-ханъ спрашиваетъ сына: «Куда ты исчезаешь каждый день и что ты дѣлаешь? Тогда сынъ говоритъ: «На берегу желтаго моря живеть унышэнъ-хубунъ. Жена этого унышэнъ-хубуна очень красива; смотря на нее (любуясь) каждый день, я

забываю пищу и сонъ. Какъ бы мнѣ взять ее за себя?» Хартагай-ханъ на это говоритъ: «Сарячтесь по три раза! Если онъ тебя не найдетъ, а ты найдешь его (унышэнъ-хубуна), тогда можно будетъ тебѣ взять его жену».

Царскій сынъ приходитъ къ унышэнъ-хубуну и велитъ ему спрятаться. Унышэнъ хубунъ спрятался за бараны*) и, не скрывшись весь, лежитъ. Тогда жена спрашиваетъ его: «Что это ты такъ?—Я лежу здѣсь, спрятавшись отъ царскаго сына. «Э, какой ты прямой человѣкъ! Превращаетъ его въ ножницы и бросаетъ около себя. Царскій сынъ, не могши найти, говоритъ: «Ну, выходи! Тотъ выходитъ и говоритъ: «Ты и не видалъ, что я лежалъ здѣсь».

На слѣдующій день унышэнъ-хубунъ говоритъ женѣ: «Преврати меня опять въ ножницы».—«Что ты за дуракъ! Превращаетъ въ жилы (шурмугхон) и сидитъ, сучить ихъ. Не могши найти, царскій сынъ говоритъ. «Ну, выходи! Выходитъ и говоритъ: «Какъ ты не видалъ человѣка, лежавшаго на подолѣ жены! На третій день превративши его въ голикъ или метелку (шурбур), бросила къ дверямъ. Царскій сынъ опять не находитъ. «Ну, говорить, выходи! Тотъ выходитъ и говоритъ: «Ты меня не видалъ, а я стоялъ у дверей».

Когда началъ отправляться искать унышэнъ-хубуна, жена и спрашиваетъ его: «Какъ и гдѣ ты будешь искать?—Я буду искать по всемъ дырамъ и щелямъ, за ящиками и за баранами. «Э, ты безмозглый! Если такъ будешь искать, ошибешься. На столѣ виситъ тугой лукъ (хату иномон). Что, моль, это за слабый лукъ? и тяни какъ можно сильнѣе! Когда унышэнъ-хубунъ потянуль сильно, раздается: «Ой! ой! сломаешь мнѣ спину! и лукъ становится царскимъ сыномъ. На слѣдующее утро жена опять учить его:

*) Бараномъ называется подставка подъ ящиками въ юртѣ, размѣщаемыми обыкновенно по лѣвой сторонѣ юрты со входа; имѣютъ они съ лицевой стороны форму ящика и служатъ украшеніемъ юрты. Н. З.

«На лѣвой (по входѣ въ юрту) сторонѣ на стѣнѣ виситъ выдрина-
ная шапка (халюн малагай). Снявши эту шапку, мни ее и вытя-
гивай! Когда онъ началъ мять эту шапку, раздается: «Какъ ты
больно мнешь! И выходитъ царскій сынъ. На третій разъ опять
по наученію своей жены унышэнъ-хубунъ, пришедши къ царю, на-
чинаетъ сглѣбать растущія впереди золотыя осины (алтаанъ улягхай),
какъ бы намѣревался срубить ихъ. «Перестань! И найденный
царскій сынъ выходитъ.

Послѣ этого царскій сынъ прогоняетъ унышэнъ-хубуна спро-
сить года у медвѣда (бабагай). Жена нашиваетъ ему на оба плеча
по клубку вражи и отправляетъ къ медвѣду. Прибѣгааетъ медвѣдь
и говоритъ: «О, Боже (ай бурхан)! Триста лѣтъ живу, а ни кого
не видалъ трехголоваго! И убѣгаеть назадъ. Приходитъ и говоритъ
царскому сыну, что онъ (медвѣдь) сказалъ, что ему триста лѣтъ.
Посылаетъ (прогоняетъ) опять его узнать, сколько лѣтъ матери солн-
ца (наранай эгхэ). Жена даетъ мужу мясо, кости и жилы и гово-
ритъ: «На дорогѣ ты встрѣтишь трехъ цѣпныхъ собакъ. Брось
имъ мясо и прочее и скажи: ахъ, какія славныя собаки! Идя
далѣше, встрѣтишь три воинскихъ озера; скажи: ахъ, какія bla-
говонныя озера! Унышэнъ-хубунъ, пришедши къ собакамъ, гово-
ритъ: «Какія славныя собаки! и бросилъ имъ мясо, кости и
жилы. «Сколько здѣсь пи проходило, всѣ говорили: какія худыя,
злыя собаки! Ты одинъ только похвалилъ насъ». Безъ лая, про-
пускаютъ его. Подходитъ къ тремъ озерамъ и говоритъ: «Ахъ ка-
кія благовонныя озера! «Съ древнихъ временъ, съ начала нашего
бытія всѣ говорили, что мы воинчія озера. Ты одинъ только ска-
залъ, что мы благовонныя». Сдѣлавшись мелкими, этого парня про-
пустили.

Идеть далѣше и видѣть: одна женщина прилипла къ двери,
другая повѣсилась на рогахъ коровы и еще третья прилипла къ
лодкѣ. Всѣ эти три женщины съ этимъ унышэнъ-хубуномъ заказы-
ваютъ: «Спроси мать солнца, за что мы такъ мучимся?»

Когда онъ пришелъ къ матери солнца, она принимаетъ его, какъ гостя и угощаетъ, а затѣмъ «отдохни!» говорить. Уложила его спать. Вечеромъ возвращается домой солнце-сынъ (наран хубун). Мать ему кричить: «У насть гость. Сними на улицѣ шапку, а то сожжешь!» На слѣдующее утро солнце-сынъ надѣваетъ на уышшэя-хубуна свою шапку и говорить: «Ходи моей дорогой. На югѣ стоять серебряный столъ; тамъ пообѣдай!» Пришедши къ столу, парень сѣлъ. Одна ножка этого стола изломалась. Поправляя ее, онъ провозился до вечера.

За тѣмъ идеть дальше. Идетъ и встрѣчаетъ закуржавѣвшаго старика, спрашиваетъ его: «Что ты за старикъ? «Я владыка инея» (гхюуруй-й эжэм)! «А, такъ это ты заморозилъ полдесятины моего хлѣба!» и началъ бить его. Былъ, былъ и едва живаго отпустилъ. Идеть дальше и встрѣчаетъ совершенно масляннаго старика (тогхон большогхон үбугун), спрашиваетъ его: «Кто ты? «Я господинъ медовой росы» (тогхон шудори эжэм).— «А, такъ это ты съѣлъ полдесятины моего хлѣба!» Былъ, былъ его и чуть живаго отпустилъ.

Вечеромъ спрашиваетъ у матери солнца: «Идя сюда, я видѣлъ трехъ женщинъ; одна прилипла къ двери, другая висить на рогахъ коровы, а третья прилипла къ лодкѣ. За что они находятся въ такомъ положеніи? Мать солнца говоритъ: «Прилипшая къ двери, когда жила на землѣ, была сильно шляющая женщина. Вторая жалѣла давать для маленькихъ дѣтей молока, а третья жалѣла давать людямъ воды. Вотъ въ наказаніе за эти грѣхи и мучатся онѣ».

На слѣдующее утро при отиравкѣ парня домой мать солнца даетъ ему красную курицу. «Унеси её, говорить, и отдай царскому сыну! Принесши подъ окошко царя, говоритъ: «Я спросилъ солнцеву мать о лѣтахъ, а она дала мнѣ красную курицу и велѣла передать тебѣ!» Бросаетъ её (красную курицу). «На, говорить,

возьми! После чего все у царя до тла егоръло. Амаръ жаргажи ашта бурханда түшэбэ (прожилъ счастливо и благополучно и отошелъ къ вѣчному богу).

Запис. П. П. Баторовымъ у аларскихъ бурятъ; переведено о. Н. И. Затопляевымъ.

V.

Черепъ конской головы.

Въ давнія, давнія времена мышь и воробей говорились вмѣстѣ въ компаний сѣять хлѣбъ. Мышица вспахала землю, воробей изъ людскихъ амбаровъ наворовалъ сѣмянъ и посѣяли. Хлѣбъ родился прекрасный. Когда осенью стали дѣлить хлѣбъ, одно зерно осталось лишнимъ. Затѣяли изъ-за этого зерна споръ. Спорили, спорили, мышь и говорить: «Я приведу царя мышей» (Ада-хулагана)! А воробей говоритъ: «Я приведу царя птицъ (Хань-хурдэ-шубун). Приведши этихъ двоихъ, судились у нихъ. Хань-хурдэ-шубунъ говоритъ: «Воробей, воруя сѣмена, рисковалъ свою жизнью, а потому лишнее зерно пусть возьметъ воробей!» Тогда Ада-хулаган (царь мышей), разсердившись, перестригла зубами перья обоихъ крыльевъ Хань-хурдэ-шубуна (царя птицъ). Прочие все разошлись.

Хань-хурдэ-шубунъ, ставши безъ крыльевъ, сидитъ на землѣ. Со стороны подходитъ охотникъ (аигуша). Тогда (Хань-хурдэ) говоритъ этому человѣку: «Возьми ты меня домой и питай до тѣхъ поръ, пока у меня отростутъ крылья, а я послѣ вознагражжу тебя». А что ты ёшь? «Ночуя, я сѣмъ овцу, а два дня пробуду, сѣмъ быка».

Унесъ домой и кормилъ до тѣхъ поръ, что изъ богача сдѣлался бѣднякомъ. Когда (у Хань-хурдэ) отросли крылья и когда человѣкъ доставилъ ее домой, она даетъ ему черепъ конской головы (моринэ хубхай тологой), говоря: «Когда будешь спать, клади этотъ черепъ подъ голову, а когда будешь голодать, ложи его». Возвращаясь домой, во время пути онъ положилъ этотъ черепъ подъ го-

лову и уснулъ. Когда проснулся, очутился въ богатой юртѣ лежащимъ за семидесять занавѣсами. Въ этой-же юртѣ сидѣла одна красавица женщина. «Чья ты жена?» спрашиваетъ громко. Тотчасъ же эта женщина, превратившись въ черепъ, ушла (и ничего не стало, ни юрты, ни женщины).

Идетъ дальше. Опять уснулъ. Пробудился лежащимъ за семидесять занавѣсами; выходитъ оттуда и видить ту-же женщину, на которую смотрить, смотрить и не можетъ оторваться. И такъ просидѣть три дня, не выходя на улицу. Женщина, не могши его выпроводить, даетъ ему свой портретъ и отправляетъ его посмотреть и покормить скотъ. Только что онъ вышелъ на улицу, какъ вихремъ вырвало у него изъ рукъ портретъ и унесло. Портретъ этотъ нашли ханскія дочери и передали хану. Ханъ тотчасъ-же спосыпалъ двухъ пословъ, чтобы какъ можно скорѣе доставили ему этого человѣка. Тогда (ханъ) и говорить этому человѣку: «Давай, будемъ прятаться! Если я тебя найду, я возьму эту жену, а если ты меня найдешь, пусть жена остается у тебя. Возвращайся домой и спрячься!» Человѣкъ этотъ, возвратившись домой, залѣзъ за ящики и лежитъ. Жена и спрашиваетъ его: «Что это ты таихъ! — Мнѣ царь велѣлъ спрятаться. Спрятался и лежу.— «Что ты за дуракъ! Превратила его въ шапку, надѣла на голову и сидѣть. Приходить ханъ и, не могши пайдти, говоритъ: «Ну, будешь. Я перестаю искаль, выходи!» Тотъ вышелъ и говоритъ: «Ты не видаль меня, сидѣющаго за женой». На другое утро жена превратила мужа въ войлокъ, свернула его и положила на кровать. Царь, не могши найти, говоритъ: «Ну же, выходи!» Тогда тотъ выходитъ и говоритъ: «Ты меня не видаль лежащаго на кровати». На слѣдующее за тѣмъ опять утро, превративши его въ голикъ (вѣникъ, которымъ метутъ полъ), бросила къ дверямъ. Опять царь, не могши найти, говоритъ: «Ну, выходи! «Ты меня не видаль, лежащаго у дверей», говоритъ и выходитъ.

Настала и хану очередь прятаться. Жена и спрашиваетъ мужа: «Гдѣ ты будешьъ искатьъ?»—За ящиками и за баранами буду искатьъ.—«Э, что ты за дуракъ! По входу въ юрту на лѣвой сторонѣ (т. е. на югозападѣ) будетъ висѣть желѣзный лукъ. Его возьми и какъ можно сильнѣе натягивай! Уходить къ хану, береть и натягиваетъ этотъ лукъ. «Ой, ой! что ты! хочешь переломить мнѣ спину!» говорить ханъ и принимаетъ настоящий свой видъ (настоящее тѣло). На слѣдующій день, когда ему нужно было отправляться, жена наказываетъ мужу: «На полкѣ будетъ лежать брускъ, на столѣ ножикъ. Взявши ножикъ, три имъ о брускѣ! Приходить къ хану, береть ножикъ и начинаетъ тереть имъ о брускѣ. «Ой, ой! что ты! сотрешь кожу съ моей щеки!» И такъ царь найденъ. На третій день, когда опять нужно было отправляться, жена и говоритъ ему: «Предъ юртой будутъ рости три золотыя осины. Ты нагни ихъ, какъ-бы намѣревалась срубить ихъ! Лишь онъ нагнуль эти осины, какъ-бы съ намѣренiemъ срубить ихъ, какъ раздалось: «Перестань! И вышелъ ханъ.

Рассказана буряткой Катериной Алекс. Бадашкеевой, въ Аларѣ; записана и переведена миссионеромъ свящ. Н. Затопляевымъ.

VI.

Сирота-парень*).

(Унынкэн хубун).

Одинъ сирота парень шель и легъ подъ деревомъ. Прилетаютъ два ворона, садятся на это дерево и разсуждаютъ: «Сынъ Хартаганъ-хана болѣнь. Если заколоть ходившую въ табунѣ пѣгую яловую кобылу и мясомъ ея обложить больнаго, онъ выздоровѣсть». Услыхавши это, сирота парень отправляется къ Хартаганъ-хану и говоритъ: «Я пошаманю и вылечу вашего сына». Его прогоняютъ, говоря, что у нихъ есть уже шаманка.

*.) По показанию одного бурята сироты, герой сказки, назывался Анакуй-Ухаръ.
Прим. о. Затопляева.

Вышедши на улицу, привязываетъ ко хвосту жеребца берестяное лукошко (үйгхан-торхо*) и распугиваетъ табунъ. Думая, что въ табунъ забрался волкъ, всѣ выбѣжали на улицу. Шаманка, оставшись одна, говорить сиротѣ парню: «Дай-ка мнѣ чего-нибудь напиться! — У меня нѣть ни чашки, ни поваренки. Иди и начоися прямо изъ булура**), нагнувшись. Лишь только она нагнулась, какъ парень схватилъ ее за ноги и опрокинулъ въ булуръ, утопилъ. Бывшіе на улицѣ входили, брали шаманку за ноги и мѣшали ею хурунгу***), думая, что у царя людей и мутовка (аша) мѣшать хурунгу изъ человѣка.

Ханъ сильно испугался смерти шаманки. «Что мнѣ теперь дѣлать?» говорить. «Дѣти шаманки будутъ взыскивать съ меня». Тогда сирота парень говоритъ: «Я найду оправданіе». — Ну, хороший человѣкъ будешь, найди! Сирота парень (унышкэн хубун), уѣхавши на сердитаго быка вмѣстѣ съ мертввой шаманкой, навьючивши одинъ мѣшокъ мучнаго хлѣба и взявши шило, приѣхалъ къ дому шаманки. На встрѣчу бѣгутъ сыновья шаманки: «Мать нашаѣдетъ, хлѣба везетъ!» Сирота парень (унышкэн хубун) кричитъ: «Тише,тише! не испугайте быка!» Но они прибѣгаютъ съ шумомъ и гамомъ и тянутъ хлѣбъ. Въ это время парень (унышкэн хубун) колынулъ быка шиломъ. Быкъ прыгнулъ и сбросилъ парня въ мертвую шаманку. «Ой, ой! ребра мои поломали и мать ваша убилась. Какіе вы гадкіе ребята!» ругаетъ ихъ унышкэнъ-хубунъ. Ругался, ругался, бросилъ ихъ мать и ушелъ къ хану.

Пришедши къ хану, обложилъ мясомъ яловой кобылы Харажи-муя-хубуна (сына Хартаганъ-хана), вылѣчиваеть его. Ханъ отдаетъ ему половину имѣнія и половину скота. Унышкэнъ-хубунъ

*) «Торхо», большое берестяное лукошко; маленькое берестяное лукошко называется у аларскихъ бурятъ «бертохо». *O. З.*

**) «Булуръ» у сѣверныхъ бурятъ высокая деревянная кадь, въ которую сливается молоко и въ которой оно киснетъ; потомъ изъ этого молока выгоняется тарасунъ т. е. молочная вода. *O. З.*

***) «Хурунгу», кислое молоко; такъ оно называется, пока находится въ булурѣ. Въ дальнѣйшей же стадіи броженія оно получаетъ название «арса».

не береть это, какъ не нужное, и говорить: «Дайте мнѣ лучше одну хорошую одежду». Одѣвшись въ эту одежду, пошелъ и легъ опять подъ дерево. Со стороны идутъ два бохолдои (чорта) и несутъ душу Хартаганъ-ханова сына Харажи-муя-хубуна. Унышкэнъ-хубунъ говоритъ имъ: «Я съ вами пойду». А кто ты такой? — «Я тоже бохолдой». Шли, шли и говорятъ ему: «Ты почему шабарчишь» (гхаршага-нудиаш)? — Я недавно умершій бохолдой, еще не умѣю ходить, не шабарча^{*}). Научите меня ловить человѣческія души. «Ну, возьми эту душу, держи иди»! Прошли немного, унышкэнъ-хубунъ спрашиваетъ ихъ: «Чего вы боитесь? — Брр (татай)! мы шиповника (ургэнэ) и боярочника (дологоно) сильно боимся. А ты чего боишься? спрашиваютъ бохолдои. «Я грудного и шейнаго жира ужасно боюсь».

Когда такъ шли, унышкэнъ-хубунъ шмыгнула въ шиповникъ — боярочникъ. Бохолдои, не могли выгнать его оттуда, бросаютъ ему грудной и шейный жиръ, а унышкэнъ-хубунъ знай себѣ єсть да єсть арбинъ и шейный жиръ и пролежала тамъ до тѣхъ поръ, пока бохолдои не ушли. Когда они ушли, приносить душу къ Хартаганъ-хану. Сынъ его Харажи-муя-хубунъ чуть живой («Умираю! думая, лежитъ). Когда была принесена душа, ему стало хорошо (онъ поправился).

Унышкэнъ-хубунъ опять идетъ и ложится подъ дерево. Приходятъ два человѣка и спрашиваютъ его: «Почему ты лежишь здѣсь? — Я, думая сдѣлаться бурханомъ, лежу здѣсь». Тѣ тоже здѣсь остались. Приходятъ еще четыре человѣка и спрашиваютъ: «Что вы лежите тутъ? — Думаемъ сдѣлаться бурханами». Стали всемеромъ; лежать, но не могутъ стать бурханами. Тогда унышкэнъ-хубунъ говоритъ: «Я большой грѣшникъ и мнѣ не сдѣлаться бурханомъ. Пойдемте къ ламъ! Приходить къ ламъ. Лама спрашиваетъ ихъ: «За чѣмъ пришли? Мы пришли искать средство сдѣ-

^{*}) Шабарчать, сибирское выражение: шумѣть. Бохолдой духъ и когда онъ идетъ, не бываетъ слышно звука его шаговъ.

заться бурхапами. Лама осердился на нихъ и говорить: «Я семь лѣтъ сижу одинешенекъ, читаю священные книги и до сихъ поръ не сдѣлался бурханомъ, а вы какъ легохонъко думаете сдѣлаться бурханами; спрыгните вотъ съ этой высокой горы въ море. Семеро парней прыгнули съ горы, но не упали въ море, а поднялись на небеса и стали семью звѣздами (звезды эти буряты называютъ Долонъ-убугутъ, «семь стариковъ»; это Большая Медвѣдица). Лама же, позавидовавъ имъ, бросился то-же съ горы въ море и превратился въ турпана (по этому турпанъ и желтый, по цвету одежды ламы).

Записано въ Аларѣ свящ. Ник.
Затопляевымъ со словъ бурятской
дѣв. Катер. Алекс. Бадашкевой.

VII.

Человѣкъ и барсъ.

Одинъ человѣкъ ушелъ въ тайгу и встрѣтился съ барсомъ. Барсъ и спрашиваетъ человѣка: «Кто изъ насъ сильнѣе? Черезъ три дня придемъ на это мѣсто и будемъ состязаться въ силѣ, ударя кулакомъ по дереву. И кто изъ насъ сильнѣе, тотъ ударомъ кулака свалитъ дерево, какъ бы срѣжетъ его (съ одного раза), а кто слабѣе, тотъ сронитъ дерево, сломивши его съ «задоринами». Условившись такъ, разошлись въ разныя стороны.

Человѣкъ пришелъ паздъ къ дереву, назначенному для состязанія, распилилъ его на нѣсколько частей и части эти сложилъ другъ на друга, а самъ удалился. Черезъ трое сутокъ сопились на установленномъ мѣстѣ. Человѣкъ ударилъ кулакомъ по распиленному дереву и свалилъ его, какъ бы срѣзаль. Барсъ же ударилъ по стоячemu (цѣлому) дереву и сломилъ его съ задоринами.

Тогда барсъ сильно испугался и говорить: «Какой ты сильный! Привель его къ себѣ въ гости и посылаешь къ колодезю за водой, давши ему посудину вмѣстимостью въ восемьдесятъ вѣ-

деръ. Человѣкъ, не будучи въ силѣ поднять цѣпню*), конаетъ соп-
никомъ во кругъ колодезя. Барсъ спрашиваетъ: «Для чего ты ко-
наешь? — А я хочу за одинъ разъ унести всю воду. Барсъ испугался
и говорить: «Я самъ унесу воду».

За тѣмъ, уложивши гостя на юго-западной сторонѣ юрты
(бару гара), самъ барсъ улегся на хойморѣ (съверо-западной сторо-
нѣ въ юртѣ). Ночью барсъ встаетъ и точить ножицъ, чтобъ убить
гостя. Человѣкъ же, узнавши это, положилъ вмѣсто себя на по-
стель ступу и пестъ, а самъ вышелъ на улицу. Барсъ кололъ, ко-
доль ступу и пестъ и уснулъ. Утромъ, когда встали, человѣкъ и
говорить: «Кто меня кололъ этой ночью ножемъ?» Барсъ, испу-
гавшиcь, отпирается. «Я не знаю», говоритъ. Когда человѣкъ сталъ
отправляться домой, барсъ даетъ ему мѣшокъ золата въ гостинцы.
Не могши поднять этотъ мѣшокъ, человѣкъ говоритъ: «Я не поне-
су твои гостинцы. Когда ты самъ придешь ко мнѣ, принеси!»

Пришедши домой, говоритъ своей женѣ: «Когда придетъ къ
намъ барсъ, я буду на улицѣ, а ты, находясь въ юртѣ, кричи и
спрашивай меня: что я буду варить гостю?» Приходитъ барсъ и
приносить золото. Тогда жена кричитъ, спрашивая: «Что я буду
варить гостю?» Тогда мужъ отвѣчаетъ: «Свари крестецъ раньше
убитаго барса и гузенную кашку послѣ убитаго» (барса). Услы-
хавши это, барсъ испугался и думаетъ: «Что это за народъ, что
убиваетъ и есть барсовъ?» Бросилъ золото и побѣжалъ безъ оглядки.

По пути встрѣтилъ волка. Волкъ и спрашиваетъ барса: «Что
ты бѣжишь такъ? — «Я, говоритъ, испугался человека и бѣгу
такъ». — Атхѣ тэрэ-гэнгхэ**)! Э, что ты испугался человека!» говоритъ.
Беретъ и приводить обратно барса къ человѣку. Увидавши ихъ,
человѣкъ говоритъ волку: «А! этого бессильного, котораго я не могъ
задержать, откуда приволокъ?» Тогда барсъ, думая, что волкъ при-
велъ его обманомъ, испугался до потери разсудка, побѣжалъ и по-

*) Цѣпня — посудина, которой черпаютъ воду изъ колодезя. Н. З.

**) Это выраженіе означаетъ презрѣніе къ чому-либо не стоящему
вниманія. Н. З.

тащилъ за собой волка. Волкъ усталъ и, разинувъ ротъ, издохъ. Барсъ, увидѣвши разинутую пасть, думая, что онъ смѣется, говорить: «А, тебѣ смѣшки, а мнѣ капель» (шамда энъэдэн намда хада ханядан)! побѣжалъ по лѣсамъ и тайгамъ.

Запис. въ Аларѣ о. Н. И. Затоп-
ляевымъ со словъ аларского бурята
Григорія Ириничеева.

VIII.

Волкъ, просящій пищи у Бога.

Въ давнія времена шелъ старый проголодавшійся волкъ и вылъ, прося у Бога пищи. Богъ (бурхан) указываетъ ему: «Вотъ тамъ ходить конь одного богатаго человѣка. Его сѣѣшь!» Волкъ подходитъ къ этому коню и говоритъ: «Богъ послалъ меня сѣѣсть тебя». — Если Богъ велѣль сѣѣсть, сѣѣшь! Но прежде, чѣмъ сѣѣсть, прочитай на моей подошвѣ писаніе и тогда сѣѣшь» — «Гдѣ же оно?» протираетъ глаза и царапаетъ подоливу. Конь лягнуль и убѣжалъ. Волкъ лежитъ чутъ живой и сѣѣтъ на себя: «Приглашаютъ ёсть, лижешь; просятъ войти, смотришь въ щель. Когда я зналъ грамоту? а взялся разбирать (царапать) на подошвѣ коня». Сильно самаго себя винить.

Потомъ опять воетъ. Тогда Бурханъ указываетъ ему сѣѣсть старую собаку одного богатаго русскаго. Волкъ приходитъ къ этой собакѣ и говоритъ: «Меня послалъ Бурханъ сѣѣсть тебя». Тогда собака говоритъ: «Послѣ того, какъ сказалъ Бурханъ, — сѣѣшь! Только маленько подожди! Прежде, чѣмъ ты меня сѣѣшь, я тебя угощу. У насъ правится свадьба и я принесу водки и закуски». Тогда волкъ говоритъ: «Изволь, немнogo подожду». Та старая собака привноситъ водки и поить волка. Волкъ опьянѣль, сидѣть и качается. Когда онъ сидѣтъ такъ, на свадебномъ пиру русскіе запѣли пѣни. Услышавъ это, пьяный волкъ и самъ началъ выпить, воображая, что онъ поетъ. Услышавъ его воющаго, русскіе быстро начинаютъ его бить нещадно, по чему попало, и выгоняютъ его едва живаго.

Опять сильно сътуеть на себя: «Когда я пилъ водку? выпилъ и стала пьяный». И, обманутый той старой собакой, сидѣль и выль.

Опять воетъ. Бурханъ говоритъ: «Съѣшь у одного человѣка свиней». Волкъ идетъ къ свиньямъ и говорить: «Бурханъ послалъ меня съѣсть васъ». «Послѣ того, какъ Бурханъ сказалъ съѣсть, съѣвшъ. Только немного подожди! Прежде, чѣмъ съѣши ты насть, мы напослѣдокъ побесѣдуемъ между собою». Тогда онъ соглашается. «Подожду!» говоритъ. Свины начинаютъ кружиться, бѣгать около городьбы и визжать. Хозяинъ, услыхавши, выбѣгаеть на улицу. Что де это сдѣлалось? Тогда сидящаго въ свинячьемъ путухѣ волка начинаетъ бить палкой и выгоняетъ едва живаго. Волкъ опять сътуеть на себя: «Какую я свинячу бесѣду сидѣль и слушалъ! сплошашъ и ушелъ, чуть не убитый! Съ этихъ порь не соглашусь ни на какія слова».

Идеть долго. Проголодался, ослабѣль; на колѣни спотыкается, рыломъ бороздитъ и опять начинаетъ выть. Опять Бурханъ ему указываетъ: «Вонъ сзади ёдетъ человѣкъ съ сѣномъ. Этого человѣка съѣшь!» Волкъ говоритъ человѣку: «Бурханъ сказалъ мнѣ съѣсть тебя». — «Если Бурханъ сказалъ съѣсть, съѣши! Только ты меня ни за что, сидя на землѣ, не съѣши. Я залѣзу на дерево и буду держаться, а ты потомъ залѣзешь за мной». Волкъ говоритъ: «Изволь! Только я-то какъ залѣзу на дерево? — Я залѣзу впередъ, на одномъ концѣ возжей завяжу петлю и слушу, а ты надѣнь ее на голову, и такимъ порядкомъ потяну и подниму тебя». — Согласился и надѣль петлю. Послѣ этого человѣкъ, взявши другой конецъ, спускаеть внизъ и тянетъ волка вверхъ и такимъ образомъ удушаетъ его.

Запис. у аларскихъ бурятъ масси-
онеромъ о. Н. И. Затоплиевымъ.

IX.

Кость лопатка.

Въ глубокой древности жили старикъ со старухой. Былъ у нихъ одинъ порозъ, больше нечего не имѣли. Разъ, желая перекочевать въ другое мѣсто, старикъ носилъ пороза за рога, а старуха гнала его сзади. Порозъ вдругъ остановился и не шевелится. Старуха, удивляясь, отправилась къ головѣ пороза къ старику и едва дошла черезъ мѣсяцъ. Порозъ лежитъ убитый; старику, осердившись, что онъ не шелъ впередъ скоро, убилъ его. Старику сидѣть подъ бородой козла (тыкана); около паслись овцы и козы; на рогахъ козла сидѣть орелъ и есть лопатку пороза. Орелъ, увидавъ приближающуюся старуху, бросивъ лопатку, улетѣлъ. Лопатку попала старику въ глазъ; старуха заѣзжала въ глазъ старика вытащить лопатку и, проискавъ безуспѣшно шесть дней, на седьмой день только вытащила. Лопатку эту потомъ нашла лисица и, захвативъ зубами, побѣжала. Лисицу эту встрѣтили войска и, отобравъ ей лопатку, переплыли на ней (т. е. на лопаткѣ) море. Теперь нужно отгадать, кто изъ нихъ больше: порозъ или козель, старику или орелъ, или лисица?

Кто скажетъ лисица, тотъ хитрый человѣкъ, кто скажетъ орелъ, тотъ храбрый, кто скажетъ старику, тотъ человѣкъ степенный, а кто скажетъ козель или порозъ, тотъ волокита.

Записано въ верхнеудинскомъ окружѣ у хоринскихъ бурятъ И. В. Вамбодарновымъ.

X.

Створеніе міра и человѣка.

1. Варіанты балаганскихъ бурятг.

а) Прежде земли не было, а только была одна вода. Въ это время былъ одинъ бурханъ, которого звали Сомбаль, потому что онъ сдѣжался самъ собою (бэръ бѣтхѣн Сомбаль бурхан).

Сомбаль-бурханъ захотѣлъ сотворить землю и ходить по водѣ; въ это время птица ангата^{*)} съ 12 дѣтьми плыветь по водѣ. Сомбаль-бурханъ, увидѣвъ ангата, говоритъ ей: «Ангата, нырни въ воду и со дна принеси мнѣ землю!» Тогда ангата по словамъ Сомбаль-бурхана нырнула въ воду и со дна достала земли; на носу привнесла черной земли и въ лапахъ красную глину.

Сомбаль-бурханъ отъ птицы ангата впередъ взялъ красную глину и разбросалъ по водѣ, а потомъ взялъ черную землю и тоже разбросалъ по водѣ; тогда образовалась земля и на ней выросли травы и деревья. Потомъ Сомбаль-бурханъ благословилъ птицу ангата: «Ты будешь имѣть много дѣтей и плавать по водѣ и нырять! Всльдѣствіе этого благословенія птица ангата плаваетъ теперь хорошо и ныряетъ въ водѣ долго.

б) Прежде была одна вода, а земли совсѣмъ не было.

Сомбаль-бурханъ хотѣлъ сотворить землю и ходилъ по водѣ; онъ увидаль птицу ангиръ^{**)}, которая плыла по водѣ. Сомбаль-бурханъ говорить птицѣ ангиру: «Нырни въ воду и со дна принеси мнѣ землю!» Птица ангиръ нырнула въ воду за землей, но на пути ей встрѣтилась рыба «хаши загахан»^{***)}, которая спрашиваетъ ангира: «куда ты ныряешь?»

Птица ангиръ говоритъ: «Я ныряю, что-бы со дна достать землю». Тогда хаши-загахан говорить: «Я живу въ водѣ, до сихъ поръ не видала дна, а ты хочешь земли достать; воротись обратно, а то перерѣжу тебя пополамъ!» Послѣ этого ангиръ обратно вынырнулъ на поверхность воды.

Тогда Сомбаль-бурханъ спрашиваетъ у ангира, отъ чего онъ не принесъ земли. Ангиръ говоритъ, что онъ встрѣтился съ хаши-загаханомъ, который хотѣлъ его перерѣзать пополамъ; потому, боясь его, возвратился обратно, не достигнувъ дна воды.

^{*)} Ангата-аркаликъ.

^{**) Ангир-турланъ.}

^{***)} Каши загахан-рыба ножницы; хаши-ножницы, загахан-рыба.

Тогда Сомболь-бурханъ сказалъ ангиру: «Опять нырии въ воду за землей! на пути говори слова: об мани будьма хан. Ангиръ опять нырнуль въ воду и на пути говорилъ слова «об мани будьма хан»; на этот разъ донырнуль до дна, взялъ земли со дна и обратно вынырнуль на поверхность воды. Сомболь-бурханъ взялъ принесенную землю и сдѣлалъ изъ нея землю; потомъ на земль выросли травы и деревья.

в) Прежде была одна вода, а земли не было. Три бурхана: Шибэгэни-бурханъ, Мадари-бурханъ и Эсэгэ-бурханъ, все трое хотѣли сотворить землю; они ходили по водѣ и увидѣли птицу ангата, которая съ 12 дѣтими пыла по водѣ. Всѣ эти три бурхана сказали птицѣ ангата: «Ты нырии въ воду и со дна воды достань намъ земли: чёрную землю, красную глину и песокъ (хара-шоро, улан-шоро, илхэ). Тогда птица ангата нырнула въ воду, со дна воды взяла черную землю, красную глину и песокъ, обратно вынырнула на верхъ воды и принесенная черную землю, красную глину и песокъ передала тремъ бурханамъ. Эти три бурхана принесенные черную землю, красную глину и песокъ разбросали по водѣ и сотворили землю, на которой выросли травы и деревья.

Послѣ этого создали человѣка; тѣло создали изъ красной глины, кости изъ камня и кровь изъ воды; такимъ образомъ эти три бурхана сдѣлали двухъ человѣкъ: мужчину и женщину.

Потомъ эти три бурхана: Шибэгэни-бурханъ, Мадари-бурханъ и Эсэгэ-бурханъ между собою порѣшили, кто изъ нихъ оживить этихъ сдѣланныхъ двухъ человѣкъ, тотъ и будетъ имъ покровительствовать. Послѣ этого еще порѣшили, что они передъ собою поставятъ по свѣчкѣ и по горшку, а потомъ лягутъ спать; когда на другое утро проснутся, тогда чья свѣчка будетъ горѣть и въ чьемъ горшкѣ вырастетъ цвѣтокъ, тотъ долженъ оживить двухъ сдѣланныхъ людей и стать имъ покровителемъ. Всѣ эти три бурхана поставили передъ собою по свѣчкѣ и горшку и легли спать. На другое утро прежде всѣхъ разбудился Шибэгэни-бурханъ; посмотрѣвъ

свѣчка передъ Мадари-бурханомъ горить, а изъ горшка его выросъ цвѣтокъ. Тогда Шибэгэни-бурханъ зажегъ свою свѣчку, а свѣчку Мадари-бурхана угласилъ; цвѣтокъ выдернуль и посадилъ въ свой горшокъ и потомъ снова легъ спать. Когда всѣ трое проснулись, то видѣть, что свѣчка передъ Шибэгэни-бурханомъ горить, а въ горшкѣ его растетъ цвѣтокъ. Тогда присудили, что сдѣланыхъ людей долженъ оживить Шибэгэни-бурханъ и онъ долженъ покровительствовать имъ. Но Мадари-бурханъ узналъ, что Шибэгэни-бурханъ укралъ у него цвѣтокъ и огонь, а потому онъ сказалъ Шибэгэни-бурхану: «Ты укралъ у меня цвѣтокъ и огонь; вслѣдствіе этого оживленные тобою люди будуть другъ у друга красть и ссориться! Вотъ почему пынѣшніе люди крадутъ другъ у друга и ссорятся.

Послѣ этого Мадари-бурханъ и Эсэгэ-бурханъ поднялись на небо; Шибэгэни-бурханъ остался на землѣ и оживилъ сдѣланыхъ двухъ человѣкъ, которымъ сотворилъ караульного, собаку. Первыхъ людей бурханы создали съ шерстью, чтобы они не мерзли; собаку сотворили безъ шерсти. Затѣмъ Шибэгэни-бурханъ поднялся на небо, а два человѣка спали; собака караулила ихъ; въ это время пришелъ Шитхыръ; собака начала на него лаять и не допускала его близко къ спящимъ. Тогда Шитхыръ говорить собакѣ: «Ты не лай на меня! я тебѣ дамъ пойстѣ да еще вырошу на тебѣ шерсть, какъ на людяхъ. Ты не будешь мерзнуть». Собака согласилась на предложеніе Шитхыра, не стала лаять. Тогда Шитхыръ накормилъ собаку и плонулъ на нее, отъ чего у собаки выросла шерсть. По этому нынѣ буряты говорять, что шерсть собаки не чиста.

Шитхыръ подошелъ къ спящимъ людямъ и плонулъ на нихъ со всѣхъ сторонъ, а самъ ушелъ. Шибэгэни-бурханъ спустился съ неба на землю и приходитъ къ людямъ; видѣть, спящіе люди олеваны Шитхыромъ, а собака стоитъ въ шерести. Тогда Шибэгэни-бурханъ сильно разсердился на собаку и проѣлялъ ее: «Ты всегда будешь ненасытною, будешь грызть кости отъ холода и Ѣсть человѣческія изверженія отъ голода; люди тебя будутъ бить»!

Послѣ этого Шибэгэни-бурханъ оплеванную шерсть на людяхъ выбрилъ гладко и только оставилъ на головѣ, гдѣ шерсть не была оплевана Шитхыромъ; когда люди спали, то руки держали на головѣ, по этому на головѣ, подъ руками шерсть осталась чистою. Вотъ какимъ образомъ первые люди лишились шерсти.

г) Бурханъ землю сотворилъ ровною и гладкою и сначала горъ и долинъ не было. Когда Бурханъ творилъ землю, то въ это время около него стоялъ Шитхыръ, который подъ пятую ноги спряталъ не много земли. Когда Бурханъ кончилъ творить землю, то Шитхыръ взялъ спрятанную подъ пятую ноги землю и разбросалъ по землѣ; тогда на землѣ образовались горы и долины; земля сдѣлалась не ровною. Тогда Бурханъ спрашиваетъ у Шитхыра: «Для чего ты на землѣ сдѣлалъ горы и долины и испортилъ землю?» Шитхыръ говоритъ: «Когда люди будутъ спускаться подъ гору, то, боясь, будутъ призывать тебя: «ай, Бурханъ! А когда будуть подыматься на гору, то будутъ упоминать меня, говоря: «Шитхырова высокая гора!» Такимъ образомъ обоихъ насть постоянно будутъ упоминать».

Записано у балаганскихъ бурята
М. Н. Ханголовымъ.

2 Вариантъ аларскихъ бурятъ.

Когда еще не было видимаго міра (дэлхэй-дайданъ угэй баях-до), Бурханъ (Богъ), спустившись съ неба, не могъ найти земли, чтобы создать вселенную. Шолмо (злой духъ) пришелъ и спрашиваетъ Бурхана: «Что вы думаете дѣлать?» Тогда Бурханъ говоритъ Шолмо: «Я хочу на этой водѣ моря устроить міръ». — Какъ ты это устроишь? «Нужна земля и камень» (шорой шулун). — Откуда возьмешь землю и камень? спрашиваетъ Шолмо Бурхана. «На днѣ этой морской воды на большой глубинѣ есть (это), но какъ достать?» — Я спущусь туда, достану и дамъ. — Бурханъ, думая, что Шолмо не принесетъ (не сможетъ), говоритъ: «Ступай (выйди), принеси!»

И такъ Шолмо вынулъ въ море. Вонедши туда, не знаетъ какъ, взявша землю и камень, поднаться. И такъ, положивши въ глаза, поднялся вверхъ (вышелъ). Вышедши, вынулъ изъ глазъ и отдалъ прамо въ руки Бурхану и просить его дать ему плату за принесенное. Бурханъ говорить: «Я дамъ тебъ немного земли, раздѣливши». Эти-же землю и камень разсѣялъ по морю и сказалъ, дунувши устами: «Пусть будетъ вселенная!» Отъ земли стала вселенная.

Тогда Бурханъ рѣшилъ, что на этой созданной землѣ нуженъ человѣкъ. Взялъ земли и изъ нея сдѣлалъ тѣло (мясо), взялъ камень и изъ него сдѣлалъ кости, взять воду и изъ нея сдѣлалъ кровь. Пока еще онъ не оживилъ человѣка (не далъ ему жизни), сказавши собакѣ, чтобы она безотлучно караулила, самъ отправился куда-то по своему дѣлу. Всльдъ за нимъ приходитъ Шолмо къ человѣку, совершенно покрытому шерстью. Обманувши (какъ-то) собаку, очищаетъ человѣка отъ шерсти и оставляетъ лишь на одной головѣ. Бурханъ, пришедшы, дѣлаетъ собакѣ выговоръ и прогоняетъ ее, осуждая: «Ты безъ нужды сиѣшила, такъ будешь грызть кости; не могла стоять, такъ будешь ёсть человѣческія изверженія. Кромѣ этого человѣкъ не будетъ достигать двухъ сотъ» (лѣтъ). Если-бъ не устроилъ такъ шутхуръ (чортъ), человѣкъ не умиралъ бы и не хворалъ.

За тѣмъ, перешагнувши черезъ него три раза и излюнувши на него три раза, привель его въ чувство.

И такъ сталъ одинъ человѣкъ. Этотъ человѣкъ не расплодился. Тогда Бурханъ рѣшилъ: «Одинъ человѣкъ не расплодится, одна головушка огня не произведеть». Когда этотъ человѣкъ спалъ, укралъ у него лѣвое ложное ребро (гхувэй) и изъ него создаль женщину. И такъ отъ этихъ двоихъ произошли на землѣ все люди. За тѣмъ Шолмо обращается къ Бурхану: «Отдай мнѣ обѣщанную плату за принесенное со дна моря!» Бурханъ, не желая измѣнить данному слову, отдаетъ (Шолмѣ) земли на столько, чтобы

воткнуть маленький колышекъ (такой колышекъ, какой втыкается при городьбѣ между двумя кольями). Шолмо втыкаетъ въ эту землю колышекъ и снова вытаскиваетъ. Изъ этой земли, изъ этой ямки начинаютъ вылезать, выкипать разные гады (хорхой сохо), змѣи (могой*) и тому подобные вредящіе человѣку. Если-бы не была дана Бурханомъ эта земля Шолмѣ, не было-бы и ничего такого на землѣ, чтобы было худо для человѣка.

Записано о Н. Затопляевымъ отъ аларскаго бурята Этогорова.

XI.

О потопѣ.

Передъ тѣмъ, какъ быть потопу, Бурханъ началъ учить одного человѣка выстроить корабль. Этотъ человѣкъ каждое утро вставалъ и съ топоромъ уходилъ въ лѣсъ, гдѣ строилъ по наученію Бурхана корабль, который былъ очень большой, а вечеромъ приходилъ домой. Долго такъ уходилъ онъ каждое утро въ лѣсъ. Однажды жена его спросила, что онъ дѣлаетъ въ лѣсу каждый день. Тогда мужъ сказалъ женѣ, что онъ рубить дрова. Въ одинъ день, когда мужъ ушелъ въ лѣсъ съ топоромъ, къ женѣ его пришелъ Шитхыръ и говорить ей, что мужъ ея обманываетъ ее; онъ вовсе не рубить дрова, а строить большой корабль. Потомъ Шитхыръ говоритъ женѣ этого человѣка: «Корабль скоро будетъ готовъ; твой мужъ будетъ тебя заставлять взойти на корабль, а ты не всходи, отказывайся; мужъ твой будетъ тебя бить; тогда скажи ему: зачѣмъ меня бѣшь, шитхыръ? а потомъ входи въ корабль; я съ тобой войду вмѣстѣ». Эта женщина обѣщалась сдѣлать такъ, какъ ее учили, а Шитхыръ ушелъ.

Послѣ этого вскорѣ сдѣлался потопъ. Тогда этотъ человѣкъ привезъ свое семейство къ кораблю и велѣлъ войти въ него,

*) Хорхой сохо буквально «черви и жуки». Это выраженіе можно-бы перевести сибирскимъ «гнусъ». Подъ словомъ «могой» въ легендахъ слѣдуетъ разумѣть не однѣхъ змѣй, а вообще гадовъ.

но жена его не соглашается; онъ долго уговаривалъ свою жену и наконецъ разсердился, началь бить ее; тогда она .сказала своему мужу: «За чѣмъ меня бѣешь, шитхырь!». Послѣ этого вошла въ корабль и Шитхыръ съ нею вмѣстѣ вошелъ.

Этотъ человѣкъ съ помощью Бурхана поставилъ на корабль много звѣрей, а царь звѣрей аргаланъ-зонъ сказалъ: «Я большой, не утону» и отказался взойти на корабль. Потомъ вода сильно поднялась; корабль поплылъ по водѣ. Шитхыръ, вошедший на корабль, обратился въ мышей и началъ грызть дно корабля; прогрызъ много дырокъ, въ которыхъ вошла вода. Этотъ человѣкъ началъ затыкать дыры и выбрасывать воду, а мыши прогрызали другія дыры, че-резъ которыхъ опять входила въ корабль вода. Бурханъ, увидя это, сотворилъ кошку, которая переловила всѣхъ мышей на корабль. По этому буряты говорятъ, что родъ кошки не чистый, потому что она ловила и ёла мышей. Аргаланъ-zonы, когда вода сильно поднялась, долго плавали и наконецъ все утонули. А потому нынѣ ихъ кости выходятъ изъ земли. Отъ этого человѣка произошли всѣ люди, послѣ потопа.

Записано у балаганскихъ бурята
Н. Хангаловымъ.

XII.

О землетрясеніи.

О землетрясеніи говорятъ такъ: «Земля стоитъ на мылхэй», дэлхэй мылхэй дэрэ байхыйма. Есть какое-то животное мылхэй, имѣющее форму черепахи, на спинѣ которого и держится земля. Когда это животное утомляется и содрогается, земля колеблется, трясется.

Записано у аларскихъ бурята с.
Н. И. Затопляевымъ.

XIII.

Звѣри поспѣтъ сотворенія міра.

По появлениі въ мірѣ всѣхъ животныхъ существъ было все-мірное собраніе: разные классы живыхъ существъ выбирали царей, разныи существамъ предопредѣлялись ихъ обязанности и пути жизни и т. д. На собраніи этомъ не было налима*); а верблюдъ явилъся самимъ послѣднимъ почти уже посль окончанія всѣхъ дѣлъ. Ему нужно было получить кибыгынъ (*testiculi***); такъ какъ все было разобрано, то ему и предложили, что осталось; но такъ какъ предложенное показалось ему сравнительно мизернымъ, не соотвѣтствующимъ такому громадному существу, какъ онъ, то онъ, повернувшись назадъ, пошелъ обратно. Тогда бросили кибыгынъ ему въ слѣдъ и этой органъ прилипъ къ его заду. По этому и теперь у верблюда-самца кибыгынъ находится на заду пониже заднаго прохода.

Сохатый, идя обратно съ собранія, встрѣтился на берегу рѣки съ налимомъ. Налимъ спрашиваетъ сохатаго: «Кому какая жизнь предопредѣлена?» «Миѣ вельно», говорить сохатый, «жити въ хребтахъ, питаться лучшей травой и чистой водой, а тебѣ вельно жить въ глубинѣ рѣки, питаться тиной и дѣлать при слѣдованіи дневки въ каждомъ изгибѣ рѣки».

«Конь кому достался? ружье кому досталось? Собака кому досталась?.... спрашиваетъ налимъ. «Всѣ достались двуногому хойбону***), отвѣчаетъ. «Ну, если конь, ружье и собака достались двуногому хойбону, то,—говорить налимъ,—не сдѣловать ни мнѣ, ни тебѣ! онъ будетъ насть убивать!» Эти слова налима до того огорчили сохатаго, что онъ тутъ-же стала плакать и до того пла-каль, что лопнули у него два изъ четырехъ его глазъ. По этому у сохатаго и теперь есть шрамы отъ лопнувшихъ глазъ, пониже двухъ уцѣльвшихъ.

*) Кажется, налимъ опоздалъ на собраніе потому, что въ каждой земли (тохой) дневалъ. За это ему и опредѣлено юсть тину и жить въ глубинѣ.

**) Кибыгынъ—луковицы сараны (*Lilium Martagoni*), а также *testiculi*.

***) Хойбонъ—хорошо, шагать скоро, чуть ударяя ногу объ ногу. Хойбонъ—такъ называли человѣка.

На этомъ же собраніи птицы обсуждали вопросъ о избраніи царя. Почти всѣ выбрали въ цари журавля, но съ этимъ выборомъ не согласился «доголонъ ханчиръ»*). Онъ заявилъ, что журавль кричить безпрестанно, не разбирая ни дня, ни ночи. «Намъ не узнать будетъ, по дѣлу-ли онъ кричать или просто по привычкѣ, по пусту; по этому намъ частенько придется тревожиться и понапрасну!» Это заявленіе доголонъ-ханчира было признано правильнымъ и въ цари выбрали птицу Гароди. Журавль, осердившись на доголонъ-ханчира, перетопталъ его ножку и за это собравшимися былъ присужденъ носить на себѣ доголонъ-ханчира, когда послѣднему представится надобность перебираться по временамъ года изъ страны въ страну. По этому теперь весною посль прилета журавлей на спинѣ ихъ, говорять, бывають слѣды ноши; а доголонъ-ханчиръ при спускѣ на землю, говорятъ, не можетъ сразу сѣсть на землю прямо; сначала какъ будто наадаетъ на землю, а уже потомъ садится прямо.

Царь птицъ Гароди женился на птицѣ шара-шубу, «филинъ». Когда жена Гароди забеременѣла, то, передъ тѣмъ какъ разрѣшился отъ бремени, заявила мужу, что она желаетъ родить на спинѣ его подданныхъ. Гароди, жалая удовлетворить прихоти жены, разослалъ приказъ всѣмъ подданнымъ немедленно явиться къ нему и приказать прибывшимъ прокалывать дырочки въ клевахъ и, продержавъ въ тѣ дырочки шнурокъ, всѣхъ связать постепенно. Явились на призывъ почти всѣ и всѣмъ прокололи клювы и, продержавъ въ проколотыя дырочки шнурокъ, всѣхъ привязали другъ къ другу. Отстали только одинъ гойбанга**). Когда-же онъ наконецъ явился, то царь Гароди сталъ его допрашивать, почему онъ опоздалъ. Гойбанга отвѣтилъ Гароди, что онъ сравнивалъ количества существующихъ на свѣтѣ мужчинъ и женщинъ, дней и ночей и высокихъ и низкихъ лѣсинъ. Выслушавъ это, царь спра-

*) Погонышъ.

**) Гойбанга—полупочникъ, *Caprimulgus*.

шиваетъ: мужчинъ больше числомъ или женщинъ? дней больше или ночей? высокихъ лѣсинъ больше или низкихъ? Гойбанга отвѣчаетъ: «Если отнести мужчинъ, находящихся подъ властью жены, къ женщинамъ, женщинъ оказывается больше; если отнести пасмурные дни къ ночамъ, ночей оказывается больше; если отнести нагнувшіяся лѣсина къ визкимъ, низкихъ лѣсинъ оказывается больше!» Изъ этихъ объясненій Гароди заключилъ, что онъ причисляется по словамъ гойбанга къ числу женщинъ, какъ действующій по требованію жены; это очень его огорчило и онъ, не давая просверлить гойбангъ клювъ, приказалъ распустить всѣхъ связанныхъ птицъ, а самъ улетѣть въ другое мѣсто, оставивъ жену. Поэтому говорять у всѣхъ птицъ, кроме гойбанги, клювы просверлены поперегъ.

Записано И. В. Вамбоцереновымъ
у хоринскихъ бурятъ.

XIV.

Конь и изюбрь.

(Морён бую).

Изюбрь и конь побились обѣ закладъ. Конь говорить: «Я тебя догоню!» а изюбрь говорить: «Я тебя догоню!» Тогда конь говорить: «Если меня будетъ погонять человѣкъ, я тебя догоню!» Посадивши на себя человѣка, догоняетъ. Такъ-то и попалъ конь въ руки человѣка. Изюбрь-же, будучи догнанъ, выплакалъ два глаза изъ четырехъ. На мѣстѣ, где были выплаканные два глаза у изюбря, и сейчасъ есть знаки (какъ-бы разрѣзы отъ бывшихъ глазъ немного пониже отъ уцѣльвшихъ).

Записано отъ аларскихъ бурятъ миссионеромъ о. Н. Затопляевымъ.

XV.

Р я б ч и к ъ.

(Гхуду).

Была большая птица, которая называлась рабчикъ (гхуду). Однажды вхалъ по лѣсу на конѣ Бурханъ; впереди его вблизи лежалъ рабчикъ. Едругъ рабчикъ вырывается, летить. Отъ этого вылета конь Бурхана испугался (шарахнулся въ сторону) и Бурханъ чуть не слетѣлъ съ коня. Онъ осердился на это, раздѣлилъ мясо рабчика и вложилъ въ грудь каждой птицы. По этому у всѣхъ птицъ вселенной (далхай) есть въ груди бѣльшее мясо рабчика (гхудуни михан сабсагахан). Самаго же рабчика сдѣлалъ маленькихъ (какимъ онъ и есть сейчасъ).

Записано у аларскихъ бурятъ о. Н. И. Затопляевымъ.

XVI.

Л е т я г а.

Когда-то (въ давно минувшее время) летяга сидѣла въ одномъ лѣсу. Въ то время какъ она (однажды) сидѣла на верху одного большого дерева, издалека увидѣла, что въ одной сторонѣ пошелъ дождь, блестаетъ молнія и гремитъ громъ, и сказала: «Ахъ, ты небо! ты (было) съ солнцемъ, съ луной! ты (было) съ дождемъ, съ туманомъ! Ты (было) съ молніей, громомъ (букв. голосомъ)! Я тебя даже и немножко не боюсь. Я тебя проглочу». Пока она сидѣла, не однократно повторяя такимъ образомъ, съ переливами въ горлѣ*), туть ливень, мало по малу приближалась, подошелъ (къ ней) при сильномъ блескѣ молніи и страшныхъ раскатахъ грома; она испугалась и, спустившись внизъ, проскользнула въ дупло дерева. Всѣдѣ за тѣмъ спустилась громовая стрѣла и убила ее.

*.) Въ текстѣ виѣсто фразы: «съ переливами въ горлѣ, стонѣ—хулкур хулкур гажи т. е. «произнося: хулкуръ, хулкуръ!»

Согласно (подобно) этой притчѣ, гордый и хвастливый человѣкъ, возгордившись, прежде чѣмъ встрѣтится съ какимъ-либо дѣломъ, предается небрежнымъ словамъ и дѣйствіямъ и погибнетъ, будучи опутанъ своею виною (подъ бременемъ собственной вины, безтолковости).

Бурятскій текстъ записанъ хоринскимъ бурятомъ Ринч. Н. Номтоевымъ.
Переводъ сделанъ А. О. Ивановскимъ.

XVII.

В е р б л ю дъ.

Однажды Бурханъ собралъ животныхъ — ихъ было тринацать: 1) верблюдъ, тэмэнъ, 2) мышь, хулагана, 3) быкъ, ухыръ, 4) тигръ, барь, 5) заяцъ, тулагай, 6) драконъ, лу, 7) змѣя, могой, 8) конь, моренъ, 9) овца, хонинъ, 10) обезьяна, мишинъ, 11) курица, тахя, 12) собака, юхой и 13) свинья, гахай, — чтобы раздѣлить года и дать каждому году название животнаго. Верблюдъ заспорилъ, что онъ первый войдетъ въ назнакія годовъ, такъ какъ онъ всеѣхъ больше и совершенно отказываетъ въ этой части мыши, какъ самой маленькой, и говорять: «Я тебя растопчу! гдѣ тебѣ маленькой соваться съ нами!» Тогда мышь придумала: «Пусть лучше первый будетъ тотъ изъ насъ, кто первый увидитъ свѣтъ восходящаго солнца!» Рѣшили такъ. Верблюдъ сталъ смотрѣть въ ту сторону, откуда должно было взойти солнце; мышь же, взобравшись на голову верблюда, смотрѣла въ противоположную сторону и какъ только показался въ той сторонѣ (на югозападѣ) отсвѣтъ солнца, она сказала верблюду: «Вотъ гдѣ свѣтъ восходящаго солнца и я первая его увидала». И такъ рѣшили, чтобы первый годъ въ числѣ двѣнадцати былъ годъ мыши, жилъ хулагана. Верблюда-же за его споръ вовсе не включили въ назнакія годовъ. Вотъ отсюда-то и вышла бурятская пословица: «Верблюдъ возгордился и въ года не попаль», тэмэн эхэрхыжэ жил'гэй хожидо.

Записано у аларскихъ бурятъ мисс. о. Н. И. Затопляевымъ.

XVII.

З а я ц ъ.

a).

Заяцъ прежде былъ совсѣмъ черный, но съ каждымъ годомъ у него бѣлѣло по одному волосу, такъ что теперь черные волосы у него остались только на концѣ ушей. Когда заяцъ совсѣмъ будетъ бѣлый, тогда наступитъ «галабъ», окончаніе міра; все сгоритъ. Тогда по землѣ будутъ бѣгать огненные козули (гаэта гурохоп), у которыхъ изъ подъ копытъ будеть сыпаться огонь.

Записано у балаганскихъ буряты
М. Н. Хантамовыи.

б).

Объ ушахъ ушканы говорить, что когда у него сойдетъ съ конца ушей черное, будетъ преставленіе свѣта. А свѣтопреставленіе по вѣрованіямъ буряты будетъ происходить такъ: съ востока на западъ протечетъ огненная рѣка; отъ нея будутъ распространяться искры, которые и пожгутъ всю землю, и все, что на ней есть. За тѣмъ опять будетъ новая земля и новые обитатели и новое управление. Новые обитатели будутъ жить до трехъсотъ лѣтъ.

Записано у аларокихъ буряты о. Н.
И. Затопляевыи.

XIX.

Б у р у н д у къ.

Бурундукъ (жирки) отъ того полосатый, что Бурханъ погладилъ его рукою.

Записано у балаганскихъ буряты
М. Н. Хантамовыи.

XX.

Сурокъ.

(тунгусский вариантъ).

Тарбаганъ (сурокъ) былъ человѣкомъ, назывался Эрхи-мэр-гэнъ и славился искусствомъ стрѣлять изъ лука. Ни звѣремъ, ни птицамъ онъ не давалъ иного, ни проходу, ни пролету. Богъ, видя жестокость стрѣлка, пришелъ къ нему и говорить: «Ты вотъ теперь, тарбаганъ, хорошо стрѣляешь и перебилъ почти всѣхъ звѣрей и птицъ! но вотъ убей птичку въ лѣтѣ, которую я пушу!» Тарбаганъ сказалъ, что убьетъ. «Если-же не убѣши, сказалъ Богъ, тогда ты станешь звѣремъ и уйдешь на шесть мѣсяцевъ въ землю, не будешь эти шесть мѣсяцевъ есть траву, пить воду и видѣть свѣтъ». Тарбаганъ Эрхи-мэргэнъ согласился и на эти условія. Тогда Богъ выпустилъ ранѣе приготовленную ласточку; Эрхи-мэргэнъ выстрѣлилъ; стрѣла попала въ хвостъ ласточки и вышибла изъ него перья, благодаря чему хвостъ у ласточки въ настоящее время вилкой. Тарбагана Эрхи-мэргэна Богъ проклялъ и обратилъ въ звѣря. Съ этого времени онъ въ теченіи шести мѣсяцевъ въ году не есть и не пьетъ, а лежитъ въ землѣ^{*)}.

Запис. отъ тунгусовъ въ Нерчинск.
окр. К. Д. Логиновскимъ.

XXI.

Мамонтъ.

О мамонтѣ буряты говорятъ, что кости его есть не что иное, какъ разбившійся лу (чудовище). Лу, постарѣвъ, сваливается на землю. Этихъ лу много и погибшіе тотчасъ же замѣняются новыми. По бурятски мамонтъ называется «арсланъ». Рассказываютъ еще, будто онъ хвалился, что при потопѣ онъ не погибнетъ, а потому и не пошелъ въ ковчегъ. Погибъ онъ около Ледовитаго океана.

Записано у аларскихъ бурятъ о.
Н. И. Затоцкимъ.

^{*)} Эта легенда распространена и у русскихъ. К. Логиновский.

XXII.

Птица тутэ.

Птица тутэ (тутэ шубун) прежде была девица сирота; жена брата обращалась к ней нею жестоко. Однажды певчиха сильно ее избила; она ушла и легла спать в слезахъ, положивъ голову въ муравейникъ. Въ это время Бурханъ осматривалъ землю и, увидѣвъ ее, пожалѣлъ и обратилъ ее въ птицу. Эта птица кричитъ теперь:

Аха хун алдар
Бергэя хун бэлдэр
Тогони хюхама
Торхон ўнгэр

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Хангаловымъ.

XXIII.

Дятель.

Дятель прежде былъ богатый и скучной человѣкъ, который однажды дѣлалъ топорище къ топору; въ это время къ нему зашелъ вицѣй и просить подаяніе; богатый скупецъ сперва подалъ нищему щенки, а потомъ топорище, но ницій не взялъ этой милостыни. Этотъ ницій былъ самъ Бурханъ; онъ сказалъ богачу: «Тебѣ Бурханъ дадь богатство, а ты не хочешь подѣлиться съ бѣдными. Съ этого времени будешь питаться, долба дерево!» Съ этими словами обратилъ богача въ дятла. Вотъ отчего дятель питается теперь долблениемъ дерева.

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Хангаловымъ.

XXIV.

Орель.

Орель прежде былъ человѣкомъ. Одинъ молодой и хороший шаманъ, обратившись въ птицу орла, улетѣлъ «въ западный хатъ»; побывавши тамъ, обратно прилетѣлъ домой и опять по прежнему

сдѣлался человѣкомъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того опять снова обратился въ орла и улетѣлъ «въ восточный хатъ»; побывъ тамъ нѣсколько времени, то-же полетѣлъ обратно, но во время пути сильно проголодался, сѣлъ на дадаль и началъ клевать мясо. Наѣвшись до сыта, прилетѣлъ домой, но сдѣлался не чистымъ, потому что ъѣль падаль; по этому онъ уже не могъ снова обратиться въ человѣка, а остался орломъ наѣки.

Птица орелъ имѣеть своего эжина^{*}); буряты сильно уважаютъ орла и не стрѣляютъ его. Если кто-нибудь изъ двухъ орловъ убить одного, то другой оставшійся орелъ въ ту-же ночь слетаетъ на островъ Ольхонъ; тамъ онъ найдетъ себѣ другаго орла и съ нимъ прилетѣть обратно; на другой день опять будутъ уже летать два орла. Человѣкъ-же, который застрѣлить орла, умретъ.

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Ханталовымъ.

XXV.

Повѣрье о лебедяхъ, воронахъ и коршунахъ.

Птица лебедь имѣеть своего эжина, а потому буряты сильно боятся лебедей и не стрѣляютъ ихъ; если кто-нибудь застрѣлить лебедя, имѣющаго своего эжина, то этотъ человѣкъ умретъ, а лебедь долго не забываетъ о потерѣ своего друга, весною и осеню при прилетѣ и отлетѣ постоянно кружится надъ мѣстомъ, где лишился друга, и жалобно кричить.

Воронъ тоже имѣеть своего эжина; буряты обыкновенно боятся убить ворона.

Коршуны въ лѣтніе три мѣсяца тоже имѣютъ своихъ эжиновъ; въ это время нельзя убивать ихъ; въ остальное время можно.

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Ханталовымъ.

---

^{*}) Эжинъ—духъ обладатель.

XXVI.

Щ у в а.

Рыба щука прежде была лошадью. Одна лошадь, запряженная въ сою, со всему упряжью убѣжала и утонула въ водѣ и сдѣлалась рыбой щукой. По этому-то въ головѣ щуки всѣ кости означаютъ земледѣльческія орудія и сбрую.

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Ханталовыемъ.

XXVII.

Н а л и мъ.

Рыба налимъ прежде была человѣкомъ. Одинъ человѣкъ положилъ въ пауху баранью печень*) и пошелъ. На пути какъ-то утонулъ въ рѣкѣ и сдѣлался рыбой. Вотъ почему у налима большая и вкусная печень.

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Ханталовыемъ.

XXVIII.

Трава хунъ-хорхонъ.

Есть такъ называемый корень травы хунъ-хорхон (человѣческій корень), который цѣлебенъ отъ всѣхъ болѣзней. Этотъ корень совершенно похожъ на человѣка и раздѣляется на мужской и женскій полы. Прежде этотъ корень выкапывали слѣдующимъ образомъ; кто знаетъ этотъ корень, тотъ, найдя его, выстраивалъ надъ нимъ небольшой шалашъ, чтобы корень этотъ не видѣлъ солнца; иначе, если корень увидѣть солнце, наступитъ страшная засуха. Когда корень выкопаютъ, то изъ него вырѣзываютъ маленькій кусочекъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ у больнаго болитъ; напримѣръ если у больнаго болитъ правая рука около плеча, то и на корнѣ

*) Бараній курдюкъ т. е. хвостъ.

вырѣзываютъ кусокъ непремѣнно около праваго плеча; съ другаго мѣста вырѣзывать нельзя. Когда этотъ корень выкапываютъ, то онъ плачетъ по человѣчески. Обыкновенно буряты считаютъ большими грѣхомъ выкапывать этотъ корень.

Записано у балаганскихъ бурята
М. Н. Ханголовымъ.

XXIX.

О т а б а кѣ.

Откуда взялась у человѣка страсть къ табаку?

Однажды два бурхана, мужчина и женщина, слюбились и такъ жили, что никто не зналъ объ этомъ. При такомъ житьѣ женщина бурханъ забеременѣла и родила ребенка. Устыдившись этого, она ушла въ лѣсъ и повѣсилась на деревѣ березѣ. Береза нагнулась. Тогда бурханъ-женщина ушла и повѣсилаась на соснѣ. Сосна покачнулась и нагнулась внизъ. За тѣмъ она повѣсилаась на осинѣ. Осина стоять прямехонько. Тутъ и кончилаась (умерла) бурханъ женщина. Мужчина-бурханъ не могъ разыскать ее. Прошло такимъ образомъ два или три года; онъ наталкивается на кости. Увидѣлъ эти кости и въ правой тазовой кости нашелъ выросшую траву. Плакаль онъ тутъ, плакаль, взялъ эту траву, принесъ, разсадилъ ее и расплодилъ и затѣмъ началъ тянуть носомъ и ртомъ (т. е. курить и нюхать), разгоняя скучу. Эта трава теперь табакомъ (тамхи) называется. Отсюда и вышла страсть курить табакъ.

Записано у аларскихъ бурята о.
Н. И. Затопляевымъ.

XXX.

Повѣрья о деревьяхъ.

Нѣкоторые деревья имѣютъ своихъ эжиновъ. Эти эжинны находятся въ нихъ. Буряты сильно избѣгаютъ тѣхъ деревьевъ, въ которыхъ предполагаютъ существованіе эжиновъ; такія деревья они на-

зывают «эжитэ модон». Ихъ узнаютъ по сердцевинѣ, которая у вихъ бываеть красная, и по сукамъ. Если кто нибудь по незнанію вырубить эжитэ-модонъ и употребить его въ постройку, то эжинъ дерева будетъ сильно вредить домохозяину. Этотъ домъ постоянно трещитъ и по ночамъ кто-то ходитъ по нему и т. п. бываетъ.

Иэрѣдка бываетъ дерево, имѣющее огонь; такое дерево называется «галта модон». Если галта-модонъ попадеть въ постройку, то этотъ домъ будетъ теплый; но въ то-же время это и опасно, можетъ случиться пожаръ. Иногда, когда галта-модонъ тешутъ топоромъ, изъ него брыжжутъ огненные искры.

Лѣса имѣютъ своего эжина, который въ нихъ и находится. Одинъ человѣкъ изъ охотниковъ во время охоты заблудился въ лѣсу, долго блуждалъ въ немъ и наконецъ умеръ отъ голода. Этотъ то охотникъ и сдѣлался эжиномъ лѣсовъ. Эжинъ лѣсовъ заставляетъ людей блуждать по лѣсу, заводя ихъ да же. Заблудившіеся въ лѣсахъ люди иногда видятъ высокаго чернаго человѣка, который, сидя, плачетъ и говорить:

мананда тѣрхон мананхуб
бѣрёндѣ тѣрхон бѣрбихуб
блѣтхи дархи шиги ў зэлэб

Этотъ плачь и говоръ лѣснаго эжина слышать заблудившіеся люди.

Запис. у балаганскихъ бурятъ М.
Н. Ханголовымъ.

XXXI.

Собачій пай въ хлѣбѣ.

Прежде солома хлѣба была покрыта колосомъ отъ вершины до корня. Одна женщина коркою хлѣба выгребла изверженія ребенка и бросила её на улицу. Это увидѣлъ Богъ и разсердился на людей, началъ съ соломы снимать колосья. Лежавшая собака, уви-

дя это, попросила Бога оставить ея долю. Тогда Богъ оставилъ часть колоса на концѣ соломы. Буряты говорять, что нынѣшній хлѣбъ это собачій пай, оставленный Богомъ. По этому считается грѣхомъ жалѣть хлѣба для собаки.

Запис. у балаганскихъ бурятъ М.
Н. Ханголовымъ.

XXXII.

Х у р ь.

У балаганскихъ бурятъ есть музыкальный инструментъ, называемый «хуръ», который будто бы имѣеть своего отдельного эжина: «хури эжин». Кто пожелаетъ научиться хорошо играть на хурѣ, тотъ долженъ въ безлунную ночь сѣсть на растани трехъ дорогъ, на голой лошадиной головѣ, которая должна быть обуздана шелковой уздой, спитой шелковыми нитками и съ шелковыми подводьями. Около полуночи лошадиная голова сбрасываетъ своего Ѣдока, играющаго на хурѣ; если этаотъ человѣкъ упадетъ, то онъ скоро умретъ; а если не упадетъ и будетъ продолжать играть на хурѣ, то научится хорошо играть на этомъ инструментѣ.

Хурда хурдахар

Хэтэ хуралаб

Харан егон шинэдэ

Баруни хата

Орохи хурдалаб

Баруни жахи

Урулажи хурдалаб

Хүн утарха

Болсоро хурдалаб

Тихэдэ буту

Бадарга дулаалаб

Тихэдэн зоксолоб

Харан гурбан хушинда

Гурбан харгүн
Бильшир дэрэ
Морони хубха толго
Унаажи хурдалаб

Үри сахни хэрэндэ
Хубха толго
Бульяжи бала
Тэн дэрэн
Барижи торолб
Зуни хата
Мактулажи абдалаб
Тихэхэн хоши
Эжилэв угэй

Үнэп хурта хуралаб
Нархан модонъ хурага
Нада зугада хурдалаб

Үшэлгэжи ябалаб
Хуши модон хурага
Хуриле зондо хурдалаб

Үшилгэжи ябалаб
Хөлён харан хилгаха
Хаха татан хурдалаб
Хорщаон абиған хүргари
Гэнэн багада марталаб
Хулэн күхэн химаха
Хородон хужи хурдалаб
Харьта ахан хургари
Гэнэн багада марталаб
Бэлэн залон урулхада
Бэргэнут мини урмагила

Аяар аяар хурдахада
Абаганут мини урмагила.

Записано отъ балаганскихъ бурятъ
М. И. Ханталовымъ.

XXXIII.

О ворожбѣ на лопатѣ.

Въ одно время жила лама-хубилганъ (перерожденець), имѣвшій много книгъ, раскрывъ которыя, онъ узнавалъ все. Быть онъ однажды куда-то и остановился ночевать въ степи. Положить всѣ свои книги на землю. Вместѣ съ ними тутъ же ночевали овчай пастухъ. Овцы этого пастуха съѣли всѣ эти книги. Тогда лама сказалъ овцамъ: «Когда вы съѣли мои книги, пусть мое книжное вѣдѣніе войдетъ въ ваши тощенькия кости. Я же обойдусь и безъ книгъ!» Вотъ поэтому-то и ворожатъ теперь овчай лопаткой.

Записано о. Н. И. Затопляевымъ со словъ помощника старшны аларскихъ бурятъ Викт. Вас. Шарылова.

XXXIV.

Пальцы воры.

Бат балай хэлэ: хулуй!
Бодон толэй: ягашэ яхамда.
Тойтоля: хун хара хархо угэй?
Тотонэй батор: эмэ зонх болхо угэй?
Бинахан шлютэ: би айным!

Большой палецъ сказаъ: Украдемъ!

Указательный: Что жь, изволь!

Средний: А насть не увидать (простой человѣкъ насть не увидать)?

Безъимянный: Виноваты не будемъ.

Мизинецъ: Я боюсь!

Записано у аларскихъ бурятъ о. Н. И. Затопляевымъ.

XXXV.

Племена бурятъ.

Въ Иркутской губерніи живутъ слѣдующія племена (кости) бурятъ:

1) Сэгэнутъ или Олодъ.

2) Хордуть; по преданію вышли изъ Монголіи. Хордуты часто упоминаются въ шаманскихъ молитвахъ.

3) Хулдарь; вышли изъ Монголіи.

4) Золотъ; вышли изъ Монголіи.

5) Булути; произошли отъ женщины изъ племени Баргать. Но преданію одна женщина изъ племени Баргать заблудилась въ лѣсу; ей нашелъ во время охоты Онго, старшій сынъ Оббона, и женился на ней; такъ какъ она была уже беременная, то скоро родила сына, которому дали имя Булути; отъ этого мальчика произошло племя Булути, хотя по настоящему мальчикъ Булути былъ изъ племени Баргать.

6) Хангинъ, потомки Хоредоя.

7) Шаратъ, то же потомки Хоредоя.

8) Хармяганъ, вышли изъ Монголіи.

9) Улабать; вышли изъ Монголіи.

10) Хэрмэшинъ; вышли изъ Монголіи.

11) Хэрбитъ; вышли изъ Монголіи, но часто упоминаются въ шаманскихъ молитвахъ.

12) Шошолокъ; вышли изъ Монголіи и упоминаются въ шаманскихъ молитвахъ.

13) Манхамотъ; вышли изъ Монголіи.

14) Хасамакъ; вышли изъ Монголіи.

15) Бузагатъ; вышли изъ Монголіи.

16) Хартуль; вышли изъ Монголіи.

17) Хара-монголь; вышли изъ Монголіи.

- 18) Арганутъ; вышли изъ Монголії.
19) Уранхай; произошли отъ смѣшения бурятъ съ другими клеменами.

М. Н. Хамгаловъ.

XXXVI.

Кости въ бывшемъ Аларскомъ вѣдомствѣ.

Всѣхъ костей*) въ вѣдомствѣ насчитываютъ шестнадцать: 1) Хонходортъ, 2) Бодорхонъ, 3) Дуртунъ (выдѣлившаяся изъ Бодорхона, 4) Табяжинъ (выдѣлившаяся изъ Хонходора), 5) Боздой (выдѣлившаяся изъ кости Ашита), 6) Ашита (изъ Хонходора), 7) Хотогой, 8) Хахта, 9) Сартуль (люди этой кости не єдятъ крови), 10) Шешолокъ, 11) Турагэль, 12) Хогой, 13) Ашахай, 14) Хурхутъ, 15) Ноѣтъ (ихъ двѣ, одна Му-ноѣтъ, «худые ноѣны», другая Гхайнь-ноѣтъ, «хорошіе ноѣны»**) и 16) Шарапутъ. У Шарапуты было три сына: 1) Баргай, 2) Бырбэхэнъ и 3) Хухтэ. Настоящіе Шарапуты происходятъ отъ всѣхъ трехъ братьевъ, но всѣ они стараются произвести свою родословную отъ старшаго Баргая. Происходить изъ-за этого жестокіе споры и не рѣдко драки.

Сообщ. о. И. Затопляевымъ.

XXXVII.

Кость Шарапутъ.

Шарапутовъ ***) считаются произшедшими отъ незаконнаго брака. Буряты другихъ костей дразнятъ ихъ, говоря: «Шарапуты произошли изъ мочи соловаго жеребца». Одна девушка родила сына. Стыдясь отца и матери, она привязала его къ хвосту соловаго жеребца и отпустила. Узель развязался и мальчикъ упалъ. Этотъ мальчикъ,

*) Кость, яланъ, употребляется въ смыслѣ родъ, поколѣніе.

**) Къ этой кости относятся Холтубаевцы, перечисленные изъ идінскаго вѣдомства въ Аларское и поселившіеся въ улусахъ Кудинскомъ и Кулуруйскомъ около Антары смѣжно съ балаганскими; есть правда немногого и въ Аларѣ въ 1-мъ Хонходорскомъ родѣ.

***) Имя Шарапутъ сокращено изъ Шарганутъ, «соловенькіе» отъ слова шарга, «соловой».

Прим. о. Затопляева.

ставши потомъ большимъ, женился и отъ него родились три сына: старшій Баргай, средній Бэрбэхэнъ и младшій Хултэ. Происшедшій отъ нихъ народъ называется Шаранутской костью. Въ наимѣшку вмъ говорятъ, что у нихъ иѣтъ тэнгрія, а бурханъ ихній соловой жеребецъ. Въ Алари есть потомки всѣхъ этихъ трехъ братьевъ Шаранутовы: въ Зенскомъ улусѣ Баргая, въ Шабшалантуйскомъ Хултѣ и въ Куркатаевомъ Бэрбэхѣна.

Записано о. Н. И. Затопляевымъ со словъ старосты і хонходорскаго рода М. Н. Бадмаева.

XXXVIII.

Кость Хабарнутъ.

Въ старыя времена въ Алари устраивалась зэктэ-аба (весенародная облава). Сюда съѣзжались всѣ буряты, живущіе по эту сторону Байкала. Однажды, когда всѣ собирались, нирвали. Окончивъ пиръ, стали собираться на охоту; тогда одинъ изъ присутствующихъ началъ ногтями царапать котель, отскребая приставшее масло. Участвовавшіе, увидѣвъ это, назвали его Хабарнутъ. Произшедшіе отъ него составляютъ кость Хабарнутъ (царапатель *).

Записано о. Н. И. Затопляевымъ со словъ хонходора В. В. Шарыкова.

XXXIX.

Кость Бурутханъ.

Было два брата; младшій просить старшаго, чтобы онъ выдалъ за него свою дочь. Тотъ говорить ему: «Ты говоришь скверное, противное, негодное (бурузанта). Но этому пусть и будетъ твое названіе Бурутханъ».

Записано свящ. Н. Затопляевымъ со словъ помоющ. старосты і хонходорскаго рода В. А. Бамнилова.

*) Хабардахъ по бурятски «царапать».

XL.

Кость Ииннатъ.

«У горного козла сила въ копытахъ, а у Иинната сила въ языке». Въ стародавнее время при выходѣ монголовъ въ предѣлы Бѣлого русскаго царя, когда подданные Сайкѣ-хана бунтовались и подданные Бушихтѣ-хана (Галдана) волновались, услыхавъ, что подъ подданствомъ Бѣлого русскаго царя народъ благодеинствуетъ, монголы рѣшили поднести подъ его владычество и, чтобы не встрѣтить при передвиженіи препятствій, перебили всѣхъ дряхлыхъ стариковъ. Одинъ изъ нихъ кости Ииннатъ, будучи единственнымъ сыномъ, пожалѣлъ убить своего отца, спряталъ его въ переметную суму и везъ, скрывая дорогою отъ прочихъ. И такъ, идя съ юга на сѣверъ, они достигли моря и остановились на почлегъ. Въ эту ночь предводительствующій имъ начальникъ увидѣлъ сияющую, лежащую на днѣ моря чашу и приказалъ своему народу достать ему эту чашу во чтобы-то ни стало. Нырнуть первымъ за этой чашей ни кого не оказалось. Тогда начальникъ приказалъ раздать имъ жребій и по жребію нырять. Всѣ нырнувшіе тонули. Достается жребій и парню, всѣнemu скрытно отца. Отецъ спрашиваетъ потихоньку отца: что ему дѣлать? Отецъ говоритъ ему, что эта чаша вовсе не въ морѣ, а на горѣ, которая стоитъ около моря. Онъ поднимается на гору и приноситъ чашу. Двигаются оттуда сюда. Застигаетъ ихъ сильная и продолжительная засуха, всѣхъ томитъ сильная жажды, а ни рѣки, ни ручья имъ не попадается; народъ страдаетъ отъ жажды. Парень этотъ опять спрашиваетъ отца: «Что намъ дѣлать? народъ гибнетъ безъ воды». Отецъ и говоритъ ему: «Отпусти трехгодовалую корову и слѣди за ней; где она остановится и будетълюхать землю,копайте тамъ!» Такъ сѣдалаши, добыли воды, наполнилъ весь народъ и скотъ. Идутъ дальше. Понель сильный дождь, сѣдалась слякоть, всѣ замоки и не могутъ развести огни, позибались. Находясь въ такомъ положеніи, усмотрѣли на вершинѣ одной горы, одинъ человѣкъ развелъ огонь, лежитъ и грѣеть си-

ну. Начальникъ даёт распоряжение выпросить у этого человѣка отня. Но никто не можетъ донести; огонь дорогой гаснетъ. Всѣхъ посланныхъ, не донесшихъ огня, начальникъ казнитъ. Шадаетъ жрецъ идти за огнемъ на старикова парня. Тотъ спрашиваетъ отца: какъ тутъ быть? Тотъ говоритъ ему: «Когда будешь просить огня, поклонись въ землю и говори: народъ гибнетъ, будьте нашимъ божомъ—спасителемъ, дайте намъ огня!» Взятый съ такою мольбою огонь онъ донесъ до стана и всѣ отогрѣлись. Начальникъ сердится на парня: «Что же ты?» говоритъ. «Зналъ средство, какъ развести огонь и молчать до сихъ поръ; сколько народу погибло изъ этого! я снесу тебѣ голову!» И когда онъ сталъ сильно притѣснять парня, тотъ сознался, что все онъ дѣлалъ по наученію отца, котораго онъ пожалѣлъ убить и котораго везетъ съ собой, и что избавлялись они отъ всѣхъ невзгодъ наученіемъ его отца. Тогда начальникъ призываетъ отца и спрашиваетъ: «Кто у тебя предки, какого ты племени?» Стариикъ говоритъ, что онъ изъ кости Икинатъ. Вѣть откуда произошла поговорка: *Иман туроган турун-да абтай, Ихинат хун хэлэндэ абтай*, «у горного косла сила въ копытахъ, у Икината (человѣка) сила въ языкахъ»⁹⁾.

Записано о. миссион. Н. И. Затоплиевымъ со словъ Ныгдинскаго толо-
зы М. О. Этоторова.

XLI.

Кости Ользонъ и Баянда.

Жили три брата Сыхиръ, Сахиръ и Токто. Третій братъ Токто уѣхалъ свататься на дочери Готола, дочь котораго звали Голохонъ. Дома остались два брата Сыхиръ и Сахиръ, которые славились, какъ мѣткие и хорошие стрѣлки изъ лука. Съ южной стороны Байкала приѣхало четыреста зэгэтэ-облавщиковъ, охотившихся на звѣрей. Передъ отѣздомъ облавщики были у шаманки; она пѣть

⁹⁾ Бурягъ кости Икинатъ въ Аларѣ нѣть, а есть въ Балаганскомъ вѣдомствѣ. Говорятъ, они и до сихъ поръ боязни на языкахъ.

поворожила и сказала: «Можно похитить женъ Сыхира и Сахира, но только по такой примѣтѣ; когда вы пріѣдете туда, ожеребится одна кобыла; если ел жеребенокъ удавится на деревѣ, тогда вы можете подъѣхать и убить двухъ братьевъ; если этотъ жеребенокъ не удавится, то не подъѣзжайте близко; они вѣсъ всѣхъ убьютъ». Когда зэгэтэ-облавщики пріѣхали, то увидѣли, что кобыла ожеребилась и жеребенокъ удавился на деревѣ. Тогда они подъѣхали къ дому двухъ братьевъ; вошедши въ домъ, отрѣзали тетивы луковъ и сломали стрѣлы. Въ это время два брата были пьяны и спали. Проснувшись, они схватили лукъ и стрѣлы, но они были испорчены и не могли стрѣлять. Четыреста зэгэтэ-облавщиковъ убили двухъ братьевъ, взяли ихъ женъ и поѣхали обратно, во дорогой двѣ женщины убѣжали отъ облавщиковъ и пріѣхали домой. Въ это время пріѣхалъ третій братъ Токто; онъ поѣхалъ вслѣдъ за зэгэтэ-облавщиками и по дорогѣ стрѣлялъ въ большія деревья, а потомъ возвратился домой. Зэгэтэ-облавщики поѣхали за убѣжавшими отъ нихъ женщинами, но увидали стрѣльные деревья и вернулись домой. Отъ этихъ двухъ женщинъ родилось по сыну, которые были названы: Ошохон хоно ерхэн ользон барягдахан хоно ерхэн баянда. Отъ этихъ двухъ мальчиковъ Ользона и Баянда произошли Ользоновскіе и Баяндайскіе буряты Верхоленскаго вѣдомства.

Записано М. Н. Ханголовымъ отъ кудинскаго бурята Бугдана Буйнова.

ХЛП.

Кость Готоль.

Въ мѣстности Баргузинъ у подошвы горы Барханъ жилъ Барго-баторъ. У него было два сына, старшій Бурять и младшій Хоридой. У Бурята также было два сына, а у Хоридоя тринацать сыновей. У старшаго Буратова сына Ихирита было восемь сыновей. Потомковъ ихъ и сейчасъ много въ Селенгинскомъ вѣдомствѣ. У младшаго Буратова сына Булгата было шесть сыновей: Бумаль-Готоль, Шоно, Хурамша, Олzonъ, Харанутъ и Алгуй. Происшедший

отъ нихъ народъ живеть по обѣ стороны Байкала. Въ древнія времена отцы и дѣти ихъ были подданными Цэцэнъ-хана. Когда четыре халхаскихъ царя поддали подъ подданство китайскаго хана, эти потомки Булгата, не принявши ни чье подданство, четыре или пять лѣтъ жили безъ царя. Потомъ сдѣлялись подданными русскаго царя и были обложены податью въ три копейки съ души. Съ того времени до настоящаго прошло слишкомъ двѣстѣ лѣтъ. Не будучи въ состояніи или не желая платить эту трехкопеечную подать, они раздѣлились. Русскіе ловили ихъ и нѣкоторыхъ царней и дѣвокъ убивали и бросали въ воду. Людей кости Гоголь въ Селенгинскомъ вѣдомствѣ двѣ тысячи слишкомъ душъ, въ Идинскомъ четыре рода, въ Балаганскомъ одинъ улусъ и въ Алари тридцать домовъ.

Сообщилъ аларскаго дацана гэлюнгъ-лама Лонхово Бадмаевъ; записалъ побурятски И. П. Баторовъ, перевелъ мисс. о. Н. Затоняевъ.

XLII.

Булагатъ и Экирить и ихъ потомки.

За моремъ (подразумѣвается Байкалъ) т. с. на его южной сторонѣ жилъ царь Тайжи-ханъ, у которого былъ пестрый порозъ (тарал эрэн буха). Этотъ пестрый порозъ славился необыкновенной силой и ростомъ; однажды утромъ пестрый порозъ мычить: «Кто со мною можетъ бодаться на этомъ свѣтѣ, тотъ пусть придетъ и попробуетъ мою силу!»

Тогда Буха-ноёнъ-бабай обратился въ двухголовалаго пороза и съ сѣверной стороны Байкала мычить въ отвѣтъ пестрому порозу: «Нынѣ мнѣ исполнится второй годъ отъ роду, на будущій годъ будетъ третій; тогда я пойду бодаться съ тобою и попробую твою силу».

На слѣдующій годъ Буха-ноёнъ-бабай обратился въ трехголовалаго пороза, переплылъ на южную сторону Байкала и отправился въ царство Тайжи-хана бодаться съ пестрымъ порозомъ. Буха-ноёнъ-бабай днемъ бодался съ пестрымъ порозомъ въ видѣ пороза темно-

ватосѣраго цвѣта, а ночью обращался въ необыкновенно красиваго молодаго человѣка и ухаживалъ за дочерью царя Тайжи-хана.

Однажды царь Тайжи-ханъ увидѣлъ, что съ его пестрымъ порозомъ бодается неизвѣстный порозъ. Они испортили весь утугъ*). Царь Тайжи-ханъ взялъ палку и прогналъ обоихъ въ степь, гдѣ они продолжали бодаться между собою. Черезъ нѣсколько времени дочь царя Тайжи-хана сдѣлалась беременною отъ Буха-ноенъ-бабая; она сказала ему, что она должна скоро родить. Тогда Буха-ноенъ-бабай таинственнымъ образомъ вынулъ изъ утробы дѣвицы ребенка и рогами бросилъ его на сѣверную сторону Байкала. Когда Буха-ноенъ-бабай побѣдилъ своего соперника, обратно переплылъ на сѣверную сторону, нашелъ брошенаго ребенка и сталъ кормить его; лежа, онъ далъ ребенку сосать «шибэ» (шерсть на брюхѣ).

Въ это время на сѣверной сторонѣ Байкала жилъ народъ изъ племени Атагутъ десять домовъ и изъ племени Хотогутъ двадцать домовъ, «арбан ѡрхѣ атагут хорин ѡрхѣ хотогут». Племя Атагуты имѣло шаманку Асуханъ, а племя Хотогуты имѣло шаманку Хусыхэнъ. Эти дѣвь шаманки не имѣли дѣтей, но онѣ другъ другу предсказывали, что у нихъ будутъ дѣти.

Однажды шаманка Асуханъ узнала, что у неї родился сынъ, котораго воспитываетъ темносѣрый порозъ. Шаманка Асуханъ пришла и взяла отъ Буха-ноенъ-бабая мальчика и начала его воспитывать, а виослѣдствіи дала ему имя Булагатъ (иные говорятъ Бумалъ). Булагатъ ходилъ играть на берегъ Байкала и тамъ пропадалъ цѣлые дни; однажды обѣ шаманки спросили Булагата, что онъ тамъ дѣлаетъ цѣлый день. Тогда мальчикъ отвѣтилъ имъ: «Когда я прихожу на берегъ Байкала, тогда изъ воды выходить маленький мальчикъ, который играетъ со мною цѣлый день». Обѣ шаманки удивились разсказу мальчика Булагата и провѣрили его. После этого шаманка Хусыхэнъ выдоила собственное молоко, сдѣлала изъ него кушанье бонъ, дала мальчику Булагату и сказала: «Когда пой-

*.) Утугъ—сѣнокосное поле.

дешь на берегъ и когда выйдеть изъ воды твой товарищъ, дай ему пойсть этотъ бонъ. Пусть онъ съѣсть бонъ! Мальчикъ Булагатъ, получивъ бонъ, отправился на берегъ играть со своимъ водянымъ товарищемъ. По обыкновенію на встрѣчу ему вышелъ изъ воды его товарищъ. Поигравши немного, Булагатъ даетъ ему бонъ; водяной мальчикъ взялъ бонъ и съѣсть. Послѣ этого водяному мальчику захотѣлось спать и онъ задремалъ; шаманка Хусыхэнъ тайно слѣдила въ это время и когда увидѣла, что водяной мальчикъ спить, она тихонько подошла къ спящему мальчику, поймала его и привела домой. Этого мальчика шаманка Хусыхэнъ усыновила и дала ему имя Экиритъ.

Когда Экиритъ былъ еще маленькимъ, его воспитывала рыба пестрый налимъ; поэтому пестрый налимъ называется его отцомъ; щель берега служила колыбелью, потому считается матерью Экирита, «эрэн гутар эсэгэте эргин габа эхэ экирит». Отъ этихъ двухъ мальчиковъ Булагата и Экирита произошли многочисленные потомки, племена Булагаты и Экириты.

Другой варианты. Люди, жившіе на сѣверной сторонѣ Байкала, неизвѣстно по какой причинѣ всѣ перебѣхали на южную сторону въ Монголію; на сѣверной остались только двѣ шаманки Асуханъ и Хусыхэнъ, которые жили вмѣстѣ. Когда обѣ шаманки поочередно шаманили, то другъ другу предсказывали, что у нихъ будетъ сынъ. Какъ-то одна изъ нихъ начала шаманить и говорить, что у нихъ уже родился сынъ; не далеко отсюда на горѣ лежитъ Буха-ноёнъ-бабай, обратившись въ темносѣраго пороза; подъ грудью его лежить ребенокъ въ желѣзной люлькѣ. Тогда обѣ шаманки пошли взять ребенка, но Буха-ноёнъ-бабай не далъ его имъ. Обѣ шаманки возвратились домой, начали снова шаманить и ворожить и узнали, что темносѣрый порозъ есть Буха-ноёнъ-бабай, что ему нужно принести въ жертву трехъ животныхъ: белую большую корыту, большаго бѣлаго барана съ рогами (манхир малан хуса) и большаго козла съ темновато-желтой шерстью (шара жарал тэхэ) и

что тогда только Буха-ноёнъ-бабай уступилъ своего ребенка въ желѣзной люлькѣ. Обѣ шаманки сдѣлали жертвоприношеніе (талгансъ), закололи вышеупомянутыхъ животныхъ; Буха-ноёнъ-бабай принялъ жертву и отдалъ шаманкамъ ребенка, а самъ удалился въ Тункинскія высокія и снѣжныя горы. Уходя въ горы, онъ по дорогѣ выдѣлялъ жидкость изъ мочеваго пузыря на ходу, какъ обыкновенно дѣлаетъ рогатый скотъ; на этихъ мѣстахъ по слѣдамъ его выросли пихта и верескъ *), которые у бурятъ считаются чистыми.

Двѣ шаманки взяли ребенка въ желѣзной люлькѣ, положили на войлокъ, принесли домой, но ни какъ не могутъ развязать ремни желѣзной люльки; желѣзная люлька не раскрывается. Двѣ шаманки начали снова шаманить и ворожить, почему желѣзная люлька не раскрывается, почему ремни не развязываются. Пошаманили и узнали, что нужно исполнить прежде слѣдующій обрядъ: нужно было снять сидѣнья (худал) на сторонѣ, противуположной двери (хоймор таза), «хоймор худалху татаху»; потому одна изъ нихъ должна была представлять, будто бы она родить ребенка; нужно было также заколоть трехгодовалаго бычка и взять лытку съ мясомъ (шата сомогон) и большой ножъ (или стрѣлу, какъ иные говорятъ). Когда шаманки исполнили этотъ обрядъ, желѣзная люлька сама раскрылась.

Шаманка Асуханъ усыновила этого ребенка и начала воспитывать его; впослѣдствіи ему дали имя Такша-моргонъ (тандулдаха олдон Такша моргон) или, какъ другое говорять, Булагать. Въ это время они жили на берегу Байкала; когда Такша-моргонъ или Булагать подросъ немного, онъ началъ ходить играть на берегъ моря. Тамъ онъ игралъ съ двумя мальчиками и одной девочкой, которые выходили изъ воды и, поигравъ съ Булагатомъ, опять уходили въ воду. Происхожденіе этихъ мальчиковъ и девочки было такое. Одинъ изъ сорока-четырехъ восточныхъ тенгировъ подъ названіемъ Хурмуста имѣлъ одну дочь, которая неизвѣстно отъ кого

*.) Верескомъ въ Сибири зовутъ можжевельникъ.

сдѣжалась беременою; тогда дочь Хурмусты спустилась на землю въ видѣ ямана (козла) и на землѣ родила трехъ дѣтей, двухъ сыновей и одну дочь и положила ихъ на берегъ Байкала, гдѣ они и выросли. Потомъ она создала животное, дала ему имя яманъ (козель) и сказала: «Я наравнѣ съ прочими буду принимать жертвоприношенія, въ составъ которыхъ будутъ входить и яманды! Вотъ почему нынѣ при нѣкоторыхъ жертвоприношеніяхъ и кырыкахъ^{*)} колятъ ковровъ.

Шаманки Асуханъ и Хусыхэнъ отъ своего пріемнаго сына Булагата узнали о существованіи этихъ водяныхъ дѣтей, старались поймать ихъ, но ни какъ не могли; когда дѣти увидятъ приближающихся шаманокъ, убѣгаютъ въ воду. Шаманки давали Булагату таракъ и брмб^{**)}), чтобы онъ угостилъ ими дѣтей и привелъ ихъ, но дѣти ни за что не соглашались идти въ домъ Булагата. Тогда шаманки придумали средство, какъ поймать водяныхъ дѣтей. Онѣ поставили на очагъ котелъ и выгнали очень крѣпкій тарасунъ^{**}), дали его Булагату, а также и таракъ и брмб, и сказали ему: «Когда придешь на берегъ Байкала играть съ водяными товарищами, когда они выйдутъ изъ воды къ тебѣ на встречу, постели на землю этотъ войлокъ; сядьте на этотъ войлокъ и пойшите тараку и брмб, а когда захочется пить, то вместо воды, пейте этотъ тарасунъ!» Булагатъ, взявшись отъ шаманокъ всѣ эти вещи, пошелъ на берегъ Байкала; водяные товарищи вышли изъ воды. Они всѣ четверо сѣли на войлокъ, сѣѣвъ таракъ и брмб, выпили тарасунъ, опьянились и легли спать на войлокъ. Въ это время шаманки, караулившія не подалеку, увидѣвъ, что дѣти легли спать, потихонъю подошли, взяли войлокъ съ дѣтьми и понесли домой; на пути одинъ мальчикъ проснулся и крикнулъ: «Возьми меня молочное море мать и недоступныя, скалистыя горы отецъ!» хун дала эхэ мени абыш

^{*)} Кырыкъ частное жертвоприношеніе.

^{**) Таракъ «творогъ»; брмб «сливки».}

^{**}) Тарасунъ „вино изъ молока“.

хомёр ула эсэгэ мени абыш! Въ это время на морѣ поднялись сильные волны и бросились на берегъ, чуть-чуть обѣ шаманки не потонули въ волнахъ; въ это время дѣвочка обратилась въ нерпу *) и ушла въ море; значитъ взяла сё «молочное море мать»; другой мальчикъ, пробудившись, обратился въ черную бѣлку и уѣхалъ на горы; это значитъ, что «недоступныя, скалистыя горы отецъ» взялъ его; третій ребенокъ остался у шаманокъ, которыхъ и привнесли его домой. Шаманка Хусыхэнъ усыновила его, и дала ему имя Экирить (эргихэ олдохон Экирит, «на яру найденый Экирить»).

Когда эти мальчики выросли, они женились. Пріемный сынъ шаманки Асуханъ Булагатъ женился на дочери царя Аю-хана.¹ Булагатъ имѣлъ двухъ сыновей; первый назывался Бузганъ, второй Булаганъ-хара (Булганъ-хара). Когда два сына Булагата выросли, то старшій женился и имѣлъ шесть сыновей и одну дочь.

* Булаганъ-хара женился слѣдующимъ образомъ. У него была большая черная собака, которая ловила звѣрей. Однажды Булаганъ-хара уѣхалъ на зэгэтэ-аба въ царство царя Халыкъ-хана; во время облавы онъ отличился ловкостью и мѣткостью въ стрѣльбѣ, но особенно его черная собака отличилась тѣмъ, что ловила звѣрей и приносила своему хозяину. Послѣ зэгэтэ-аба царю Халыкъ-хану захотѣлось имѣть эту собаку, а потому онъ обратился къ Булаганъ-хара съ просьбою продать ему эту собаку. Булаганъ-хара не соглашался. Тогда Халыкъ-ханъ все предложилъ ему, что только онъ пожелаетъ взять за свою собаку. Булаганъ-хара сказалъ: «Если ты за меня выдашь замужъ свою дочь, тогда уступлю свою собаку». Халыкъ-ханъ согласился и отдалъ свою дочь замужъ за Булаганъ-хара.

Булаганъ-хара имѣлъ только одного сына Тоглока, который родился во время зэгэтэ-аба. Тоглокъ имѣлъ семь сыновей; изъ нихъ шесть были отъ первой жены; отъ второй жены, покищен-

*) Нерпа, тюленъ по-бурятски зан-загахан.

ной во время облавы, онъ имѣлъ одного только сына Ашегавата. Имена семи сыновей Тоглока:

- 1) Бумаль-сагань; отъ него произошли тункинские буряты.
- 2) Боржинъ-далха; отъ него аларские буряты.
- 3) Алагуй; отъ него буряты, живущіе около Байкала, принадлежащіе къ Кудинскому и Кансальскому вѣдомствамъ.
- 4) Сагань; отъ него кудинские буряты.
- 5) Булакъ-сагань-бумаль; отъ него балаганские буряты.
- 6) Хурхутъ; отъ него китайские буряты.
- 7) Ашехавать; отъ него произошли Ашехаваты, входящіе въ составъ Кудинского вѣдомства.

Экирить женился на дочери царя Халыкъ-хана, имѣлъ одного сына Запхи, который тоже женился и имѣлъ четырехъ сыновей; отъ этихъ послѣднихъ произошли верхоленские, ольхонские и ленские буряты *).

Записано М. Н. Ханталовымъ со словъ шамана Манжу и др. кудинск. бурята.

Третій варіантъ. Отъ западнаго Табянъ-табанъ тэагрѣ **) было зачатіе у одной изъ коровъ въ стадѣ Хунъ-тайжея; родился теленокъ; будучи двухъ лѣтъ, сивый бычокъ (хöхö хашерёгъ) сталъ бодаться съ порозомъ Тайже-хана; былъ побѣженъ. На слѣдующій годъ, уже трехгодовалый, снова началъ бодаться съ пестрымъ порозомъ (эрёнъ буха) (Тайже-хана); сначала силой уступалъ, но потомъ осилилъ; бодались девять сутокъ; порозъ Хунъ-тайжея былъ сбитъ. Тогда Хунъ-тайже, собравъ войско, погнался за нимъ, чтобы убить. Хöхö-буха переплылъ воду, море, и перешелъ на другую сторону Байкала; но Хунъ-тайже пошелъ съ войскомъ за нимъ; сдѣлавъ ледъ въ лѣтнее время, перешелъ. Гдѣ, по какимъ мѣстамъ проходилъ порозъ, тамъ выросталъ лѣсъ, гдѣ мочился — ельникъ; за-

*) Начало напечатано въ Изв. Отдѣла, т. XIV, № 1—2 (1883), стр. 2.

**) Табянъ табанъ, „пятьдесятъ пять“.

тѣмъ на западномъ хребтѣ, на горѣ Тепхетѣ, выростилъ три ряда ельника, сдѣлалъ статую, подобную себѣ, обращенную передомъ къ восходу солнца, готовую къ борьбѣ. Въ то время Хунъ-тайже отправился по слѣдамъ его. Увидѣвъ пороза (т. е. его изображеніе), началъ пускать стрѣлы. Когда всѣ стрѣлы были выпущены, онъ отправился посмотреть и углядѣлъ, что лежитъ камень, весь покрытый стрѣлами; а онъ былъ увѣренъ, что онъ убилъ пороза. Тогда Хунъ-тайже вернулся. А порозъ пошелъ дальше и нашелъ желѣзное бухю**) стрѣлы, въ которомъ былъ ребенокъ. Онъ сталъ берегать его.

Когда Тайже-ханъ вернулся домой, то дочь была беременна; на вопросъ матери, какъ это случилось, дочь отвѣчала, что ни съ кѣмъ не видалась, но что въ щель юрты три раза былъ виденъ свѣтъ солнца (она жила въ темной юртѣ). «Я думаю, что отъ этого». Тогда мать ея, прігласивъ кузнецовъ, заказала бухю. У нихъ было три богатыря; попросивъ старшаго изъ нихъ натянуть лукъ, она нашептала: «Живущій на сѣверѣ моря, сотворившій! Бери» (прими)!

Дѣвушка съ юга моря, выданная на сѣверную сторону его, шаманка Асуханъ быта бездѣтна. Родственники по ея бездѣтству хотѣли раздѣлить имущество шаманки. Заложивъ снаружи юрту, въ трубу стали лить воду. Когда вылили одно ведро, отъ огня отскочилъ уголекъ; когда вылили второе ведро, выскочилъ второй уголекъ; хотя вылили третье ведро, огонь все-таки не потухъ. Отворивъ послѣ этого дверь, вошли, чтобы раздѣлить имущество. Шаманка просила взять половину имущества, но когда ее спросили: почему не все? она сказала, что отъ (заливаляемаго) огня отскочили два уголька. «Поэтому я думаю, что это хороший признакъ, что у меня будетъ два сына; на будущій годъ рожу сына, потому что я

**) Бухю—обыкновенно костяной, иногда граненый на вѣнчней поверхности шарикъ, который укрѣплялся на концѣ древка стрѣлы; въ него вставлялся желѣзный наконечникъ стрѣлы.

беременна; берите половину имущества; если же на будущий годъ не принесу сына, тогда возьмите все мое имущество». Родственники, взявъ половину, ушли. На другой день шаманка Асуханъ стала шаманить и ей открылось, что на западномъ пестромъ (эрэн) хребтѣ есть ребенокъ. «Его возьми!» Когда она пришла, ребенка охранялъ сивый порозъ (хёхё бүхэ). Порозъ не трогался съ места. Тогда Асуханъ привнесла ему въ жертву барана; тогда онъ всталъ. Положивъ мальчика за пазуху, привнесла домой и оповѣстила родственниковъ, что родила сына. Пришедши спросили: «Гдѣ же твой сынъ?» Лежалъ желѣзный бухю и Асуханъ сказала, что въ немъ лежитъ ребенокъ. Тогда ей сказали, чтобы она изъ него вынула (ребенка). Асуханъ тогда стала шаманить; и ей открылось, что юстью голени задней ноги быка, широкимъ топоромъ и ковшемъ, если этими тремя вещами постучать, то (бухю) откроется. Когда былъ освобожденъ мальчикъ, то назвала его: «отъ пороза зачавшійся Булганъ-хара» (буха'а олдо'он булхан хара). Выдѣленную раниѣ половину имущества она получила обратно. Когда семилѣтний Булганъ игралъ на берегу моря, приплыла бочка, разбилась; изъ нея вышелъ мальчикъ. Булганъ-хара игралъ до поздняго вечера. Когда мать спросила, почему такъ долго онъ игралъ, (онъ) отвѣчалъ, что игралъ съ товарищемъ. Асуханъ, зная, съ кѣмъ сынъ ея игралъ, въ трехъ посудахъ приготовила тарагъ и пѣлку молока, разостлала на берегу моря войлокъ, поставила на войлокъ кушанье и заказала сыну: «Кушайте вдвоемъ! Если онъ не будетъ есть, то ротъ его помажь тарагомъ!» А сама стала караулить. Оба мальчика играютъ; тотъ не есть. Тогда Булганъ-хара можетъ ему ротъ; онъ, поѣвиши, засыпаетъ. Когда онъ уснулъ, шаманка, завернувъ въ войлокъ, беретъ его. Тогда тотъ закричалъ: «Мать, молочное море, спаси! отецъ, небо, спаси! (‘он далѣ эхэ мне аба, ‘омэр ула’ эсэгэ мне аба)! Тогда вода трижды всколыхнулась; Асуханъ по поясъ

была втянута (въ воду), но все же вышла и принесла мальчика домой. Назвала: «на берегу найденный Эхерэть» (эрge'э олдо'ди Эхерэть).

Сивый волкъ Сибэръ (сибэр хох шон*) приходя во владѣнія хана народа Олють, пожиралъ людей. Тогда олютскій народъ пригласилъ Булганъ-хара, чтобы убить волка, такъ какъ Булганъ-хара былъ очень силенъ и отлично владѣлъ лукомъ, имѣлъ двухъ сильныхъ собакъ. Около желтаго моря было озеро съ тростникомъ, какъ сосновый лѣсъ. Въ томъ озерѣ было логовище волка Сибэръ. Когда волкъ выходилъ изъ озера, то оно пѣнилось и олютскій народъ сказалъ Булгату: «Когда озеро будетъ пѣниться, пускай стрѣлу!» Какъ только озеро стало пѣниться, показался Сибэръ, тотчасъ же Булганъ-хара пустилъ стрѣлу, а двѣ собаки задушили волка. Такимъ образомъ Булганъ-хара убилъ Сибера. Олють-ханъ благодарила за побѣду надъ врагомъ, очень радовалася, пригласила домой, угостила. «Ну, что возьмешь?» спросилъ онъ Булганъ-хара. «Бери, что хочешь!» Онъ избралъ двухъ дочерей. Булганъ-хара просила старшую его дочь. Сказала: «Бери! но ты имѣешь двухъ хорошихъ, сильныхъ собакъ. Отдай большую собаку и бери мою старшую дочь!» Тогда Булганъ-хара, привязавъ краснымъ шелковымъ кушакомъ свою собаку за сѣверовосточный столбъ, взяла старшую его дочь, пошѣль домой. Отъ нея (онъ) имѣлъ двухъ сыновей: Зонхѣ и Туглбѣ.

У Зонхѣ было восемь сыновей, у Тогтола семь. Старший Алагу; остальныхъ разсказчикъ не знаетъ. У Алагу два сына: Хэшегтэ и Мондоба. Хэшегтэ поселился въ «большихъ лѣтникахъ» (эхэ зу'алан; въ настоящее время это лѣтники улусовъ Бо-ханъ и Зоглигъ). У Хэшегтэ сынъ Готолъ. У Готола трое: старший Тудэ, средний Тэтхэнъ, младший Тургэнъ; одна дочь Голохонъ.

*) Въ словѣ сибэр и долгое.

Отъ кости Эхерэть чѣто Тогто пришелъ сватать дочь Готола. Въ его отсутствіе пришли «восточные Сэгэнги» *). Убили двухъ старшихъ братьевъ Тогто, Сэхер'а и Сохер'а; весь скотъ, имущество, двухъ женъ убитыхъ братьевъ заполонили и увезли домой. Жены убитыхъ, отираясь въ путь, спрятали въ рукава ножницы, обрить и богочко **). Шесть дней шли; все время на ночь женщины укладывали, связавъ ихъ волосами; въ середину между ними ложился человѣкъ. Взятые жены отрѣзали ножницами свои волосы; когда одна показала обрить, прибѣжалъ жеребецъ; поймали его. Когда закричали: богочъ! пришла кобылица. Тогда, сѣвъ на жеребца и кобылицу, поѣхали домой. На встрѣчу ходилъ за ними Тогто. «Какъ и что случилось?» спросилъ онъ. Онѣ отвѣчали, что Сэгэны убили его братьевъ, заполонили ихъ и увезли все имущество. Тогто хотелъ идти за Сэгэнами; тогда невѣстки начали плакать, прося его вернуться (и говорили), что онъ не справится съ Сэгэнами, что онѣ беременны и что потомство будетъ. Тогда Тогто, согнувшись два дерева вершинами, связалъ; одну стрѣлу пустилъ въ листвѣнь такъ, чтобы она, пройдя насквозь, осталась (въ деревѣ). Оставивъ стрѣлу, вернулся. Сэгэны погнались за бѣжавшими женщинами, но увидѣвъ связанныхъ деревья и стрѣлу, испугавшись, вернулись. Невѣстки Тогто родили по сыну; одного называли: «уведенный и вернувшійся Ользонъ» (олзодѣ ошѣт ер'эн олzon), другаго «взятый въ пленъ Booneда» (барелгаандѣ ошо'он Booneда).

Отъ Тудэ происходить 3 Готольский родъ, отъ Тотхэна 1-й Готольский, отъ Тургэна 2-й Готольский. Верхоленскіе и ленскіе буряты происходятъ отъ Эхерета, остальные же отъ Булгата.

Записано С. А. Пирожковымъ со словъ Буина Барапикова, бурята Хорского улуса Бокансаго вѣдомства Балаганскаго округа.

*) Рассказчикъ не могъ объяснить, что это за народъ. На вопросъ не буряты-ли, отвѣчали: кажется. Но положительно, не знаетъ.

С. Пирожковъ.

**) Богочко—повязка, которую будто-бы связываютъ колѣни кобыль во время доенія. Я самъ не видѣлъ и теперь въ Боканѣ и въ долинѣ Иды этотъ обычай не существуетъ.

С. Пирожковъ.

Четвертый вариантъ. У Хунь-Тайжи, бурятского хана было много скота и табуровъ. Изъ-за Байкала пришелъ порозъ, говоря: «Пойду на сѣверную сторону Байкала умножить родъ человѣческій, обильный, какъ ключъ; разсѣю, какъ просо!» Увидѣвъ пестраго пороза Хунь-тайжи, остановился, готовясь драться (бодаться*). У Тайжи-хана была единственная дочь; она сидѣла за семидесять семью занавѣсами; никто ее не видѣлъ, ни кому (она) не показывалась. Она увидѣла, что съ юга Байкала приведшій сивый порозъ (хѣхѣ бухѣ) сталъ драться съ пестрымъ порозомъ (тарѣл әрѣн бухѣ) Хунь-тайжія, отцу сказала: «Батюшка, съ нашимъ порозомъ какой-то неизвѣстный порозъ бодается». Отецъ сказалъ: «Выйди! Если нашъ порозъ уступитъ силой, то будетъ поднимать хвостъ». Когда она вышла, то пестрый порозъ пятился; тогда она ваяла урга**) и стала гнать сиваго пороза. Сивый порозъ ушелъ. Съ того времени девушка забеременѣла; родила. Скрыла ребенка отъ отца и матери, сговорила прислугу, положила (ребенка) въ ящикъ и спустила въ море. Послѣ того дочь Хунь-тайжи, перешагнувъ бычье ярмо, снова забеременѣла; родила; положивъ мальчика въ ящикъ, оставила на морскомъ берегу.

Шаманка Асуханъ была бездѣтна. По обычаю того времени у неимущихъ дѣтей имущество подлежало раздѣлу между сородичами. По обычаю, заложивъ снаружи дверь юрты, хотѣли въ верхнее отверстіе юрты (брѣхѣ, труба) лить воду. Тогда Асуханъ стала просить не дѣлать этого. На вопросъ: почему? она отвѣчала: «Когда я сидѣла въ сѣверной части юрты, отъ огня ко мнѣ вылетѣли два уголька. Полагаю, что это хороший признакъ. Вѣроятно у меня будетъ два сына; пожалуста, не лейте воду!» Тогда приведшіе послушались ея, подумавъ, что ея слова исполнятся.

*) Хилыха—(говорится о быкахъ) стать въ положеніе, которое обыкновенно быки принимаютъ передъ боданьемъ (наклонивъ къ землѣ голову и проч.).

**) Урга—высохшая береза длиною отъ 2 до 3 сажень и больше, въ комѣ окколо 2, 3 дюймовъ въ диаметрѣ и толще. Обыкновенно такимъ стягомъ ловятъ лошадей.

Дѣти дочери Хунъ-тайжія, оставленный на берегу, выходя изъ воды, играли съ дѣтьми. Это узнала шаманка Асуханъ. Тогда Асуханъ, приготовивъ тарагъ и пѣнку изъ молока, наполнивъ чаши, постлавъ на берегу моря бѣлый войлокъ, поставила чаши на разостланномъ войлокѣ и попросила дѣтей идти на берегъ играть, чтобы они приготовленныя кушанья ёли и угощали (дѣтей), выходившіхъ изъ воды. «Когда гости поѣдятъ, вѣроятно будутъ играть, а потомъ заснутъ. Тогда, сказала, «скажите мнѣ»! Такъ просила шаманка, такъ дѣти и сдѣлали; играютъ съ вышѣдшими изъ воды, угощаютъ ихъ. Тѣ засыпаютъ; тогда дѣти сообщаютъ шаманкѣ, что гости уснули. Тогда шаманка пошла; завернувъ спящихъ въ войлокъ, принесла домой. Усыновила ихъ. Одного назвала Булгать, другаго Эхереть.

У Булгата родился сынъ Булганъ-хара (другаго сына разсказчикъ не знаетъ). Туглобъ былъ, кажется (говорить разсказчикъ), сынъ Булганъ-хара. У Туглуга семь сыновей: 1) Алгу, 2) Хурхутъ, 3) Хѣба, 4) Хонгодбръ, 5) Шешлобъ, 6) Ашаабгадъ (дословный переводъ: «дяди и племянники»). (Имени послѣдняго т. е. седьмаго разсказчикъ не знаетъ).

У Алгу былъ одинъ сынъ Готблъ.

У Готбла три сына: 1) Тургэнъ (отъ него нынѣшній 2-й Готольский родъ); 2) Тудэ (нынѣшній 1-й Готольский родъ). Предка 3-го Готольского рода разсказчикъ не знаетъ. Кроме сыновей у Готбла была одна дочь Голохбнъ.

Голохбнъ замужъ не выходила. Пришедшие изъ-за Байкала (кажется трое) поселились въ долинѣ рѣчки Куды. Одинъ изъ выходцевъ, желал посвататься на дочери Готбла, имѣть съ Голохбнъ интимныя отношенія, слѣдствіемъ чего была беременность Голохбнъ. Женихъ все время собирался вернуться домой вмѣстѣ съ Голохбнъ, но при желаніи фхать и остался, такъ какъ умеръ. Послѣ его

смерти жена родила, но кого, сына или дочь, рассказчикъ не знать, а полагаетъ, что родились два сына: Арга'анъ и Абаше²).

Нынѣшніе аларскіе, балаганскіе, идинскіе буряты, половина кудинскихъ оть Булгата; верхоленскіе и другая половина кудинскихъ оть Эхерета.

Рассказали Осипъ Тыскеевъ, потомокъ Арга'ана, бурята улуса Бо-хавъ, З-го Готольского рода Балаганскаго округа. Записано и переведено С. А. Пирожковымъ.

XLIV.

Такши и его потомки.

Было два клемени Сонгонъ и Хотоготъ. Отъ нихъ явился Такши, о которомъ говорится: тан дундага олдохон такши т. е. «въ самой серединѣ найденый Такши». Онъ женился на женщинѣ Но-гонъ-уранда и имѣлъ двухъ сыновей и одну дочь; имена сыновей были Бото и Буумалъ; у Бото былъ сынъ Булгать, о которомъ говорится буху дорхо олдохов булагат, «нодъ перозомъ найденый Булгать». У Буумала два сына: Болотъ и Саганъ. У Болота три сына: Кульменгэ, Муры и Олзо. У Сагана два: Обогонъ и Булутъ. У Обогона три: Хого, Онго и Онхотовъ. У Булута одинъ. Улатай, у которого было восемь сыновей. Дочь Такшиева, имени которой не сохранилось, родила бѣзъ мужа сына Токлокъ. Токлокъ имѣлъ семь сыновей; имена ихъ: Готоль, Хонгодоръ, Хурхудъ, Хоѣть, Бояхдъ, Апехавадъ и Ноенъ-бура. У Ноенъ-буры было два сына: Еягутъ и Ноѣть.

Записано М. Н. Хангаловымъ.

²) По другимъ показаніямъ Готоль пришелъ изъ-за Байкала женатый и привелъ съ собой девицу-дойничу (амѣнше). Отъ нея прижилось сына, который былъ названъ «со вьюкомъ» пришедший Арга'анъ (ашандѣ ер'эн арга'ан). По этому Арга'анъ былъ незаконный сынъ Готола.

XLV.

Преданія о Гэнэнъ-худактѣ и Сухэръ-ноенѣ.

По народнымъ преданіямъ въ старинныя времена буряты и монголы часто переходили то на ту, то на другую сторону Байкала. Монголы приходили изъ Монголіи, переходили Байкалъ и жили тутъ; но иногда опять уходили на югъ, а на ихъ мѣсто приходили другие. Такимъ образомъ жившіе по ту и другую сторону Байкала были въ частныхъ сношеніяхъ. Буряты, жившіе по сѣверную сторону Байкала, дѣлали набѣги въ Монголію, и угоняли у монголовъ скотъ, котораго у бурятъ было мало, а также добывали здѣсь разныя украшенія, вымѣнивали ихъ на звѣринъя шкуры. Монгольскіе ханы, узнавъ о существованіи байкальскихъ бурятъ, живущихъ независимо и не платящихъ ни кому дани, захотѣли ихъ подчинить себѣ. Съ этой цѣлью они послали на сѣверную сторону Байкала двухъ ламъ; одинъ назывался Гэнэнъ-худакта, другой Сухэръ-ноень. Двое этихъ посланныхъ должны были подчинить бурятъ и прекратить ихъ набѣги на Монголію и угонъ скота.

Гэнэнъ-худакта пріѣзжалъ въ землю бурятъ задолго до прихода русскихъ. Онъ былъ изъ племени Олбдь (калмыкъ). Онъ былъ лама и отличался необыкновенною силой. Онъ пріѣзжалъ на сѣверную сторону Байкала, чтобы обратить бурятъ въ буддійскую вѣру, но это ему не удалось, такъ какъ буряты не показывались ему и уходили въ глубь лѣсъ и прятались, не желая подчиниться монгольскому хану и расчитывая жить по прежнему, не завися ни отъ кого и ни кому не плати дани.

Гэнэнъ-худакта пріѣхалъ изъ Монголіи по рѣкѣ Селенгѣ, спустился внизъ по течению къ Байкалу и по льду попалъ на островъ Ольхонъ, откуда черезъ Малое море (Наринъ далай) перебрался на сѣверную сторону Байкала; черезъ нынѣшнее Ольхонское вѣдомство онъ пріѣхалъ въ Верхоленское вѣдомство, а оттуда въ Кудинское. Здѣсь онъ остановился на некоторое время и, взявъ

хужиръ (солонецъ), направился въ Идинское вѣдомство, переправился черезъ Ангару, вошелъ въ Балаганское вѣдомство и поднялся по р. Унгѣ; здѣсь тоже остановился на какое-то время и взялъ хужиръ. Изъ двухъ вѣдомствъ Кудинскаго и Балаганскаго онъ увезъ хужири на семидесяти верблюдахъ. Съ реки Унги Гэнэнъ-худакта вышелъ на р. Оку и, поднимаясь вверхъ по ея долинѣ, ушелъ обратно въ Монголію.

По дорогѣ на скалахъ Гэнэнъ-худакта оставлялъ письмена или надписи, которыхъ буряты теперь называютъ «Гэнэнъ-худактынъ-тамга». Впрочемъ преданіе указываетъ только одно мѣсто съ подобной надписью; говорятъ, что гдѣ-то въ верховьяхъ Оки, около окинского караула на горѣ Монголжини-ула онъ оставилъ надпись, которая существуетъ и до сихъ поръ. Кроме того буряты Балаганскаго и Верхоленскаго округа указываютъ дорогу Гэнэнъ-худакта. Кудинскіе буряты указываютъ дорогу, по которой будто-бы Гэнэнъ-худактаѣхалъ въ Идинское вѣдомство; эта дорога проходить по лѣсу; все деревья на ней вырублены. Другое эту дорогу называютъ китайской и говорятъ, будто по ней китайцыѣхали обратно въ Китай. Балаганскіе буряты указываютъ дорогу Гэнэнъ-худакты по р. Унгѣ; она теперь замѣтна въ видѣ углубленій, заросшаго травой, будто-бы вытоптанного многочисленными караванами верблюдовъ. У буряты балаганскаго вѣдомства до сего времени сохранилась въ памяти пѣсня о Гэнэнъ-худактѣ:

Ара дэгур харбаха
Алтан халюр хуматаб
Аламжиса булгэхэ
Боро шара морётоб
Мёр дэгур табиха
Монгён халюр хуматаб
Мордобхижи хуряха
Боро шарга морётоб

Хүрээн шинэн хуматаб
Булан шинэн зентэб
Тэрэ хэмий гэхэдэ
Гэнэн—худалта бээрэб

Сухэрь-ноёнъ по народному преданию пріѣжалъ въ эти мѣста далеко позже Гэнэнъ-худакты, но сколько именно лѣтъ прошло между пріѣздами этихъ двухъ ламъ, буряты сказать не умѣютъ.

Сухэрь-ноёнъ*) также былъ язъ племени Олбъ. Онъ былъ лама (по преданию онъ во многихъ мѣстахъ «ламатучиль»), а также былъ батуръ, то есть предводитель, отличавшійся необыкновенной силой. Съ того времени, какъ онъ приходилъ, по преданию балаганскихъ буряты, прошло шестнадцать или семнадцать поколѣй**). При немъ было триста вооруженныхъ человѣкъ или тѣлохранителей. Цѣль его прихода была покорить буряты, обратить въ буддийскую вѣру и заставить ихъ платить дань дорогой пушниной. Онъ пріѣхалъ изъ Монголіи по другому направлению, чѣмъ Гэнэнъ-худакта, а именно черезъ нынѣшнее Тункинское вѣдомство. Изъ Тунки Сухэрь-ноёнъ пріѣхалъ въ мѣстность, называемую по-бурятски Ула (гдѣ нынѣ Александровскій заводъ); въ то время при устьѣ рѣчки на острову Ангары жилъ большой шаманъ Гуртэ-заринъ Монготуевъ***). Сухэрь-ноёнъ приказалъ этому шаману помочь переправиться черезъ Ангару, но шаманъ отказался. Тогда Сухэрь-ноёнъ началъ «ламатучить»****) и Ангара покрылась льдомъ, по которому Сухэрь-ноёнъ перешелъ на островъ и приказалъ шаману Гуртэ-зарину покориться и заплатить дань. Гуртэ-заринъ отказался; онъ сказалъ: «Я никогда ни кому не былъ подчиненъ и не хочу платить дань! Тогда Сухэрь-ноёнъ веѣль своимъ людямъ стрѣлять

*) См. «Изв.» т. XIV, № 1—2, с. 11.

**) Если каждое поколѣніе считать по 30 лѣтъ, то со времени Сухэрь-ноёна прошло около 480 или 510 лѣтъ; следовательно это было около 1370—1400 годовъ.
Хангаловъ.

***) Заринъ цо-бурятски шаманъ.

****) То-есть совершать богослуженіе по обряду ламъ.

въ шамана и убить его, но они ни какъ не могли убить. Тогда шаманъ Гуртэ-заринъ сказалъ: «Обверните мою голову, не чистымъ платкомъ и подкладкой унты*! тогда только я могу умереть!» Когда это сдѣлали, шаманъ умеръ. Тѣло шамана Гуртэ-зарина бросили въ рѣку Ангару; брошенное тѣло пошло вверхъ по течению.

Отсюда Сухэръ-ноёнъ побѣхалъ въ Идинское вѣдомство; по рѣчкѣ Оса спустился внизъ и добѣхалъ до мѣстности, где нынѣ стоитъ Идинская степная дума. Здѣсь Сухэръ-ноёнъ остановился на какое-время и предсказалъ, что внослѣдствіи здѣсь будутъ жить кузнецы, что здѣсь будетъ производиться разбирательство разныхъ тяжбъ и будетъ тутъ присутственное мѣсто (зурган). Отсюда Сухэръ-ноёнъ выѣхалъ на рѣку Ангару и побѣхалъ внизъ по ней до нынѣшняго Братскаго острога, отъ которого возвратился обратно, переправился на лѣвую сторону и поднялся вверхъ по Ангарѣ выше Балаганска. Поднявшись не много выше Балаганска, выѣхалъ на рѣчку Унгу, по которой поднялся вверхъ и остановился недалеко отъ мѣстности, где нынѣ стоитъ Балаганская степная дума. Тутъ онъ опять предсказалъ, что здѣсь будетъ «зурганъ» и будутъ разбираться разныя тяжбы. Послѣ этого онъ поднялся вверхъ по р. Унгѣ и выѣхалъ на рѣку Оку, по которой обратно уѣхалъ въ Монголію.

Во время своего пути Сухэръ-ноёнъ совершаѣтъ надъ бурятами разныя жестокости, будто-бы наказывая, и предсказывалъ будущее, что будто-бы теперь сбывается. Буряты разбрѣгались отъ него до лѣсамъ, уходили въ глубь тайги, и Сухэръ-ноёнъ не нашелъ въ краѣ жителей.

Въ это время былъ иѣкто Ользой**), который будто-бы считался царемъ здѣшнихъ мѣсть. Сухэръ-ноёнъ, поднимаясь по пади Тотхото встрѣтилъ одного бурята, который Ѳхалъ на красномъ по-

*) Унты—сапоги изъ козьихъ шкуръ шерстью вверхъ.

**) Хапъ Ользой жилъ въ Балаганскомъ вѣдомствѣ по рѣчкѣ Унгѣ; потомки его и нынѣ живутъ по р. Унгѣ, составляя два рода: 1-й и 2-й Ользовы роды.
М. Хангаловъ.

розвѣ; этого бурята звали Ханха. Встрѣтившись съ нимъ, Сухэръ-военъ спросилъ его: «Откуда ты пріѣхалъ?» Бурятъ Ханха отвѣтилъ, что овъ пріѣхалъ отъ своего царя Озоя. Тогда Сухэръ-военъ приказалъ своимъ людямъ убить этого бурята. Когда убили бурята Ханха, то тѣло его бросили въ озеро, которое и теперь по его имени называется Ханха-нуръ.

Записано въ Балаганскомъ о. М.
Н. Ханголовымъ.

XLVI.

Барга-Батуръ.

По преданію кудинскихъ бурятъ буряты жили прежде около Тобольска, откуда двинулись на востокъ, перешли Байкалъ и ушли въ Монголію, частью ушли въ Якутскую область. Другія-же преданія разсказываютъ о движеніи бурятъ изъ Монголіи на сѣверную сторону Байкала.

По Кудинскому преданію родоначальникомъ бурятъ былъ Барга-батуръ, который жилъ около Тобольска и имѣлъ трехъ сыновей; старшаго звали Илюдэръ-тургэнъ, средняго Гуръ-бурятъ, младшаго Хоредой-моргонъ. Впослѣдствіи Барга-батуръ съ своими двумя сыновьями Гуръ-буратомъ и Хоредой-моргономъ изъ Тобольска двинулся на востокъ, а старшаго сына Илюдэръ-тургэна оставилъ въ Тобольскѣ, сказавъ ему: «Ты будешь царемъ здѣшнихъ мѣстъ! твое счастье на старомъ мѣстѣ!» Такъ Илюдэръ-тургэнъ и остался на старомъ мѣстѣ; отъ него произошли нынѣшніе калмыки, живущіе въ Астраханской, Ставропольской и Саратовской губерніяхъ. О томъ, какъ потомки Илюдэръ-тургэна переселились изъ Тобольска на западъ, бурятское преданіе не знаетъ. Нѣкоторые потомки Илюдэръ-тургэна повидимому пришли потоюжъ и на востокъ; по крайней мѣрѣ бурятскіе роды Балаганского вѣдомства Зунгарскій и Икинатекій считаются изъ племени калмыковъ, по бурятски блдѣ или сэгэнуть.

Барга-батуръ съ двумя младшими сыновьями Гуръ-бурята и Хоредой-моргонъ двинулся на востокъ въ нынѣшнюю Иркутскую губернію и остановился въ Тункинскомъ вѣдомствѣ около озера Хуннуръ на возвышенности Хѣхѣ-болдокъ. Въ этихъ мѣстахъ онъ оставилъ жить своего средняго сына Гуръ-бурята, которому сказалъ: «Ты будешь царемъ этой мѣстности! твое счастье здѣсь!» Туръ-бурята остался въ Тункѣ; отъ него произошли сѣверобайкальскіе буряты, принадлежащіе къ племенамъ: Экирить и Булагать т. е. тункинскіе, китайскіе, аларскіе, балаганскіе, идинскіе, кудинскіе, капсальскіе, верхоленскіе, ольхонскіе и ленскіе буряты.

Барга-батуръ изъ Тунки съ младшимъ сыномъ Хоредой-моргономъ двинулся къ сѣверу по рѣкѣ Ленѣ въ нынѣшнюю якутскую область, и оставилъ Хоредоя на Ленѣ, въ какомъ мѣстѣ, предавне не указывается. Барга-батуръ сказалъ Хоредой-моргону: «Ты будешь царемъ здѣшнихъ мѣсть! твое счастье здѣсь въ этихъ мѣстахъ!» Оставивъ его въ якутской области, самъ Барга-батуръ двинулся обратно въ Иркутскую губернію. Проникая въ якутскую область, Барга-батуръ имѣлъ битвы съ мѣстными жителями около Байкала, но что за народъ были эти жители, преданіе умалчиваетъ. Барга-батуръ умеръ на островѣ Ольхонѣ въ мѣстности Шингиль-шибей; другие говорятъ, что Барга-батуръ, возвратясь изъ якутской области, умеръ немного ниже города Иркутска въ мѣстности Хѣтѣ-ууруръ (ниже города на 6-й verstѣ).

Хоредой-моргонъ былъ отличнымъ стрѣлкомъ изъ лука, почти никогда не дѣлалъ промаха. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ жилъ на Ленѣ, занимаясь звѣроловствомъ и питаясь мясомъ убитыхъ дикихъ звѣрей. Вногодѣствіи онъ женился на дочери неба и, проживъ съ нею нѣсколько времени, двинулся обратно и переправился за Байкалъ, гдѣ и поселился. Потомками Хорѣдой-моргона считаются хоринскіе буряты на южной сторонѣ Байкала и племена Хаигинцы и Шараты на сѣверной.

Записано М. Н. Хангаловымъ у кудинскихъ бурятъ.

XLVII.

Хоредой-моргонъ.

а.

На съверной сторонѣ Байкала жили три охотника, которые питались мясомъ звѣрей и птицъ, убитыхъ на охотѣ. Однажды все трое отправились на охоту, но ничего не убили. Двое изъ нихъ пришли къ балагану впередь третьяго, который охотился вмѣстѣ съ ними, но отсталъ отъ товарищѣй. Пришедши впередь сварили оставшееся отъ прежней охоты мясо, шесть шейныхъ позвонковъ; изъ нихъ пять сѣли, а шестой позвонокъ оставили товарищу, котораго звали Хоредой. Хоредой пришелъ съ охоты, тоже ничего не убивъ; товарищи сказали ему, что они оставили ему ею пай, а своя сѣли. Хоредой сказалъ имъ: «Шейныхъ позвонковъ осталось щесть, а потому мнѣ слѣдуетъ два позвонка, а не одинъ. Мы живемъ вмѣстѣ и должны все дѣлить поровну. Такъ какъ вы меня обидѣли теперь, то я не желаю болѣе жить съ вами!»

Сказавъ это, Хоредой отправился на южную сторону Байкала, который онъ перешелъ по льду. На южной сторонѣ Байкала Хоредой занимался звѣроловствомъ, какъ прежде. Однажды онъ увидѣлъ въ одномъ озерѣ купающихся женщины, которыхъ, вышедши изъ воды, обратились въ лебедей и улетѣли. Хоредой сталъ караулить. Лебеди опять прилетѣли на озеро; снявъ съ себя лебяжью одежду, они обратились въ красивыхъ женщинъ и начали купаться; Хоредой вышелъ изъ засады и взялъ одну лебяжью одежду. Купавшіяся женщины бросились изъ воды, надѣли лебяжью одежду и улетѣли. Одна изъ нихъ осталась, потому что ея лебяжью одежду Хоредой спряталъ. Хоредой взялъ ее за жену, жить съ ней и имѣль отъ нея дѣтей, но впослѣдствіи она напоила Хоредоя (виною) и, взявъ свою одежду, улетѣла на небо.

Записано М. Н. Хангаловымъ отъ тайщи Кудинскаго вѣдомства Михаила Бунаева.

б.

Однажды Хорёдой-моронъ во время охоты увидѣлъ трехъ лебедей, которые прилетѣли къ озеру Садамтынъ-саганъ и сѣли на берегу ея; потомъ лебеди сняли съ себя лебяжью одежду и обратились въ трехъ необыкновенно красивыхъ женщинъ, которыхъ стали купаться въ озерѣ Садамтынъ-саганъ. Выкупавшись, вышли изъ воды, надѣли свою лебяжью одежду и улетѣли на небо. Это были небесныя дочери, которыхъ въ видѣ лебедей обыкновенно прилетали купаться въ озерѣ Садамтынъ-саганъ и, выкупавшись, улетали на небо. Одни говорятъ, что озеро Садамтынъ-саганъ находится въ низовьяхъ рѣки Лены въ якутской области, по другимъ на южной сторонѣ Байкала въ Монголіи.

Хорёдой-моргонъ очень удивился и началъ караулить лебедей, чтобы поймать одну изъ нихъ, но это ему сначала не удавалось. Однажды небесныя дочери въ видѣ лебедей прилетѣли на озеро и, раздѣвшись, начали купаться. Въ это время Хорёдой-моргонъ вышелъ изъ засады и похитилъ одну лебяжью одежду. Тогда небесныя дочери бросились изъ воды, двое изъ нихъ, надѣвъ на себя лебяжью одежду, улетѣли на небо; одна дочь неба не нашла своей одежды и осталась на землѣ. Съ этого времени Хорёдой-моргонъ жилъ съ этой небесною дочерью. Она не обнаруживала желания убѣжать отъ своего земнаго мужа. Такъ они прожили на берегу Садамтынъ-саганъ въ теченіи трехъ лѣтъ, но дѣтей у нихъ не было. Однажды Хорёдой-моргонъ спросилъ у своей жены, дочери неба: «Вотъ мы живемъ въ супружествѣ въ продолженіи трехъ лѣтъ, а дѣтей не имѣемъ. Отчего это?» Тогда жена его, небесная дочь, отвѣтила: «Если мы будемъ жить на этой мѣстности, то не будетъ у насъ дѣтей». Тогда Хорёдой-моргонъ спрашивается: «Куда мы должны перѣѣхать, чтобы имѣть дѣтей?» Жена отвѣтила: «Мы должны перѣѣхать къ югу за море; если туда перѣѣдемъ, у насъ будутъ дѣти и множество потомковъ». Жену Хорёдой-моргона звали Хобоши-хатунъ.

Тогда Хорёдой-моргонъ оставилъ Лену и перебѣхалъ на южную сторону Байкала и тамъ поселился на постоянное жительство. Они имѣли здѣсь небольшое хозяйство, но Хорёдой-моргонъ по прежнему охотился на звѣрей. На новой родинѣ они имѣть отъ своей жены одиннадцать сыновей и шесть дочерей.

Однажды Хобоши-хатунъ спросила у своего мужа Хорёдой-моргона, куда онъ дѣвалъ ея прежнюю лебяжью одежду. Хорёдой-моргонъ сказалъ, что ея лебяжья одежда до сихъ поръ цѣла и не испорчена и хранится не далеко отъ мѣста, гдѣ они живутъ. Хобоши-хатунъ стала просить его, чтобы онъ показалъ ей ея прежнюю лебяжью одежду, въ которой она прилетала купаться въ озерѣ Садамтынъ-саганъ. Хорёдой-моргонъ подумалъ, что послѣ такой продолжительной жизни съ нимъ, родивши на землѣ одиннадцать сыновей и шестерыхъ дочерей, Хобоши-хатунъ, надѣвъ свою старую лебяжью одежду, не улетитъ на небо и не захочетъ оставить своего мужа и своихъ дѣтей; онъ сходилъ за спрятанной лебяжьей одеждой, принесъ ее и передалъ женѣ. Хобоши-хатунъ долго любовалась своей прежней одеждой; потомъ она спросила у мужа позволенія надѣть эту одежду на себя, чтобы онъ посмотрѣлъ, красива-ли она въ своей прежней одеждѣ. Хорёдой-моргонъ согласился; ему тоже хотѣлось посмотреть на свою жену, красива-ли она въ своей прежней одеждѣ. Она надѣла лебяжью одежду, сѣла на полку и спросила мужа, красива-ли она. Хорёдой-моргонъ сказалъ, что она красива, какъ и прежде, и любовался ея красотою. Хобоши-хатунъ полетѣла въ верхнее отверстіе юрты, въ которое выходитъ дымъ. Въ это время одна изъ шести дочерей ея гнала тарасунъ. Съ крикомъ: «куда мама?» она схватила грязными руками за обѣ ноги лебеди-матери; но Хобоши-хатунъ, выдернувъ ноги изъ рукъ дочери, вылетѣла изъ юрты и начала кружиться надъ ней; она говорила въ это время своему мужу и дѣтямъ: «Вы, земные жители, оставайтесь на землѣ, а я, небесная, полечу на небо, на свою родину! Потомъ она еще сказала имъ: «Весною и осенью, когда ле-

беди летять къ съверу, и обратно, дѣлайте обрядъ въ честь мою! Потомъ она благословила своихъ дѣтей, чтобы они жили на землѣ счастливо и улетѣла на небо.

Когда она вылетала изъ юрты, дочь ея схватила грязною рукою за ея ноги; оттого теперь у лебедей ноги черны.

Запис. М. Н. Хангаловыимъ.

XLVIII.

Сэгэндэ и Барто.

Племя Олбдъ или Сэгэнутъ жило прежде на южной сторонѣ Байкала. Оно убило своего военачальника и, боясь наказанія, вошло внизъ по Селенгѣ, перешло черезъ Байкалъ и поселилось между кудинскими и верхоленскими бурятами, гдѣ оно размножилось до трехъ сотъ колчановъ, т. е. умѣющихъ носить оружіе. Племя Олбдъ сильно обижало окружающихъ бурятъ изъ племенъ Булагатъ, Экирить и другихъ, отбирая у нихъ женъ, дочерей и даже скотъ. Тогда Булагаты и Экирity сошлись между собою и уговорились уничтожить все племя Олбдъ. Съ этой цѣлью Булагаты и Экирity пригласили все племя Олбдъ, угостили ихъ, напоили до пьяна; когда всѣ Олбды стали пьяны, буряты перебили всѣхъ мужчинъ, а женъ, дочерей и имущество раздѣлили между собою. Отъ этого побоища остались только два человѣка, которые были на охотѣ; ихъ имена были: Сэгэндэ и Барто. Они были дядя и племянникъ. Когда Сэгэндэ и Барто пришли съ охоты, они увидѣли, что ихъ племя все перебито и все ихъ имущество разграблено; осталась только одна черная овца, которую грабители не замѣтили. Тогда дядя съ племянникомъ, взявъ черную овцу, уѣхали отъ кудинскихъ бурятъ и остановились ниже мѣстности, гдѣ нынѣ Александровскій заводъ. Тутъ они жили нѣкоторое время. Однажды племянникъ Барто пошелъ на охоту, а дядя остался. Послѣ ухода племянника, дядя закололъ единственную черную овцу и началъѣсть. Когда вернувшись племянникъ узналъ, что дядя закололъ овцу, онъ разсердился

и сказали: «Овца могла расплодиться и со временемъ бы у насъ скотъ, а теперь у насъ ничего вѣтъ! Чѣмъ-же будемъ жить?» Послѣ этого племянникъ Барто сдѣлалъ себѣ плотикъ (хаз) и поплылъ на немъ внизъ по Авгарѣ; понесло его внизъ по Ангарѣ и выбросило на берегъ ниже нынѣшняго города Балаганска въ Идинскомъ вѣдомствѣ. Здѣсь онъ поселился и женился на дочери мѣстного бурята. Потомки Барто впослѣдствіи переселились въ балаганское вѣдомство и кынѣ составляютъ Зунгарскій родъ.

Оставшійся дядя Сэгэндэ, кончивъ мясо черной овцы, то-же сдѣлалъ небольшой плотикъ и поплылъ внизъ по Ангарѣ искать своего племянника, но не нашелъ его. Сэгэндэ'я выбросило течениемъ на устьѣ Оки. Онъ поднялся вверхъ по Окѣ около двѣнадцати верстъ и поселился въ мѣстности Зуга; такъ называется падъ около нынѣшняго Николаевскаго завода. Тутъ Сэгэндэ женился на дочери тунгуса. Икинаты, потомки Сэгэндэ'я, жили въ этой мѣстности до прихода русскихъ.

Записано М. Н. Хангаловымъ.

XLIX.

Поколѣнія селенгинскихъ бурятъ:

Во 2-мъ Атаганскомъ роду слѣдующія поколѣнія: Шаритъ-Атаганъ, Чжунчжэнъ, Боянъ, Сынгэлдарь-чино, Олцонъ,

Казаки того-же рода: Шаритъ-Атаганъ, Чжунчжэнъ, Урянхай, Абоганатъ, Кхукхытъ, Хетокту.

Въ 1-мъ Селенинско-харанутскомъ роду: Шаралдай, Бодицъ, Абаганутъ, Шаванъ, Чжарай, Дурбэтъ.

Во 2-мъ Сартольскомъ роду: Хорчинъ, Сартоль, Ашебогатъ, Ехиритъ, Хаченутъ, Хатагинъ, Салцзотъ, Булгать, Ехуйдъ, Харанутъ, Галцаотъ, Батотъ, Атаганъ, Кхулмэнъ, Уранхай, Хорлатъ, Онхотъ, Цонголъ.

Въ этомъ племенномъ раздѣленіи вмѣщаются казаки 1-й сотни 3-го полка — и Харацайскаго станичнаго округа 1-го военнаго отдельна Забайкальскаго казачьаго войска.

Въ Ашебагатскомъ роду: Цоргиль, Алцотха, Боянъ, Байдаль, Тэлэгунъ.

Съ казаками составляютъ приходъ 2-хъ дацановъ, именно: Ара-Киретуйскаго и Кударинскаго.

Въ Бумалютульскомъ роду: Енгуть-бумаль, Готуль, Морой, Хангиль, Хогой, Кхухытъ-бумаль, Хорачей.

Въ Чикойско-Харанутскомъ роду: Харанутъ, Хасама, Хонгдоръ, Хамниганъ, Босинъ, Шешолокъ, Ашебагать, Боянъ.

Во 2-мъ Табангутскомъ роду: Батотъ, Хаченутъ, Урлють, Цонголь.

Въ 1-мъ Табангутскомъ: Галцаутъ, Урянхай, Абганутъ, Батотъ, Тайчжи, Цонгоэ, Ашебагать, Кхиритъ, Отогать.

Въ 3-мъ Табангутскомъ роду: Ашебагать, Арбатанъ, Батотъ, Урлють, Онготъ, Абгать, Сунутъ.

Въ Иринско-Харанутскомъ роду: Далай-Харанутъ, Шаралдай, Дабши.

Въ Алануевскомъ роду: Буряль-Алагуй, Монголь, Галцэотъ.

Въ вѣдомствѣ Закаменской Инородной управы: Хонгдоръ, Шешолекъ, Тэртэ, Куркутъ, Сойсу (Хойго), Булбуй.

Въ вѣдомствѣ Армакской Инородной Управы: Цаяктай, Сынхихэнъ, Тэртэ.

Шаманка Асойханъ происходила отъ племени Ойратъ-бурятовъ, потомковъ подданныхъ Чингисъ-хана; она имѣла двухъ сыновей; старший Бурядай, младшій Хорядай. Бурядай, охотясь за звѣрьми, на горѣ въ пихтовомъ лѣсу нашелъ одну дѣвицу, которую сѣдалъ свою жену; у нихъ было два сына, старший Ихиритъ, младшій Булагатъ. У Ихирита было восемь сыновей, отъ которыхъ произошли буряты, обитающіе къ сѣверу отъ Байкала въ верхоленскомъ, балаганскомъ, идинскомъ и другихъ вѣдомствахъ; есть также много буряты того-же происхожденія и на югѣ Байкала. У Булагата было шесть сыновей; изъ происходящихъ отъ нихъ многіе живутъ къ сѣверу отъ Байкала и на островѣ Ольхонѣ; къ югу отъ Байкала

къ потомкамъ Булагата относятся селенгинские и кударинские буряты, составляющіе много поколѣй. У Хорядая было одиннадцать сыновей, потомки которыхъ теперь хорианцы и агинцы. Эти буряты, вступивъ въ подданство Россійскаго государства, сначала платили ясакъ по 5 к. съ души или звѣринныи шкуры; на обитаемыхъ нынѣ бурятами мѣстахъ жили прежде киргизы.

Монгольскіе князья начали междуусобную войну; боясь этой междуусобицы, некоторые инородцы бѣжали въ прибайкальскія страны и, выбравъ трудныя мѣста по четыремъ сторонамъ Байкала, поселились тутъ; это были племена: Татары, Бухары, Солоны, Солонгуты. Изъ этихъ пришельцевъ къ монгольскому племени принадлежать поколѣнія: Шаритъ-Атаганъ, Хотокту (святой), Узенъ, Хорчинъ, Хатагинъ, Харадылъ, Хорлосъ, Хорлатъ, Цояголь, Цаганъ-Тайши и Хара-Тайши, Урянхай, Отонхой, Онхотъ, Урлютъ, Кирить, Чахарь, Ехухытъ, Кхутугытъ, Арбатанъ, Абагутъ, Абагачуль, Абагануть, Зуксидба, Батотъ, Батнай, Хаченутъ, Табангутъ, Гуни, Токчинъ. Татарско-бухарского племени: Сартаголь и Сартоль; эти племена дѣлятся на два поколѣнія Шара-ацзарга и Цзэгэрдэ-ацзарга; они ни какой крови не ѓдятъ. Солонскаго и Солонгутскаго или манчжурскаго племени много поколѣній бродячихъ тунгусовъ; эти послѣднія племена отдѣльны отъ Оиратскаго племени.

Инородцы вѣдомства Селенгинской Степной Думы въ административномъ отношеніи дѣлятся на 22 рода: 1-й Селенгинско-харанутскій, Бабай-хорамчевскій, 1-й Ченорутскій, Готалбумальскій, Олонецкій, 2 Атаганскій, состоящій изъ Чжуучженовъ и Бинкиновъ, 2-й Селенгинско-Харанутскій, Хатагинскій, Узенскій, Подгородный, Иринско-Харанутскій, 2 Ченорутскій, Алагуевскій, 1-й Атаганскій, 1 и 2 Сартольскіе, 1, 2 и 3 Табангутскіе, Цонгольскій, Ашебогатскій и Чикойско-харанутскій.

Во время покоренія Сибири русскіе, познакомясь съ бурятами, ласками привели ихъ въ подданство Россіи въ періодъ съ 1680—1690 годовъ; безвозвездно давали имъ разныя вещи, припасы и

деньги. Поддавшися буряты стали платить въ казну ясакъ; изъ среды ихъ были поставлены надъ ними тайши, шуленги (головы) и зайсанги (старосты).

Предводитель нерчинскихъ тунгусовъ, Солоновъ и Солонгутовъ, происходящихъ отъ манчжуръ, чжанчжунъ-нонъ, прибывъ къ Нерчинску и познакомившись съ русскими людьми, оставилъ подданство манчжурскому владѣтелю, вступилъ въ русское подданство и принялъ православіе, получилъ титулъ князя Гантимурова и награду, водворился на р. Уральгъ и сдѣлался повелителемъ 15 родовъ тунгусовъ.

Селенгинские три табангутскіе рода въ началѣ 1690-хъ годовъ перебѣжали изъ Монголіи въ Россію, и потомъ снова ушли обратно въ Монголію; послѣ подъ предводительствомъ Битань-Дархана, Даянъ-Монгола, Заяту-Хошигучи и Идэръ-Бодонгуна вторично около 1710-хъ годовъ перешли въ подданство Россіи.

Селенгинский Цонголь Укиръ - Хонтогоръ тоже, перебѣживъ изъ Монголіи, сдѣлался русскимъ подданнымъ; многіе родные его съ женами и дѣтьми, прибывъ на ключь Укинъ и близкія къ ономъ лѣсистыя мѣста, просили его, какъ ранѣе познакомившагося съ русскими, ходатайствовать о привятіи и ихъ въ подданство Россіи; Укинъ обнадежилъ ихъ, но вмѣсто ходатайства отправился въ Селенгинскій и Итэнцинскій остроги, заставилъ тамошнимъ властямъ и войскамъ, что посланныя за нимъ въ погоню изъ Монголіи войска остановились на ключѣ Укинъ и въ тамошнихъ лѣсахъ и просилъ прогнать ихъ; русскіе войска, прибывъ на указанное мѣсто, вступили въ битву съ пришедшими; одна молодая женщина, невѣстка Укина, схватившись за чапвею его лошади, умоляла его спасти ее и взять. Укинъ, посадивъ ее на свою лошадь сзади себя, спасъ ее; послѣ онъ женился на ней и имѣлъ отъ нея 8 сыновей и дочерей. За это сраженіе Укину пожалована пушка и плотина.

L.

Первый шаманъ.

a.

(Нерчинский вариантъ)

Первый и самый могущественный шаманъ назывался Тэмэнъ-холай; по его имени называется падъ между почтовой ставицей Мердановой и Нерчинскомъ, въ 7—10 вер. отъ Мердановой. По мѣстному преданию въ прошломъ столѣтіи въ этой пади крестьяне завели было деревню; Тэмэнъ-холай предупреждалъ ихъ не селиться тутъ, но его не послушались. Тэмэнъ-холай выморилъ деревню и падъ до сихъ воръ остается пустою. Могила шамана обозначена кустомъ. Шла партия арестантовъ; одинъ изъ нихъ, хотѣлъ надругаться надъ могилою; но тутъ-же умеръ. Вѣрятъ, что Тэмэнъ-холай по ночамъ выѣзжаетъ на белой лошади съ урюкомъ въ руки и душить, кто ему не нравится. Бурятскій шаманъ, когда шаманитъ, то выываетъ: Тэмэнъ-холай! Тэмэнъ-холай*).

Записано Д. П. Першинъмъ.

б.

(Баргузинский вариантъ).

Баргузинскіе шаманы говорятъ, что даръ слѣва и пророчества сходитъ на нихъ съ неба, когда они подражаютъ событию; случившемуся съ Догѣоемъ, пастухомъ Солбона (звѣзда Венера). Событие это было слѣдующее. Въ то время, какъ хозяинъ скота Солбонъ отправился къ западному небу (барунъ тынгрэ), Догѣой съ своей собакой Бурто вздумалъ погулять и, оставивъ табуны, ушелъ куда-то и пробылъ тамъ три дня; возвратившись къ табунамъ, онъ нашелъ ихъ разошедшімыся въ разныя мѣста; значительную часть скота сѣѣли волки (шоно). Когда онъ началъ собирать табуны, явился хозяинъ Солбонъ, возвратившійся отъ Барунъ-тынгрэя. Сол-

*) Такъ по крайней мѣрѣ дѣлалъ шаманъ изъ Бордэй, котораго видѣлъ г. Першинъ.

бонъ, увидѣвъ безпорядки, избилъ Догёдоя бывшимъ у него крюкомъ, окривилъ на одинъ глазъ и повредилъ ему ротъ и ногу. Все это происшествіе шаманъ копируетъ во время дѣйствія, дѣлаетъ прыжки, пляшетъ и скачетъ, кличетъ свою собаку Бурто, произнося: вту! вту! прикидывается кривымъ, хромымъ, косить ротъ, какъ-бы поврежденный, говорить вепонятными звуками, бормочеть, расхаживая между слушателями, разсказываетъ имъ о своемъ увѣчье, потомъ предсказываетъ будущее и проситъ угощенія.

Извлеченъ изъ рукописи покойнаго тайши баргузинскихъ бурятъ г. Сахарова: «Описание заселенія бурятами и тунгусами баргузинскаго округа».

II.

Самая первая шаманна.

(Ээн турунъхи одёгон),

Тысяча небесныхъ бурхановъ, сотворивши первыхъ людей, приставили къ нимъ караульнымъ коршуна, чтобъ онъ наблюдалъ, если бохолдой вздумаетъ сдѣлать людямъ какое-нибудь зло, чтобъ пришелъ и сказалъ имъ (бурханамъ) объ этомъ. Этотъ коршунъ, кружась, усѣлся на городьбу и дѣти этого человѣка хотѣли застрѣлить его. Тогда коршунъ возвращается къ бурханамъ и говоритъ: «Людей этихъ я не могу караулить, такъ какъ они хотятъ меня застрѣлить». Тогда бурханъ говоритъ: «Сходи и передай кому-нибудь свою чудодѣйственную силу!» Коршунъ, пришедши, заблудился одну худую девушку, пасшую овецъ, увелъ ее на разстояніе трехдневнаго пути, ввелъ въ лѣсъ и усыпалъ около колоды (около свалившагося дерева), самъ сѣлъ на колоду и передалъ этой девушки чудодѣйственную свою силу. Девушка, пробудившись, стала видѣть бохолдаевъ и угадывать впередъ худое и хорошее. Когда она возвратилась домой, старшій братъ началъ бить ее. «Гдѣ ты», говорить, «пропадала съ овцами цѣлыхъ трое сутокъ?» Она обидѣлась на него и погрозила ему. Братъ упалъ и захворалъ задер-

жанiemъ мочи. Худая девушка говорить ему: «Я тебя вылечу». Положивши его на бѣлый войлокъ, внесли въ юрту. Здѣсь она показала ему висящіе на столбѣ мужскіе половые органы и велѣла ему взять ихъ. Тотъ какъ только увидаль и взяль ихъ, тѣтчасъ выздоровѣль. Послѣ этого му бацаган (худая девушка) сдѣлалась шаманкой.—Утха (родъ) этой шаманки Шошолокъ.

Записано со словъ Гавриила Пянкина
о. Н. Затопляевымъ.

LII.

Булгата онгонъ.

Булгата-онгонъ—это была прежде большая шаманка у Монголовъ. Утха (родъ) ея Шошолокъ. Эта шаманка была сильнѣе всѣхъ шамавовъ и шаманокъ; имя ея Ханъ-Хамакша-утодой. У ней былъ мужъ Бурыхи-заринъ и сынъ Буша-заринъ. Желая испытать чубараго коня, она поднялась на немъ на вершину горы Шарсынъ. Тогда конь, осердившись, говорить: «Ты хотѣла меня испытать, поднимусь ли я на вершину этой горы. Я не только въ состояніи подняться на вершину этой горы, но могу даже вознестишь къ своимъ Шарайцамъ на Шара-Хасарь-Тэнгэри (желatoщее небо). Сказавши такъ, вознесся, оставивъ шаманку на вершинѣ горы. Послѣ этого шаманка поймала скачущаго по вершинамъ елей чернаго соболя и на немъ спустилась съ вершины горы. Шаманка эта, посль смерти, сдѣлалась Булгата-онгономъ. Сейчасъ этотъ онгонъ есть въ каждомъ бурятскомъ домѣ. Въ прежнія времена онгонъ этотъ дѣлали на соболѣ, теперь же замѣняютъ соболя ушканомъ, но всетаки втыкаютъ въ него носикъ соболя *).

Записано по бурятски со словъ Гавриила Пянкина П. П. Баторовымъ, переведено мисс. о. Н. Затопляевымъ.

*) Булган, «соболь»; булгата, «съ соболемъ».

LIII.

Буртэ-убугунъ.

Буртэ-убугунъ былъ шаманъ монгольской кости Хань-янъ. У него было два сына: Хоредой и Хортонъ. Эти два сына бѣжали изъ Монголіи къ намъ (въ заднюю страну). Затрудняясь взять съ собою дряхлаго отца и жалѣя его оставить тамъ, отрубили ему голову, повѣсили себѣ за спину и молились ему въ пути, какъ он-гому. Этого онгона и теперь дѣлаютъ изъ дерева буряты, происшедшіе отъ кости Ханъянъ.

Записано по бурятски со словъ Гавриила Пянкана П. П. Баторовыимъ, переведено мисс. о. Н. Затопляевымъ.

LIV.

Почему нѣкоторые буряты не ёдятъ селезенку и не бьютъ лебедей.

Хонходоръ, Хоредой, Хангинъ и Шарайдъ были одного происхожденія (одного сначала рода). Въ древнія времена одинъ охотникъ ходилъ по тайгѣ. Славныя три дѣвушки, дочери Хурмусты-тэнгрія, превратившись въ лебедей, спустились на землю и купались въ золотомъ озеркѣ (алтан нур). Этотъ охотникъ, увидѣвши ихъ, выкопалъ на берегу озера яму и спрятался въ ней (леїгъ). Потомъ, укравши одежду одной изъ трехъ купавшихся дѣвушекъ, всѣхъ ихъ испугалъ. Тѣ стремительно выскочили изъ воды. Две изъ нихъ, надѣвши свои одежды, вознеслись, а третья нагая не могла подняться. Онъ (охотникъ) взялъ ее къ себѣ домой и сдѣлалъ своей женой, а крылатую одежду ея спряталъ далеко-далеко; надѣль дымовыимъ отверстіемъ въ юргѣ устроилъ желѣзную решетку. Такъ жили они много лѣтъ, прижили тринадцать дѣтей. Жена все просила свою одежду, но мужъ не отдавалъ ей. Однажды жена и говорить мужу: «Теперь у насъ столько дѣтей, куда я дѣваюсь? для чего ты прачечь мою одежду?» Тотъ согласился, принесъ и

отдалъ ей ея одежду. Облачившись въ эту одежду, жена залѣзла на полку въ юртѣ (такъ дэрэ) и спрашиваетъ: «Какъ я хороша?» Мужъ говорить: «Старука стала, не охорашивайся». Забравшись на дымовое отверстіе, опять спрашиваетъ: «Какъ я хороша?» Мужъ говорить: «Нечего охорашиваться-то, ты вѣдь ужъ дряхлая!» Тогда та говоритъ: «Зэ, мэндээ! И такъ прощай! я была небеснаго происхожденія, а ты земнаго; я отправлюсь во-своиеси; одинъ изъ твоихъ сыновей будетъ шаманомъ и одна дочь—шаманкой, только ты не корми ихъ селезенкой!» и съ этими словами улетѣла. Но этому и до сихъ поръ потомки ихъ не бывали лебедей и не ёдятъ селезенки.

Записано по-бурятски со словъ Гавриила Пянкина П. П. Баторовыимъ, перевед. мисс. свящ. о. Затопляевымъ.

LV.

Преданія о переселеніи изъ Монголіи Бахака Ирбанова и
Адая съ прочимъ народомъ.

Междуд четырьмя халхаскими ханами одинъ былъ Сайнъ-ханъ. Къ этому хану пріѣхалъ въ гости его племянникъ Бушиктэ-ханъ и привелъ двухъ бѣгунцовъ Унаганъ-Шаргай и Хуряганъ-Шаргай. У Сайнъ-хана было тоже два бѣгунца Хи-хусэхэ-хэиръ и Хой-хусэхэ-хула (догоняющій вѣтеръ гнѣдой и настигающій погоду саврасы). Дядя съ племянникомъ устроили гулянку и ударились въ бѣги, поставивши въ закладъ по сту тысячъ подданныхъ (нижнѣй бум албатая табят). Бѣгунецъ Бушиктэ-хана выбѣжалъ и закладъ былъ взяты имъ. Когда Бушиктэ-ханъ уѣхалъ домой, Бахакъ Ирбановъ говоритъ Сайнъ-хану: «Проигранный закладъ надо возвратить. Нежели между столь многочисленными твоими подданными не найдется такой конь, который обѣжалъ бы бѣгунца Бушиктэ - хана?» Тотчасъ-же Сайнъ-ханъ приказываетъ своимъ подданнымъ привести самыхъ хорошихъ бѣгунцовъ. Одинъ изъ его подданныхъ семидесятилѣтний старикъ имѣлъ трехъ коней «убунконовъ»; на одного изъ нихъ сѣлъ, а двухъ привезъ за собой въ поводу спутанными, такъ

какъ на нихъ невозможно было сѣсть. Сайнъ-ханъ сирашиваетъ старика, почему онъ двухъ коней привезъ спутанными. Старикъ отвѣчаетъ: « Я старикъ сталь, вести ихъ не спутанными не могу; кони мои бѣгунцы». Собравши всѣхъ бѣгунцовъ, пустили ихъ. На малаго «убуника» при этомъ положили сорокъ пудовъ гирь, дали сѣдоку ножъ, велѣли ему, когда конь разбѣжится, отскакать по пути по одной гирѣ и бросать. Оба коня «убуники» обѣжали остальныхъ всѣхъ коней бѣгунцовъ. Сайнъ-ханъ, оставивши вмѣсто себя управлять царствомъ батора Бахака до тѣхъ поръ, пока не возвратится самъ, взялъ нѣкоторыхъ богатырей, двухъ коней «убуниковъ» и отправился къ Бушиктѣ-хану. Пріѣхавши туда, устроили гулянку и опять ударились объ закладъ бѣжать въ бѣгя. Когда отправились отпускать коней, богатыри обоихъ хановъ сговариваются: «Если выбѣжитъ конь Сайнъ-хана, Бушиктѣ-ханъ, какъ человѣкъ неспокойный, затѣть войну и битву (дайдажар татахо), а Сайнъ-ханъ человѣкъ смирный, богатый и имѣеть многочисленныхъ подданныхъ; если онъ и пробѣжитъ, такъ ничего». Пріѣхавши на мѣсто отпуска коней (на мѣту), двухъ «убуниковъ» задержали на долго и отпустили ихъ только тогда, когда бѣгунецъ Бушиктѣ-хана былъ уже далеко. Не смотря на это, «убуники» прибѣжали впередъ. Когда нужно было получать закладъ, Бушиктѣ-ханъ осердился и говорить: «Я не отдамъ закладъ, такъ какъ вы, когда я былъ у васъ, съ намѣренiemъ спрятали отъ меня этихъ бѣгунцовъ, чтобы сорвать съ меня потомъ бѣльшій закладъ». Засадилъ Сайнъ-хана въ тюрьму и заставляетъ сдѣлаться его подданнымъ. Послѣ трехсугодичного тюремнаго заключенія Сайнъ-ханъ говоритъ: «Ну, хорошо. Я буду твоимъ подданнымъ, только дайте мнѣ возможность видѣть одного вашего и одного моего богатыря; я пошлю ихъ сказать, чтобъ перекочевали сюда и всѣ остальные мои подданные». Тогда Сайнъ-ханъ говоритъ этимъ двумъ богатырямъ: «Скажите моей женѣ, что я вошелъ въ подданство Бушиктѣ-хана, что я лежу на черной шелковой постели и одѣваюсь синимъ шелковымъ одѣяломъ, что караулить меня небес-

ные звѣзды и что я изъ такого хорошаго мѣста не возвращусь домой; пусть возьметъ изъ табуна дикаго жеребца, привяжетъ и выстоитъ его; пусть принесетъ въ жертву огню изъ овечьяго стада, находящагося тамъ, чужаго барана и со всѣми поддаными кочуетъ сюда». Эти два богатыря, пришедши къ царицѣ Сайнъ-хана, рассказали ей всѣ эти слова. Тогда жена Сайнъ-хана велѣла привязать жеребца, а чужаго барана въ стадѣ не могутъ найти. Бахакъ же, слышавшій все это, сказалъ: «Вы не такъ поняли сказанное; черная шелковая постель — черная земля, синее шелковое одѣяло — синее небо, небесныя звѣзды — войско чужаго царя; ходящимъ въ табунѣ жеребцомъ (Сайнъ-ханъ) называетъ меня, а чужимъ бараномъ называетъ этого пришедшаго Бушкѣтэ-ханова богатыря». Согласившись съ этимъ объясненіемъ Бахакъ, убили и сожгли Бушкѣтэ-ханова богатыря. Затѣмъ Бахакъ, предводительствуя войскомъ, отправился за Сайнъ-ханомъ. Видя идущее войско безъ знамени (тук угэй), рѣшили, что оно кочуетъ. Войско подошло къ тюрьмѣ, разломало ее совсѣмъ, выручило Сайнъ-хана и возвратилось домой. Здѣсь устроили гулянку. Во время гулянки одна изъ женъ Сайнъ-хана говорить ему (сплетничаетъ), что Бахакъ, въ отсутствіе его, сошелся съ одной изъ его женъ. Сайнъ-ханъ не повѣрилъ этой сплетни. Тогда жена снова говорить: «Завтра или послѣ завтра ты самъ убѣдишься, что я не лгу тебѣ». Послѣ этого, когда Бахакъ пьяный спалъ въ улусѣ, эта сплетница украла его унты^{*)} и ими наслѣдила около помѣщенія заподозрѣнной (оклеветываемой) жены и привела сюда Сайнъ-хана, чтобы онъ осмотрѣлъ ихъ. Увидавъ слѣды, Сайнъ-ханъ отправился разыскивать Бахака. Находить его въ одной юртѣ спящимъ, будить его и спрашиваетъ: «Куда ты ходилъ этой ночью? Тотъ отвѣчаетъ, что никуда не ходилъ. Ханъ начинаетъ тѣснить его: «Если-бъ ты, говорить, никуда не ходилъ, то какъ явились бы твои слѣды около помѣщенія моей жены». Тогда Бахакъ сказалъ: «На глубинѣ нѣть брова, въ поклѣпѣ нѣть словъ къ оправданію» (гүндэ олом угэй, гүжэртэ хур угэй). Сайнъ-ханъ засадилъ

^{*)} Сапоги изъ оленыхъ шкуръ шерстью вверхъ.

Бахака въ тюрьму, угрожая снести ему голову. Услышавши это, дядя Бахака по матери (нагаса), надѣвши лукъ и стрѣлы (колчанъ), поспѣшно приходитъ къ хану и говоритъ: «Когда тебя задержалъ Бушинкѣ-ханъ и хотѣлъ тебѣ снести голову, Бахакъ выручилъ тебя, а ты теперь хочешь его, моего единственного племянника, казнить за одну первую вину! я прострѣлю насквозь подъ твоей красной мышкой!» И натянулъ лукъ. Тогда Сайнъ-ханъ говоритъ: «Постой, не отпускай оно (ушко стрѣлы, т. е. не стрѣляй), выслушай, что я скажу тебѣ! Я, какъ царь, по царскому закону взялъ его и заперъ. Законъ я измѣнять не буду, но вмѣсто головы подрѣжу ему большой палецъ и такъ выпущу его». Когда подрѣзали Бахаку большой палецъ, онъ вмѣстѣ со своимъ нагасомъ (дядей по матери) Адаемъ началъ пьянствовать; были они пьяны день и ночь, кололи скота и превращали мясо въ муку. Видя это, народъ дивился имъ: «Не голодъ ли они предчувствуютъ?»

Тогда Енгуты девять сыновей, выкурившіи по три котла тарасуна и заколовши по три барана, созвали Бахака и Адая и угождали ихъ. Вышивши и сѣвши все это, они говорятъ: «А все таки мы, ванъ, теперь ничего не скажемъ!» И такъ, не сказавши ничего, возвратились домой. На другой разъ эти же Енгутовы сыновья, выкурившіи по девяти котловъ тарасуна и заколовши по девяти кладеныхъ барановъ, опять приглашаютъ Бахака и Адая и угождали ихъ, собравши при этомъ много народа, разсчитывая выпытать отъ нихъ (т. е. отъ Бахака и Адая) тайну (слово). Угощаясь такъ, они говорятъ: «Нашъ ханъ проанившился отсѣкаетъ головы, а русскій царь наказываетъ розгами. Пойдемте отсюда въ подданство къ Бѣлому русскому царю! Прежде всего устроимте облаву (зактѣ-аба). Этой облавой*) будемъ искать старого бѣлаго изюбря, у которого единственный рогъ; когда мы найдемъ его, не убивая его самаго, отстрѣлимъ ему этотъ рогъ и отнесемъ его къ Сайнъ-хану».

*) Зактѣ-аба предъ набѣгомъ изъ Монголіи, надо полагать, была устроена, чтобы замаскировать предъ Сайнъ-ханомъ сборы къ побѣгу; сборъ на зактѣ-аба былъ подготовкой къ эмиграціи.

И такъ нашли такого изюбря, но не находится человѣка, который бы отстрѣлилъ его рогъ. Тогда Бахакъ говорить: «Хотя у меня и подѣланъ большой палецъ, но я и костянымъ пальцемъ выстрѣлю!» Отстрѣливаетъ рогъ, приносить его къ Сайнъ-хану и говорить: «Возьми Сайнъ-ханъ добычу! Этого единственнаго рога лишился старый бѣлый изюбрь; послѣ этого на что онъ будетъ надѣяться? Сайнъ-ханъ, разставшись съ первымъ тушимэломъ *), на кого будетъ полагаться? Сказавши такъ, поспѣшилъ вышелъ. Пришедши домой, набралъ, кроме девяти Енгутовыхъ сыновей, еще много народа, забрали скота и отправились въ предѣлы царства Бѣлага русскаго царя, въ степь Аларскую, черезъ Дарьинскій проходъ кругомъ Байкала. Когда проходили черезъ Дарьинскій проходъ, предводительствовала большая пѣгая кобыла.

Записано по-бурятски со словъ Гаврила Плякина И.П. Батеровымя; перевѣль мисс. свящ. Н. Затопляевъ.

LVI.

Преданіе о валѣ Чингисъ-хана **).

Чингисъ-ханъ съ своимъ войскомъ подступилъ къ Пекину. Нѣсколько дней и ночей онъ поджигалъ городъ; въ это-же время

*) Тушимэль—вельможа, чиновникъ.

**) По народному повѣрю ни начало, ни конецъ этого вала не известны. Говорить, что продолженіе его находить даже около Семипалатинска. Ширина рва, сопровождающаго валъ, такова, что по дну его можетъ свободноѣхать тройка лошадей съ телегой. Земля изъ рва вѣдь выкидана на восточную сторону т. е. валъ какъ-бы защищаетъ страну съ восточной стороны. На сколько глубокъ бытъ ровъ и высокъ валъ, обѣ этомъ можно судить по тому, что и въ настоящее время за этой защитой можетъ скрываться лошадь. По западной сторонѣ вала идутъ городки т. е. квадратныя насыпи, которые имѣютъ входы тоже съ западной стороны. Эти городки расположены вблизи источниковъ. Направленіе вала совершенно прямое; если онъ встрѣчается на пути гору, онъ преломляется подъ угломъ и опять идетъ прямой линией. Лѣтомъ 1889 г. А. К. Кузнецова осматривалъ развалины главнаго Кондуйскаго городка; по слѣдамъ его и мы пришлись пройти. Главное зданіе было окружено различными постройками; некоторые расположены полуокругомъ въ разстояніи цѣльскихъ десятковъ саженъ отъ главнаго. Стѣны были сдѣланы изъ бусаго, очень крѣпкаго кирпича. Въ основаніи главнаго зданія лежали квадратныя гранитныя камни съ правильно высѣченными кругами. Нашлось много довольно изящной работы обломковъ, между которыми попали обломки дракона. Руло рѣки было подведенено къ строеніямъ искусственно. Обработка камней производилась верстахъ въ 30 или 40 къ юго-западу.

другой отрядъ его захватилъ десять тысячъ барановъ, тысячу коровъ и тысячу лошадей; вмѣстѣ съ этимъ было захвачено тысяча человѣкъ. Начальникъ отряда спросилъ хана, что сдѣлать съ добычей. Тогда ханъ ярикался животныхъ отдать его отряду, а людей убить. Не успѣли еще выполнить ханскіе повелѣнія, какъ у хана заболѣли зубы. Были для поиска лекаря отправлены гонцы въ разныя стороны, но во всемъ Пекинѣ не нашлось лекаря, который-бы взялся лечить зубы хана. Только что вернулись гонцы изъ неудачныхъ поисковъ, какъ одинъ изъ плѣнныхъ заявилъ желаніе лечить хана, но съ условіемъ, чтобы ему было позволено на-передъ поговорить съ ханомъ. Ханъ далъ согласіе. Приведенный къ хану плѣнникъ сказалъ ему: «У тебя, ханъ, болитъ одинъ зубъ, и то ты отъ страданій не знаешь покоя, какъ-же переносить страданія намъ, твоимъ плѣнникамъ, которымъ ты нанесъ глубокія раны, раззоривъ насъ и разлучивъ съ женами и дѣтьми? Скажи мнѣ ханъ, легко-ли намъ это переносить?» Ханъ умолялъ плѣнника излечить зубную боль и обѣщалъ въ свою очередь облегчить участіе плѣнныхъ. Искусствомъ плѣнника зубная боль прекратилась и ханъ отпустилъ весь полоненный народъ, возвративъ имъ отнятое у нихъ имущество.

Послѣ выздоровленія Чивтисъ-ханъ отступилъ отъ Пекина и двинулъся на югъ, гдѣ, разоривъ страну, онъ сильно обогатился. Разбогатѣвъ, онъ задумалъ у Солнечнаго царя взять дочь въ жены; для этого съ громаднымъ войскомъ онъ двинулъся на юго-востокъ. При войсکѣ находился стрѣлочъ, который за сто ночей убивалъ. Путь войска лежалъ черезъ падъ Урулентгуй и устье настоящаго Кондуя. Въ 30 верстахъ отъ Кондуя, около ключа Кольтанъ, оно остановилось. Во время стоянки охотникъ увидѣлъ парившаго надъ нимъ орла, взялъ лукъ и убилъ его. Тогда враги охотника воспользовались этимъ случаемъ и сказали хану, что онъ убилъ птицу, которая покровительствовала походу и что теперь не будетъ благополучія для войска, омытаго кровью благородной птицы. Ханъ раз-

гнѣвался и приказалъ стрѣлка закопать въ землю въ 8 верстахъ оть Кондуя къ югозападу (и сейчасъ тутъ есть пропасть въ горѣ). Оставилъ стрѣлка закопанаго по горло въ землѣ, ханъ двинулъ дальше. Не доходя до Солнечнаго царя, онъ отправилъ впередъ одинъ отрядъ, но у Солнечнаго царя была старуха, которая за девяносто девять ночей поражала людей однимъ словомъ. Когда отрядъ подошелъ на разстояніе девяносто девяти ночей, она поразила ихъ словомъ. Былъ посланъ второй отрядъ и тотъ былъ пораженъ. Но наконецъ люди третьаго отряда узнали причину пораженія первого и втораго отрядовъ и донесли хану. Они сказали ему: «Если мы пойдемъ, то и съ нами это-же можетъ случиться, когда станемъ на разстояніи девяноста девяти ночей». Въ это только время ханъ вспомнилъ о стрѣлкѣ, который могъ-бы поразить старуху за сто ночей. Тогда онъ повернуль обратно, чтобы спасти стрѣлка. Его нашли еще живымъ и выгребли. Но стрѣлокъ истощился и силы его были слишкомъ слабы. Для поправленія силъ стрѣлка ханъ остановился при устьѣ Кондуя. Проживъ здѣсь три года, онъ двинулъ снова въ походъ противъ Солнечнаго царя, оставилъ по себѣ постройки вблизи Кондуя. Старуха на этотъ разъ была поражена стрѣлкомъ, а дочь Солнечнаго царя похищена. Когда повезли дочь Солнечнаго царя, то она сказала, чтобы во всю дорогу была защита съ восточной стороны; это нужно было для того, чтобы не могъ ихъ сжечь Солнечный царь. Чингисъ-ханъ велѣлъ проложить валъ, глубокіе слѣды котораго видны и по настоящее время.

Записано К. Д. Могилевскимъ, учителемъ станицы Размахинской въ Забайкальской области.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Помѣщенный въ этомъ выпускѣ материалъ преимущественно собранъ, какъ и въ предыдущемъ (Записки Восточно-сиб. Отдѣла по этнографії, т. I, в. 1), у сѣверныхъ бурятъ и именно только въ двухъ вѣдомствахъ Аларскомъ и Балаганскомъ; главными вкладчиками были, какъ и рабѣ, три человѣка: П. П. Баторовъ, б. Н. И. Затопляевъ и М. Н. Ханталовъ. Изъ Забайкалья на этотъ

разъ явилось нѣсколько новыхъ лицъ, приславшихъ запись: И. В. Вамбочерановъ, Ю. Л. Лумбуновъ, Р. Н. Комтоевъ и К. Д. Логиновскій.

Въ прошломъ выпускѣ («Бурятскія сказки и повѣрья») вкрадась ошибка. На стр. 118 помѣщенъ разсказъ о кости сарь. Словомъ сарь называется не кость, не первый шейный позвонокъ, какъ таъмъ сказано, а мясо на шейныхъ позвонкахъ; разсказъ записанъ въ с. Каракаръ, а не Каракасъ. На стр. 147 сказано, что слова агу и абаха не извѣстны бурятамъ. По объясненію г. Хангалова агуй (агу напечатано не правильно) значить «высокая гора». Абахай (абаха напечатано неправильно) сказочное выраженіе, означаетъ «красавица».

Относительно настоящаго (2-го) выпуска нужно замѣтить, что способъ передачи бурятскихъ звуковъ русскими буквами, разнообразный у нашихъ записывателей, у насъ не приведенъ къ единству; такъ густое г (ж, жг, h) въ текстахъ г. Хангалова обозначено буквой х съ двумя точками; за неимѣніемъ такой литеи въ шрифтахъ типографіи, мы замѣнили ее курсивнымъ х; тотъ-же звукъ у г. Пирожкова обозначенъ апострофомъ, а у о. Затопляева сложнымъ гх. За неимѣніемъ необходимаго шрифта мы не могли также обозначить долгія и короткія гласные. Курсивный же вместо носового н.

I. Алтанъ-шагай-мерынъ. Эпизодъ о битвахъ съ мангатхаями представляетъ параллель такому-же эпизоду (о битвѣ съ мангысами) въ дюрбютской былинѣ обѣ Иринъ-сайнѣ (Очерк с. в. Монг., IV, 455). Въ дюрбютской былинѣ этотъ эпизодъ также начинается нахожденіемъ письма въ очагѣ; и также заканчивается уничтоженіемъ утробного сына жены мангыса. На ту-же дюрбютскую былину указываютъ темы о ветрѣчѣ съ сыномъ (въ Иринъ-сайнѣ съ племянникомъ) и о дождѣ, начавшемся по молитвѣ богатыря, только въ дюрбютской былинѣ тема о ветрѣчѣ съ племянникомъ помѣщена вѣ (до) эпизода о битвахъ съ мангысами. Наоборотъ, тема о дождѣ, стоящая въ бурятской сказкѣ вѣ эпизода о битвахъ съ мангатхаями, въ дюрбютской помѣщена внутри соответствующаго эпизода (Оч., IV, 461). Дождь или пенастѣ призываются для того, чтобы заставить спуститься съ поднебесныхъ высотъ птицъ, въ которыхъ заключается душа мангыса. Дождь низводится посредствомъ дзада, а не посредствомъ молитвы къ Эсагэ-малану, какъ въ бурятской.

Принужденіе матери открыть тайну обѣ отцѣ и обжиганіе ея руки см. въ киргизской сказкѣ о Козу-Курнешѣ (Radloff, Prob., IV, 14). Этническая фраза: «смотреть вверхъ, смеяться, смотреть внизъ, плачать», повторяющаяся въ бурятской сказкѣ два раза (стр. 4 и 15), находится также въ одномъ сказаніи о Чингисѣ (Алтанъ-тобчи, стр. 13) и въ одной монгольской сказкѣ (Оч., IV, 397).

Ср. также въ «Бурятск. сказкахъ» (Записки Отдѣла по этик., I, 38). Заключеніе былины с Сокто-мергынѣ мнѣ кажется сбитымъ. Сокто привезъ голову бабы Мойсъ-хара; Гесэръ говорить ему, что два богатыря, которыхъ онъ бросилъ въ яму, пригодятся. Чуть-ли это не смутные остатки первоначальной редакціи, въ которой вѣроятно заключался упрекъ за то, что богатырь отрубилъ бабѣ голову, а не доставилъ бабу живою. Въ монастырѣ Гумбумѣ (въ Амдо) я записалъ отъ хукунорской одетки (калмычки) сказку о Батырѣ-муусѣ, который убиваетъ злого Цоктай-хана, привозить голову его къ Далай-ламѣ и получаетъ отъ послѣдняго упрекъ: «Напрасно ты убилъ Цоктай-хана; нужно было-бы достать его живаго. Онъ зналъ много сїедствъ, которымъ можно было-бы у него поучиться» (сказка эта еще не напечатана). Вѣроятно эта-же сказочная тема вторглась въ историческіе памятники степей южной Россіи, именно въ разсказъ о ханѣ Тохту, который упрекаетъ «русскаго» за убієвіе Ногая и казнить его. (Он. Тивенгаузенъ, Сборн. матеріаловъ, относящихся къ ист. Золотой Орды, т. I, Спб., 1884, стр. 113). Та-же фраза въ якутскомъ сказаніи о Тыгынѣ (см. Записки Отдѣла по этик., т. I, в. 3-й, стр. 53). Муусъ есть тюркск. произношеніе монгольского мангысъ; изъ муусъ въ бурятскомъ явились Мойсъ.

Агуй, первый членъ въ имени богатырской лошади, «гора», какъ объясено выше. Имя богатыра Жоргодая сама сказка этимологизируетъ отъ бурятского названія большого пальца (нѣм. Daumen) эрхэ; богатырь имѣлъ шесть эрхэ-хуру, «шесть большихъ пальцевъ». Число шесть намекаетъ на Плеяды, у которыхъ жители Монголіи и южной Сибири обыкновенно насчитываютъ шесть звѣздъ. Эпитетъ Жоргонтайши эрхэтай повидимому тавтологіч; не указываетъ-ли оно на то, что имя Эрхэ придавалось Плеядамъ. Ср. якутские названіе Плеядъ: Ургяль.—Имя сына мѣсаци въ одномъ случаѣ въ рукописи написано Гхагалъ, въ другомъ Гхаганъ. Ногонъ-соѣ по-бурятски «Зеленый камъ». Альтанъ-тергенъ, «Золотая телега» упоминается въ монгольскомъ сказаніи о Гесэрѣ; покрайней мѣрѣ въ вариантахъ, записанныхъ мною въ Ордосѣ, такъ называется одна изъ эрдени, «драгоценностей», похищенныхъ Гесэромъ у своей матери (находящейся на небѣ). Гора Сокто-Сумбыръ есть Сумеръ-ола монгольскихъ сказокъ; б вставлено въ томъ-же родѣ, какъ киргизы вставляютъ тотъ-же звукъ въ монгольское слово, сумэ, «храмъ», сумѣ; какъ амдоскіе широнголь-монголы говорятъ амбырана, « успокоиться, отдохнуть, вмѣсто монгольского амурана. Вѣроятно Хомбрѣ-ола (см. выше стр. 99, 102) есть вариантъ этого имени; имя Сумбыръ или Сумбуръ местами локализировалось въ Монголіи; въ странѣ къ з. отъ оз. Касогода есть гора Сумбуру (Он., I, 272); въ южной Монголіи въ Алашавѣ Баинъ-цумбуръ (на картахъ приложенной къ путешествию Пржевальского: «Монголія и страна тангутовъ», т. I); не то-ли-же имя является въ формѣ Субуръ-ханрханъ или

Субурганъ-ханъханъ? такъ называется гора, изъ которой вытекаетъ Орхонъ. У Радлова, II 594, 608 гора Субур; Катановъ (Указатель къ П. т. Proben, стр. 70) припоминаетъ при этомъ Рашидъ-эддиновское Сибирь, т. е. Сибирь (Азиатская Россія). На Каталанской картѣ 1375 г. именемъ Sebur обозначены горы, изъ которыхъ береть начало восточная вершина Волги (т. е. Уральский хребетъ). Имя мангатхай буряты часто произносятъ: мангасхай; въ рукописи о. Н. И. Затопляева обѣ формы чередуются безразлично.

Небесная дѣва, невѣста Алтанъ-шагая, названа Иренъ-тарбажи, «пестрый степной орелъ»; чтобы улетѣть въ небо, она оперяетъ себя орлиными перьями. Въ другихъ сказкахъ это дѣлается при помощи лебядьей шкурки. Небесные дѣвицы, владѣющія подобнымъ свойствомъ, въ монгольскихъ и уральскихъ сказкахъ называются нарицательнымъ дагине. Въ бурятскихъ сказавіяхъ (см. Аган. и Хангал., Матеріалы въ «Извѣст.», т. XIV, № 21—2, стр. 17) есть дѣвица Хундангина (хунъ-дангина?), но о лебединой ея природѣ въ указанной статьѣ ничего не сказано; это дѣвица, похищенная мѣсацемъ.

Въ одной дархатской сказкѣ (Оч., IV, 530) дѣвица, дочь одного царя, носить имя Хунъ-тайжи. Хунъ въ этомъ имени вѣроятно есть монгольское хомъ, «лебедь», но на лебединую одежду намека въ сказкѣ нѣть. За то въ легенду о Хунъ-тайжи, помѣщенную въ Оч., II, 106, входитъ тема о людяхъ, обращающихся въ птицы. Имя Хунъ-тайжи встрѣчается въ соединеніи съ Дегуренгъ-Дегуреягъ-Хунъ-тайжи (Алтанъ Тобчи, 40); такъ называнъ взять Элбекъ-хана, котораго тесть убиваетъ, чтобы присвоить его жену. Съ образомъ дѣвы-лебеди въ Азіи соединялся и демонический характеръ; см. Катановъ, Алфав. указатель собств. именъ, встрѣчающихся въ II т. Образцовъ, собр. В. Радловымъ, Спб., 1888. стр. 43. Tokorung, toxogang по бурятски «журавль» (Castrén, Versuch ein. Bar. Sprachlehre, 201). Въ якутскихъ сказкахъ часто небесные дѣвицы слетаютъ на землю играть въ видѣ стерховъ, Grus leucogeranus (Зап. Отдѣла по эти., т. I, в. 3, стр. 74—79, 85 и др.).

III. Шено-баторъ. Когда сказание о Шено было уже напечатано, о. Затопляевъ приспалъ слѣдующее дополненіе къ ранее доставленному имъ варианту.

Въ то время какъ Шено-баторъ входилъ въ подданство русскаго царя войско русскаго царя сражалось съ войскомъ какой-то иностранной царицы (русскимъ царемъ была тоже царица). Войско иностранной царицы лежало на облакахъ и оттуда стрѣляло и убивало. Пришедши на мѣсто стоянки русскаго войска, Шено-баторъ вошелъ на вершину горы и, выстрѣливъ от-

туда въ начальника чужаго войска, убиль его. Осматривая этого упавшаго на землю богатыря, увидѣли, что кожа на его головѣ въ аршинъ толщиной. На слѣдующій день Шоно-баторъ опять застрѣлилъ одного изъ начальниковъ чужаго войска. На третій день идетъ сюда съ своимъ войскомъ сама чужестранная царица и говоритъ: «Кто это убиваетъ моихъ богатырей?» Тогда Шоно-баторъ спрашивается свою царицу: «Какъ май поступить? Если убить эту царицу въ голову, царскому роду будетъ худо; убить ее по серединѣ, войску и народу будетъ худо, а если выстрѣлить по ногамъ, худо будетъ стрѣлявшему». На это царица сказала ему: «Самъ знаешь!» Тогда Шоно-баторъ рѣшаеть такъ: «Пусть-же родъ царскій, войско и народъ будутъ вѣчны! а моя жизнь бобыли кому нужна? Стрѣляеть ее (чужестранную царицу) по ногамъ, которыя и падаютъ на землю. Царица-вѣдьма, умирая на облакахъ, поетъ:

Не сокрушишую кость мою сокрушишан,
Въ какой странѣ сдѣланная стрѣла?
Не замаравшееся въ моей струившейся крови,
Какой птицы перо *)?
На неприступное тѣло мое дерзнувшій (стрѣлявшій),
Ханскій-ли ты сынъ или сынъ простаго человѣка?

На это Шоно-баторъ отвѣчаетъ:

Стрѣла, сокрушившая не сокрушимую кость твою
Сдѣлана въ странѣ Шорголзонъ-хана,
Не замаравшееся въ твоей струившейся крови перо—
Перо птицы Тотъ.
На неприступное тѣло твое дерзнувшій—
Сынъ Хонъ-Тайжія, Шоно-баторъ.

На это баба вѣдьма опять запѣла:

Милую жизнь свою не щадящій,
Жалкій ты бѣдняжка!
Дерзкое тѣло твое
Да превратится въ черный камень!

На это Шоно-баторъ опять зацѣль:

И хотя и сдѣлалъ чернымъ камнемъ,
Одѣнусь въ лисью доху
И останусь съ хаскимъ достоинствомъ на вѣки вѣчные!
А ты, ругательница вѣдьма, не знаешь,
Какъ пропадешь и какую о себѣ оставишь память!

(Записано со словъ бурята Гаврила Плякина П. П. Баторовыемъ, переведено мисс. о. Н. Затопляевымъ).

*) Здѣсь разумѣется опереніе стрѣлы.

Мисс. о. Н. Затопляевъ.

См. у Радлова, Proben, I, 206 и II, 380; въ Очеркахъ, IV, 309. Сидѣніе въ ямѣ и стрѣланье по колѣнамъ старухи колдуны оближаетъ Шоно съ Тасъ-хара (Бурятск. сказки, Зап. Отдѣла по эти., в. I, стр. 109) и съ Хасаромъ (Алтанъ-тобчи, 24; Сананъ-Сацэнъ, 99). Шоно умеръ, не оставилъ потомства по тому, что такая судьба ожидала всякаго, кто попадеть стрѣлой въ колѣни колдуны. Въ Алтанъ-Тобчи (стр. 27) старуха, раненая Хасаромъ въ колѣно, умирая, такъ проклинала богатыря: «Потомки Хасара мужескаго пола да будутъ любими рачами, потомки женскаго пола да будутъ оставляемы мужьями своими». Въ Ордосѣ я слышалъ о Хасарѣ, братѣ Чингиса, что онъ умеръ безъ потомства. Книжные сказанія, однако, называютъ его сыновей и выводить отъ него племя Корчинъ.—Эпизодъ о трехъ собакахъ Хунъ-Тайжія встрѣчается также въ № XLIII.

VI. Сирома-парень. Ср. въ Оч., IV, 241 и 246. Съ концомъ сказки о ламѣ, обратившемся въ турмана: ср. Бурятск. сказки (Зап. Отдѣла по эти. в. I), стр. 123, (№ 33). Ср. также въ Очеркахъ, IV, 261 и 273, № 51, вар. i и № 54. вар. i. Въ одномъ изъ вариантовъ сердце раскаявшагося людоѣда, махачи, превращается въ статую Майдари; также и въ легендахъ, которую я записалъ въ Амдо: мясникъ, ужаснувшись своего ремесла, становится богомъ Шянба (тибетское имя Майдари). Чоканъ Валихановъ записалъ о Большой Медведице, Джеты Каракчи, киргизское повѣрье, что это души семи разбойниковъ, которые днемъ воровали, а ночью наялись въ грѣхахъ, за что и были обращены послѣ смерти въ звѣзды (Очерки с. я. Монг., IV, 784).

VII. Человѣкъ и барсъ. Разсказъ о состязаніи въ силѣ напоминаетъ вояцкую легенду о братьяхъ, пробовавшихъ силу пинаніемъ кочки, растущей на берегу рѣки. Одна изъ братьевъ перехитрила—предварительно тайкомъ подрѣзала кочку (Оч., IV, 827).

IX. Гости ложника. Отъ чечена (собственно ингуша), сославшаго съ Кавказа въ Иркутскъ и служившаго здѣсь сторожемъ въ музѣй, я записалъ съдѣдующую чеченскую сказку. Было семь братьевъ; старшаго изъ нихъ звали Солданъ, младшаго Батачъ. Батачъ былъ хитрый. Семь братьевъ воевали со всѣми, не разбирая, русскіе-ли-то были или свои чеченцы; потомъ поссорились между собой и раздѣлились. У старшаго брата Солдана былъ дикий, пакостный бѣлый быкъ; Солданъ потерялъ его. Долго Солданъ ищетъ его, но не можетъ найти. Кто-то ему сказалъ, что его быка зарѣзали и сѣвъ младшій братъ Батачъ. «Вечеромъ ты еще застанешьъ», говорить ему, «какъ

два сына Батаковы будуть варить мясо твоего быка». Солцанъ действительно захватилъ двухъ сыновъ Батака и бросилъ обоихъ въ котель съварившимся мясомъ. Ни кому не было известно, что у Батака было два сына. Батакъ похоронилъ дѣтей секретно, такъ что никто не узналъ, что они были. Послѣ этого случая съ быкомъ вся семья братьевъ жили три года смириенно, ни между собой, ни съ посторонними не скорились. Батакъ говорить братьямъ: «Я знаю, гдѣ доставать золото и богатство. Мы вотъ три года не воюемъ послѣ того, какъ потерялся быкъ. Давайте воевать!» Братья согласились и составили общество изъ шестидесяти человѣкъ. Пошли. Дорогой Батакъ съ шестидесятью товарищами остановился на почегъ на ровномъ мѣстѣ безъ воды, безъ травы; ни коню, ни человѣку нѣть ни пить, ни есть. Товарищи стали просить Батака, чтобъ онъ досталъ имъ пить и есть. «Жара», говорить, «пить хотимъ!» «Недалеко есть лѣсъ, лустарники; тамъ есть вода!» говорить Батакъ. А тамъ жила лэшибъ (волшебница). По разсчету Батака она должна была погубить шестьдесятъ его товарищей. Солцанъ спрашивается у Батака, куда они ушли. Батакъ говоритъ: «Они ушли въ лѣсъ; тамъ холодная вода есть; тамъ хорошо и вотъ они замешкались. Вѣрно сѣли Богу молиться или легли снать. Можетъ быть и ты сходишь туда?» Ущелье и Солцанъ. Остался Батакъ одинъ. Пошелъ Батакъ домой и думаетъ: «Надѣну трауръ по братѣ». Идетъ. На встрѣчу ему лисица (пѣгыл) и говоритъ: «Какъ-же ты такое убийство совершилъ, роднаго брата погубилъ! Что ты за извергъ!» Батакъ смущился и думаетъ: «Что-же мнѣ дѣлать? Пойду и я къ нимъ». Пошелъ. Лэшибъ привязала и его. Солцанъ говоритъ Батаку: «Ты знаешь много, знаешь, что будетъ впередъ. Сдѣлай что-нибудь, чтобы намъ спастись. А не то лэшибъ сѣсть настъ всѣхъ!» Батакъ говоритъ: «Лэшибъ! ты настъ сѣйши, все равно. Но позволь намъ сказать тебѣ только три слова!» Лэшибъ говоритъ: «Можешь, сколько хочешь». Тогда Батакъ началъ говорить: «Быть очень дикий быть, который живъ въ лѣсу; никто не могъ его усмирить. Его унести на гору арау (орелъ?). Всѣ птицы собрались и стали просить арау, чтобы онъ не поганилъ гору. «Ты будешь грызть, будешь течь на землю кровь; начнешь потомъ гнить, будешь вонь. Унеси твою добычу подальше!» Арау отнесъ быка на ровное мѣсто. И тамъ къ нему собрались птицы и просятъ, не можетъ ли онъ унести быка куда-нибудь подальше. Куда ни принесетъ, вездѣ просить унести подальше. Арау увидѣлъ, пастухъ пасетъ барановъ; былъ тутъ одинъ большой баранъ; арау сѣлъ на его рога, положилъ быка поперегъ роговъ и сталъ есть; другаго мѣста ни гдѣ не нашелъ. Щѣль, щѣль и уронилъ лопатку. Подъ бараномъ въ это время спалъ старикъ пастухъ. Лопатка попала ему въ глазъ. Думая, что въ глазъ попала соринка, старикъ пошелъ домой. Три человѣкъ взялись за

лопатку и вытащили ее изъ глаза, положили лопатку на степи. На ней выстроилось триста домовъ. Пришла лисица и стала грызть лопатку; ей показалось вкусно и она потащила лопатку. Увидѣла лисицу охотникъ и убилъ ее. Лежить лисица; жители, жившіе на лопаткѣ, вышли изъ домовъ, но не могли перевернуть лисицу. Сняли шкуру съ одной верхней половины тѣла, всѣмъ вышло по шубѣ. Одна старая вдова пошла за водой съ ковшомъ, увидѣла лисицу, толкнула ее ковшомъ, перевернула; сняла съ другого бока шкуру, ей вышла всего одна щуба да и та безъ рукавовъ. Разсказавъ это, Батакъ спрашивается: «Кто же сильнѣе: аразу, баранъ, пастухъ, лисица или вдова?» Шестьдесятъ лэшиловъ стали между собой спорить; одинъ говорить быкъ, другой пастухъ, третій лисица, четвертый баранъ. Стали драться и перерѣвали другъ друга. Связанные остались одни. Батакъ взялъ своихъ людей и возвратился домой. Солдантъ говоритъ ему: «Я хотя убилъ твоихъ сыновъ, но я ихъ оживлю». Солдантъ дѣйствительно досталъ ссадобье и ожидалъ сыновъ Батака.—Разсказчикъ объяснялъ, что шестьдесятъ Батаковыхъ товарищъ назывались Рхистай (Рхстай).

Сказку эту мнѣ передалъ ингушъ на вопросъ: не знаетъ ли онъ чеченскаго преданія о Хорсѣ или гонимомъ мальчикѣ, который прятался въ лѣсу (Сборникъ свѣден. о кавк. горцахъ, вып. VIII, ст. «Ингушки», стр. 26—27). Сначала ингушъ рассказалъ мнѣ слѣдующее: Грузинскій царь Иракъль гналъ одного мальчика по имени Рхстой. Мальчикъ бѣжалъ и укрылся въ неприступной горѣ. Онъ и теперь тамъ, но къ нему никакъ нельзя дойти. Это гора вправо отъ военно-грузинской дороги, къ ю. отъ Владикавказа, покрытая вѣчнымъ снѣгомъ (т. е. Казбекъ, по осетински Чрести-хохъ, «Христова гора»). На мою просьбу разсказать подробнѣе исторію гонимаго, ингушъ рассказалъ мнѣ исторію о Солдантѣ и Батакѣ.

X. Сотвореніе мира и человѣка. Въ алтайскомъ сказанияхъ творцу Ульгеню докончить твореніе помогаетъ Сешибиль, который потомъ получаетъ имя Майдари (о. Ландышевъ, «Космогонія и эөогонія алтайскихъ язычниковъ», въ Правосл. Собесѣдн., 1886, мартъ). Далѣѣ этотъ Майдари вступаетъ въ борьбу съ Ерликомъ, который старается исказить твореніе Майдари. Эпизодъ съ собакой разсказывается о Майдари и Ерлике, а не объ Ульгенѣ и Ерлике. Душу въ человѣка вдуваетъ Ерликъ посредствомъ дудки (чогур) о семи ладахъ, играя на желѣзномъ музыкальномъ инструментѣ (комус) о девяти языкахъ.

Въ монголобурятскихъ легендахъ о кающемся разбойнике, превращающемся потомъ въ бога Майдари (по-тибетски Шянба), также антигероемъ является птица ангиръ (см. «Бурятскія сказки и повѣрья», Ирк., 1889, стр.

128; тангутский вариант, записанный мною въ Амдо, еще не напечатанъ). Кастренъ приводитъ бурятскую легенду (Castrén, Versuch einer Burjätsch. Sprachlehre, S. Pt. 1, 1857, S. 233), которая сотвореніе міра приписываетъ Буха-ноёну. Bucha Nojar и его жена Budaa Chatun были первые люди, говорить легенда. Они захотѣли умножить родъ человѣческій и вырѣзывали человѣческія фигуры изъ бумаги. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о собакѣ, представленной сторожемъ къ фигурамъ и о чортѣ, покрывшемъ фигуры нечистотами. Шашковъ (Записки И. Р. Геогр. Общ., 1864, кн. 2, стр. 32) указываетъ на легенду, помѣщенную въ «Сибирск. Вѣсти.» Спасскаго, 1822, ч. XIX, стр. 33) и записанную можетъ быть у бурятъ, можетъ быть у обурятившихся тунгусовъ; въ ней также творцомъ является Буга (по-тунгусски buga, «небо»; Castrén, Tung. Sprachlehre, 95); помощникъ и соперникъ Буги называется Бунинка; Бунинка испортилъ у Буги двѣнадцатиструнныя гусли. Г. Логиновскій записалъ въ Нерчинскомъ окр. (ст. Размахнинская) бурятское сказание: «Прежде была одна вода и только лягушка смотрѣла въ воду. Богъ перевернулъ лягушку брюхомъ къ верху и на ней устроилъ вселенную. На каждой лапѣ онъ создалъ отдельный тиль (двипа); на одной изъ лапъ онъ помѣстилъ Замшу-тиль (Джамбу-дзица) и т. д. На пупѣ лягушки онъ воздвигъ гору Сумбурь-агула; на вершинѣ этой горы находится Полярная звѣзда, Алтынъ-гатасунъ». Отъ одного хангайского халласца я записалъ (въ Гумбумъ) показаніе, что Полярная звѣзда есть золотая маковка (сумунъ ганчжуръ) монастыря Намчжиль-хансынъ, который стоитъ на вершинѣ Сумбурь-олы. Алтайскій Ульгенъ (у о. Ландышева) въ вышеуказанной статьѣ, стр. 7 имѣть постоянное пребываніе на горѣ Алтынъ-ту (золотая гора), которая съ неба навѣсила надъ землею и до земли не досягаетъ только человѣческое колѣно.

XI. О потопѣ. Г. Клеменцъ доставилъ намъ слѣдующій разсказъ, записанный имъ отъ сагайца. Ной праведный отправился въ лѣсъ рубить сажень. Только принялъ за работу, Богъ кричать ему: «Ной праведный! тебѣ не нужно рубить сажень, черезъ годъ будетъ потопъ; руши лѣсъ и дѣлай большой саль (плоть), только никому обѣ этомъ не сказывай! Ной сталь валить деревья и сталь постоянно уходить въ лѣсъ, такъ какъ работы за сапомъ было много. Чортъ подсматривалъ въ лѣсу за работой Ноя праведнаго, но никакъ не могъ понять, что тотъ дѣлаетъ? Онъ отправился къ женѣ Ноя, когда послѣдняго не было дома и спросилъ: «гдѣ Ной? Въ лѣсу, говоритъ жена. «Что онъ тамъ дѣлаетъ? Зачѣмъ такъ часто въ лѣсъ вѣздить? Не знаю, говоритъ жена, должно быть дрова рубить. Что-то ужъ больно часто? спроси-ка его хорошенъко, можетъ онъ такъ только сказываетъ, что въ

тъсъ ходить, а самъ дѣлаетъ другое что? говорить чортъ. На Ноеву жену напало подозрѣніе и она стала мужа спрашивать, куда енъ ходить. Ной сначала ничего не сказаъль. Жена стала приставать къ нему. Ной сказаъль сначала, что Богъ не велѣлъ ему сказывать, что онъ дѣлаетъ. Жена не вѣрила Ною, сердится на него, подсматривать стала за нимъ.

Ной видѣть—дѣлать нечего—и сказаъль женѣ, что скоро будетъ потопъ и Богъ велѣлъ ему строить большой саль и на немъ поставить весь свой скотъ и все свое семейство, но ве велѣлъ ни кому сказывать, что скоро будетъ потопъ. Жена успокоилась, Ной ушелъ на работу. Приходить чортъ и спрашиваетъ у Ноевой жены, знаетъ ли она, куда ушелъ Ной.—Не знаю, говоритъ жена. «А я такъ знаю», говоритъ чортъ; «онъ худыми дѣланіями занимается». Врѣшь ты,—отвѣчаетъ жена,— мой мужъ, Ной праведный, накакими худыми дѣлами не занимается; ему Богъ велѣлъ саль строить, потому что скоро потопъ будетъ.—Чортъ узналъ, что ему нужно и ушелъ въ лѣсъ, но дождалъ, пока Ной ушелъ домой, и разбросалъ и перепортилъ всю его работу. Ной пришелъ на другой день въ лѣсъ и удивился, что вся работа испорчена, но принялъся за дѣло съязнова. Однако все, что Ной усердѣзъ за день сдѣлать, чортъ портилъ ночью. Ной наконецъ не вытерпѣлъ и сказаъль Богу: Господи! теперь ужъ скоро потопъ будетъ, а я ве могу окончить сала; зачѣмъ ты такъ сдѣлалъ?—Богъ говоритъ: Это не я виноватъ, а ты! Я тебѣ не велѣлъ ни кому сказывать, что будетъ потопъ, а ты сказаъль женѣ, жена чорту, а чортъ всю твою работу портилъ всегда.—Какъ-же мнѣ быть теперь? спрашиваетъ Ной. Теперь ужъ поздно новый саль дѣлать — Дѣлать вечного, я ужъ тебя спасу, говоритъ Богъ. Когда начнется потопъ, ты сбери около себя весь скотъ и не бойся. Къ тебѣ подплыветъ желѣзный саль, ты на немъ и поставишь весь скотъ и всѣхъ звѣрей и дѣтей и жену.—Начался потопъ, стало все заливаться водой. Ноева жена испугалась, стала кричать: Ной праведный, гдѣ твой саль? видиши, мы всѣ потонемъ скоро!

Подплылъ вдругъ большой желѣзный саль. Ноева жена первая вскочила на него и саль началъ тонуть. Богъ закричалъ Ною: «Сведи свою жену съ салика! что она лѣзетъ впередъ всѣхъ? Стань сперва самъ на саль, а потомъ пусть она идетъ». Ной такъ и сдѣлалъ.

Послѣ потопа этотъ желѣзный саль остановился на какой-то горѣ. Одни говорятъ на Чжиланъ-Карагай, около Таштыпа, но тамъ его нетъ; другие называютъ иныхъ горы, но донедавно обѣ этомъ, какъ кажется, никто не знаетъ. Рассказъ записанъ со словъ Попилата Михайлова Орѣшкова на р. Нинъ, сагайца второй половины Сагайского рода.

Присоединяясь къ этому русскій разскѣзъ изъ Забайкалья. Богъ скавалъ Ною, что будеть потопъ и велѣль строить ковчегъ. Нои удалился отъ своего семейства, чтобы никто не зналъ, что онъ дѣлаеть ковчегъ. Три года онъ ходилъ строить его. Не только изъ его семейства ни кто не зналъ, куда онъ третій уже годъ ходитъ, но не зналъ этого и дьяволъ. Однажды дьяволъ обратился къ женѣ Ноя и говорить: «Спроси, пожалуйста, куда ходитъ твой мужъ и что онъ дѣлаетъ». Она сказала: «Я сама уже сколько времени распрашиваю его, но онъ не сказываетъ». Тогда дьяволъ выдумалъ водку, сдѣлалъ ее, передалъ женѣ Ноя и говорить: «Вотъ какъ твой мужъ придетъ съ работы, тогда ты ему подай! Какъ только онъ выпьетъ, то все тебѣ разскажеть». Жена такъ и сдѣлала. Когда пришелъ Нои, она подала ему; онъ выпилъ съ устакту и захотѣлъ еще; когда выпилъ вторую чарку, на душѣ у него повеселѣло. И вотъ какъ легли спать, жена и говорить: «Скажи, куда ты ходишь третій годъ?» «Богъ мнѣ сказалъ», говорить Нои, «что онъ наведеть потопъ и велѣль мнѣ дѣлать ковчегъ, въ которомъ я могъ бы спастись». На завтра приходитъ дьяволъ; жена Ноя передала ему все, что узнала. Тогда онъ подумалъ: «Какъ же мнѣ спастись въ ковчегѣ вмѣстѣ съ животными? Онъ меня не возьметъ. Такъ войти нельзя! Наконецъ скавалъ женѣ Ноя, чтобы она, когда будетъ входить въ ковчегъ, стала-бы поправлять на ногѣ оборку обуви и оглянулась бы назадъ; въ это время онъ будетъ тутъ и войдетъ за ней. Женщина такъ у сдѣлала; дьяволъ вошелъ въ ковчегъ и спасся. Не хотѣлъ войти въ ковчегъ мамонтъ; онъ надѣялся проплавать. Долго онъ плавалъ, наконецъ, когда потопило горы и лѣса, птицамъ не гдѣ было сидѣть, онѣ стали садиться ему на рога. Долго овъ еще плавалъ и съ птицами; наконецъ ихъ стало садиться все больше и больше, силы мамонту измѣнили и онъ, недоплававъ вѣсомъ днѣй, потонулъ (Запис. К. Д. Хогиновскими въ ст. Размахлиной въ Забайк. обл.). Въ Нижегородской губ. существуетъ обычай при переходѣ въ новый домъ перевозить домового. Хозяйка дома береть лапоть, привязываетъ къ нему бичевку и ташить лапоть за бичевку, какъ сани, изъ старого дома въ новый. При этомъ она не должна оглядываться назадъ. Лапоть кладется въ новомъ домѣ въ подполье подъ печь.

XV. Рябчикъ. Рябчикъ когда-то былъ самой большой птицей на свѣтѣ и вѣсилъ 12 пудовъ. Разъ Иисусъ Христосъ вѣхалъ по тайгѣ на слонѣ, рябчикъ испорхнулъ и испугалъ слова. Слонъ бросился въ чащу и такъ сильно поскакалъ, что Иисусъ Христосъ съ трудомъ удержалъ его. Не хорошо рябчику быть такимъ большимъ— рѣшилъ Иисусъ Храстосъ и велѣль мясо рябчика раздѣлить по всемъ птицамъ, отъ этого рябчикъ сталъ маленький, а

у всякой птицы теперь есть хоть немногого белаго мяса. (Доставлено Д. А. Клеменцемъ, а ему сообщили А. В. Станкевичъ изъ Минусинска, слышавший эту легенду отъ Качинскихъ татаръ).

L1. Кость Икинамъ. По видимому Марко Поло могъ подобный разсказъ подслушать въ сѣверной Монголіи, къ которой онъ его и пріурочиваетъ (Marco Polo by colonel Youl, vol. I, p. 484, 485), а не нужно думать, что онъ его слышалъ въ Персіи или гдѣ-нибудь въ западной Азіи и произвольно перенесъ на сѣверъ Азіи. Ср. съ бурятскими легендами, помещенными въ статьѣ г. Хангалова «Заготэ-аба» (Извѣстія Отдѣла, т. XIX, № 3, стр. 22). Юль указываетъ на вариантъ у Рашидъ-аддина; походъ предпринимаетъ Угузьханъ (быкъ царь); мудрый старикъ, дающій советы, названъ Bushi Khwaja.

Отъ покойного киргиза Мусы Ч. Чормавова (дяди Чокана Валиханова) я въ 1880 г. записалъ слѣдующую легенду, которую онъ вѣроятно вычиталъ въ мусульманской книжѣ: «У Гарунъ-аль-Рашида въ царствѣ былъ обычай: людей, достигшихъ 60-ти лѣтняго возраста, убивали. Однажды сынъ вельможи своего отца на любое мѣсто, гдѣ по обычаямъ убивали отцовъ. Оба устали и отецъ, присѣвъ на камень, разсмѣялся. Сынъ спросилъ отца, о чёмъ онъ смеется; существуетъ пословица: не спрашивай плачущаго, спроси смызывающагося. Отецъ сказалъ: «И этой же дорогой вельможи своего отца на смерть, у этого самаго камня оба устали и вотъ также, какъ я, мой отецъ присѣвъ на камень отдохнуть; я не думалъ тогда, что шестьдесятъ лѣтъ подойдутъ ко мнѣ такъ скоро. Вотъ надѣй чѣмъ я улыбнуска. Скоро и тебя твой сынъ подобнымъ образомъ поведетъ на смерть.. Сынъ сказалъ: «Такъ не будетъ этого! Увелѣ отца назадъ, спряталъ его и содержалъ двадцать лѣтъ въ тайни отъ народа и властей. Гарунъ-аль-Рашидъ захотѣлъ достать живой воды «мянги су»^{*)} и, сдѣлавъ нарядъ людей, велѣлъ дѣлать сборы. Спрятанный старикъ, услыхавъ сутолоку и шумъ на улицахъ, спросилъ сына: «Что такое? Тотъ объяснилъ. Тогда отецъ сказалъ: «Напрасно онъ полагаетъ, что «живую воду» легко достать. Пусть и не думаетъ! Вода находится въ темномъ мѣстѣ, гдѣ не бываетъ никогда свѣта. Чтобы достичь туда, нужно пересѣчь безводную степь». Сынъ сказалъ, что и ему вѣрно собираться и что онъ не можетъ не исполнять ханской воли. Тогда старикъ говорить: «Такъ возьми-же ты съ собой трехъ быковъ». Шли сорокъ дней по безводному пространству; весь запасъ воды вышелъ; народъ въ отчаяніи; люди плачутъ, просятъ другъ друга, кто выйдетъ домой живой, отнести послѣднее привѣтствіе оставшемуся семейству. Старикъ, котораго сынъ везъ съ

^{*)} Повидимому съ монгольского: мунко-усунъ, «вѣчная вода» т. е. живая вода русскихъ сказокъ и повѣрій.

собой въ ящики, говорить сыну: «Отпусти теперь быковъ!» Быки начали копать землю и въ одномъ месте стали рыть ее рыхлами. «Скажи начальнику, чтобы велѣль рыть тутъ!» Начинали рыть и нашли воду, взяли запасъ и дошли до темного места. Здѣсь все начали нагружать воду въ суды. Старикъ учить сына: «Не всякая вода «живая». Бросай въ воду мертвую рыбу! Тотъ только источникъ съ «живой водой», въ которомъ рыба оживаетъ». Сынъ такъ и сдѣлалъ. Потомъ было слышанъ голосъ, когда брали воду: «Берите камней больше! Кто возьметъ, тотъ пожалѣетъ! Кто не возьметъ, тотъ еще болѣе пожалѣетъ! Кто взялъ одинъ камень на пробу, кто вовсе не взялъ. Сынъ старика по совѣту отца взялъ цѣлый мѣшокъ. Когда возвратились, у всѣхъ камни стали золотомъ. Сынъ старика отнесъ свой мѣшокъ Гарунъ-аль-Рашиду. Потомъ Гарунъ-аль-Рашидъ говоритъ, нужно воду испробовать. Отали бросать въ нее мертвую рыбу; только вода сына старика оказалась оживляющею. Эту воду въ ведрѣ повѣсили на сосну. Въ это время бѣжалъ одинъ голый человѣкъ, котораго, клюя, гнали сорока и ворона. Поймали его и привели къ хану. Кто ты? спрашивается ханъ. «Я Алимбетъ-ханъ; живу тысячу лѣтъ, не могу умереть, потому что я досталъ «живой воды», и выпилъ. Такъ какъ ея было мало, если-бы дѣлить народу, на всѣхъ вѣ хватило-бы, то я выпилъ одинъ. Одно поколѣніе, другое и третью меня уважали, но потомъ прогнали и вѣтъ я скитаюсь. Не пей и ты «живой воды», если не хватить всему народу!» По этому Гарунъ-аль-Рашидъ и не пилъ ее. Ее выпилъ прилетѣвшій воронъ; вѣтъ почему онъ живетъ тысячу лѣтъ; съ его носа падали капли; отъ этого сосна не гниющее дерево; подъ сосной ростъ арша (можжевельникъ); и онъ сталъ крѣпкимъ деревомъ. Выпили воды еще Казыръ и Ильясъ; оба они не умерли и до сихъ поръ. Казыръ и теперь является каждому человѣку три раза въ жизни, но только въ видѣ какого-нибудь хромаго или въ другомъ изварочномъ видѣ; въ своемъ-же видѣ не показывается ни кому, кроме людей святой жизни. Ильясъ помогаетъ страждущимъ отъ крушеній на водѣ. Гдѣ онъ проходитъ, тамъ по сѣдамъ его травы зеленѣтъ. Ильясъ и Казыръ были двоюродные братья. Киргизы по незнанію вместо Казыръ произносятъ Кадыръ».

XLIIL. *Бузагатъ и Эхиритъ и ихъ потомки.* Въ Очеркахъ, IV, 823—825, помѣщено уже было извлечениѳ изъ записи г. Хангалова, а также и другие варианты. Эхиритъ во вновь печатаемомъ варианте названъ сыномъ одной изъ трехъ дочерей Хурмуста-тэнгира; дочь Убиртыхъ-Хормозда упоминается въ сказкѣ минусинскихъ татаръ о Кэрекъ-Кирвэсъ-мэргэнѣ (Оч., IV, 611), гдѣ также есть и эпизодъ о ловлѣ мальчика, живущаго въ озерѣ. Это сынъ оклеветанной жевщины, брошенный въ воду. По одному варианту (по-

мѣщенному въ «Путешествіи на Амурь» Р. Малка, стр. 10 съ указаніемъ на «Сибирск. Вѣстн.», 1824, стр. 29), двѣти, сопеднія съ неба и ставнія предками бурятъ, выжоримлены дикою синью.

О Буха-ноннѣ въ Очеркахъ, IV, 264--298, 821--826; Агапитовъ и Хангаловъ, «Матеріалы», стр. 2 и 3; Памятная книжка Иркутск. губ. 1881 г., стр. 165, 173, 181 и слѣд.; см. также въ статьѣ Черского: «Нѣкоторыя примѣчанія къ опис. Байкала К. Риттера» (Извѣстія Отдѣла, т. XII, № 4—5, стр. 65); у Шапкова въ статьѣ «Шаманство въ Сибири» (Зап. И. Р. Геогр. Общ., 1864, кн. 2, стр. 34 и 43). Изъ названій горъ или утесовъ въ средней Азіи, происходящихъ отъ быка или коровы, нѣкоторыя можетъ быть стояли въ связи съ легендой, подобной бурятской о Буха-ноннѣ. Въ южномъ Ордосѣ на Желтой рѣкѣ между городами Нинъ-ся и Цинъ-юань одна гора носить китайское название Ньютоушань (гора коровья голова) и монгольское Ухыръ-ола (Корова-гора). Тутъ по рассказамъ есть двѣ скалы, какъ бы два рога, которые у монголовъ называются алтанъ-тугуль, «Золотой теленокъ». На картѣ Гилля, приложенной къ его путешествію въ Сычуань (The River of golden sand by capt. William Gill, Lond., 1880, vol I), въ долинѣ Минъ-цзяна (Сунъ-фаль-хо) назначена гора Nion tou shan. Древніе китайскіе монахи-путешественники разсказываютъ о двухъ холмахъ близъ Хотана, которые назывались рогами быка. (Риттеръ, Землевѣденіе Азіи, Восточный Туркестанъ, русск. перев. Григорьева, в. 1, стр. 67 и слѣд.; Abel Remusat, Histoire de ville de Khotan, Paris, 1820, стр. 43). Около древняго Каракорума на Орхонѣ былъ перевозъ Хуху-буха. Камы разсказываютъ, что около Лассы есть быкъ-гора, которая каждый годъ начинаетъ двигаться по направлению къ городу, угрожая раздавить его, но движение ея всякий разъ прекращается вслѣдствіе совершенія особаго обряда. Въ легендахъ и сказаніяхъ средней Азіи царь съ бычьей головой или съ рогами встрѣчается какъ у монголовъ и тибетцевъ, такъ и у китайцевъ. Съ этимъ образомъ по большей части соединена идея о тибети людей отъ смерти, о людоѣдствѣ, о пожираніи живыхъ людей, дѣтубийствѣ и проч. Въ китайскихъ сказкахъ такой царь, глотающій людей, называется Нью-тоу-вань («царь коровья голова»). Въ тибетскихъ сказаніяхъ это Ландарма, гонитель буддизма. Въ монгольскихъ сказкахъ Эрликъ, въ бурятскихъ Эрленъ, царь ада (статуи Эрлика имѣютъ бычью голову). Другое представление связывается съ именемъ быкъ-царь въ тюркскихъ сказаніяхъ. Бука-ханъ уйгурскій (D'obisson, Hist. d. Mongols, I, 432), Угузъ-ханъ (у Рашидъ-эддина) изображаются только славными, побѣдоносными царями, и указаній на враждебный характеръ царя нѣть. Но съ именемъ Угузъ-хана чуть-ли не соединялась идея о кровожадности; на такое предположеніе можетъ навести сопоставленіе преданія о походѣ Угузъ-хана въ страну мрака съ бурятскими сказаніями того-же рода.

Въ одномъ изъ вариантовъ, записанныхъ г. Пирожковымъ, дочь Тай-жи-хана или Хунь-тайжія зачала отъ свѣта солнца, вошедшаго въ ея темную юрту; въ первомъ-же варианте (стр. 95; также и въ Очеркахъ, IV, 266, вар. ж) она зачинаетъ отъ быка. Алангоа, дочь Харитая и мать Бодончара, зачала или отъ мѣсяца, который входилъ въ юрту въ видѣ мальчика, а выходилъ въ видѣ рыжей лысой собаки, или отъ человѣка золотистаго цвѣта, уходившаго желтымъ посомъ (Алтанъ-Тобчи, 5; Юаньчаомиши, 26).

Въ Памятной книжкѣ Ирк. губ. за 1881 г. въ статьѣ: «О происхождении сѣверобайкальскихъ бурятъ» стр. 187 помѣщены варіантъ, записанный ширатуемъ Кырзенского дацана: Риченъ-ханъ свелъ любовную связь съ Буданъ-хатунъ, жену Элетеckаго хана. Послѣдній, обладавшій силою превращеній, принялъ видъ пеетраго пороза (эрэмбухи) и пустился въ погоню, но Риченъ-ханъ, узнавъ объ этомъ, прекратился въ голубаго пороза (кхукхэбука), посадилъ на себя Буданъ-хатунъ и благополучно прибѣжалъ въ Тункинскія степи, а что-бы задержать гнавшагося за нимъ Эрембуху, онъ на Уркудойской гривѣ поставилъ своего двойника изъ камня. Эрембуха съ яростью бросился на мнимаго Буха-ноина и обломалъ о камень свои огромные рога. Риченъ-ханъ по мнѣнию неизвѣстнаго автора замѣтки взяты изъ буддийской миѳологии; это царь драгоцѣнныхъ камней (рембучи-ханъ?). Даѣтъ авторъ сближеніе бурятскаго сказанія съ калмыцкимъ о Бо-ноенѣ или Бо-ханѣ, записаннымъ Налласомъ. Ябоганъ-мергент встрѣтился на охотѣ дѣву-тагри, за какое-то преступленіе изгнанную съ неба и женился на ней. Вскорѣ послѣ этого онъ отправился въ походъ; въ его отсутствіе молодая жена вошла въ связь съ Бо-ханомъ (царемъ драконовъ). Женщина родила ребенка и спрятала его подъ деревомъ. Бо-ханъ (шаманъ-царь) посредствомъ шаманства узналъ о судьбѣ дитяти, взялъ его къ себѣ и выдалъ за дитя, ниспосланное на землю небомъ. Такъ какъ мальчикъ, окруженный густымъ туманомъ (буданъ), былъ отысканъ по крику совы (али), летавшей надъ нимъ, то и получилъ имя Олинда-Буданъ; третье имя Цорось дано было ему за то, что онъ, лежа подъ деревомъ, сосалъ случайно попавшійся ему въ ротъ изогнутый сукъ (цорогъ).

Тотъ-же безымянный авторъ статьи: «О происхожденіи сѣверо-байкальскихъ бурятъ», еще разъказываетъ о Буха-ноинѣ слѣдующее: Когда буряты жили среди халхасцевъ, у нихъ появился голубой огромный порозъ, гроза халхаскихъ быковъ, хищныхъ зѣрей и воровъ; онъ былъ принятъ бурятами за хубилгана, за воплощеніе предка бурятовъ Буха-ноина. Когда буряты, оставивъ Монголію, перекочевали въ Тунку, Буха-ноинъ отсталъ отъ бурятскихъ стадъ; приди на пустое пепелище бурятовъ, обнюхавъ его, онъ жадно замычалъ (муумэнъ) и пустился въ слѣдъ за бурятами, которые ушли черезъ Санагу. Тщетно халхаскіе набѣздники кричали *хугайлахо* (возвѣди-

тельный и призывающий крикъ) и старались веротить бѣглеца. Буха-ноинъ перебрался черезъ Саянъ по Уркудойской гривѣ (уркудойинъ сардыкъ) и вышелъ въ Тунку. Вышедши въ Тунку буряты въ теченіи полугода оставались безъ Буха-ноина, хранителя ихъ стадъ. Въ одну ночь старуха, укачивавшая ребенка, слышитъ мычаніе и движеніе рогатаго скота; она, бросивъ мольку, выбѣжала изъ юрты и увидала Буха-ноина, окруженнаго улусами скотомъ, какъ царь своими подданными. Она закричала «хугайлахъ» и весь улусъ выбѣжалъ изъ юртъ.

Наконецъ онъ-же сообщаетъ третій вариантъ: За нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ у подошвы величественной горы Алтанъ-мундурга неизвѣстно откуда взялся богатырь Буха-ноинъ (князь-порозъ). Онъ имѣлъ жену красавицу Будангъ-хатунъ, дочь Элетскаго хана. Отъ нея онъ имѣлъ одного сына Булагана (булаганъ-соболь) или Булагата да еще усыновилъ приемыша Экери или Экерита, найденного на берегу Байкала. У Булагата было два сына: Хори, иначе Хорить и Бурятъ, а у Экерита восемь. Въ шаманскихъ гимнахъ о Булагатѣ сказано: «происшедшій изъ рытвины голубаго быка» (хухху бухайя боркюдүгхуногх гаріан; слово боркюдүгхунъ собственно не рытвина, а вальбище, мѣсто, умятое, утолтаное каташившимся скотомъ). Въ честь Экерита поютъ: «налимъ рыба была его матерью, берегъ отцомъ, а почетнымъ названиемъ Эркгитъ» (гутаръ экхэтэй эрги эсэхэтэй Эркгит солотой). Известковый утесъ въ тункинскихъ горахъ противъ Горской степной думы, принимаемый за каменное изваніе Буха-ноина, назыв. Буха-ноиней гходалъ; у русскихъ Бычья гора. Окрестности ея носятъ название Улукгуй, «колоыбель» (т. е. колыбель бурятскаго народа).

По другимъ показаніямъ, говорить тотъ-же авторъ, у Экерита было шесть сыновей. Такія же противорѣчія и относительно Буханоина; одинъ говорять, что у него было три сына: Булагатъ, Хоридей и Экерить; другие же считаютъ Булагата единственнымъ сыномъ Буха-ноина, Экерита найденнымъ, а Хоридоя—сыномъ Булагата (174).

Легенду о шаманѣ Асуханѣ авторъ статьи «О происхожденіи сѣв.-байк. бурятъ» передаетъ въ такомъ видѣ: У подошвы Алтанъ-Мундурги жили восемнадцать человѣкъ племени Атагатъ и двадцать восемь племени Хатагитъ; съ ними жила шаманка Асойханъ-удагантъ; она была дакини, богиня, летающая по воздуху. Она была бездѣтна и молилась Дзохъ-дзаячию о дарованіи ей дѣтей. Однажды два табунщика прискакали и рассказали, что они видѣли, какъ при ясномъ небѣ забушевалъ югоzapадный уголъ Байкала и изъ образовавшейся бѣлосинѣйской пыни вышли три мальчика (хубилгана), причемъ съ неба раздался голосъ: да насладятся долголѣтиемъ, здоровьемъ и богатствомъ Булагатъ, Хоридой и Экеритъ. Когда мальчики вышли на берегъ, около нихъ очутились два вола: голубой и пестрый. Во-

лы, обнюхавъ мальчиковъ, легли подъ нихъ на правый бокъ, и Булагатъ стала сосать (пупокъ) голубаго пороза, а Хоридой и Экэрить пестраго. Асойханъ усыновила этихъ дѣтей. После смерти Асойханъ, когда братья были уже взрослыми, Булагатъ и Экэрить порѣшили разойтись и жениться, а имущество раздѣлить. Раздѣливъ имущество на три части, они стали ждать отсутствовавшаго Хорида. Но Хоридой обидѣлся, что раздѣлъ и рѣшеніе сдѣланы безъ его совѣта. «Такъ возьмите и мою долю!» сказала онъ. Вмѣстѣ съ этими словами онъ оттолкнулъ выдѣленную ему долю разныхъ звѣрныхъ шкуръ (см. Очерки, IV, 827) и, окинувъ глазами горы, произнесъ: «Прощай золотая Мундуруга» (мэнду алтан мунгурга) и ушелъ на островъ Ойхонъ. Тамъ онъ охотился за дикими гусями, утками и другими птицами. Однажды онъ лежалъ не въ дальнемъ разстояніи отъ моря; прилетѣлъ бѣлый лебедь (хонгъ), и превратился въ дѣву тагрія, которая сняла одежду и стала купаться въ морѣ. Хоридой укралъ ея одежду и заставилъ дѣву выйтти за него замужъ.

XLV. *Преданія о Гэнэнъ-худактѣ и Сухэръ-ноенѣ.* См. Бурятскія сказки въ Запискахъ Отдѣла по эти., т. I, вып. I, 135: шаманъ названъ Онхоль-заринъ; место его пребыванія Уляха. Рассказъ о шаманѣ съ разсказомъ у Рашидъ-задина (ст. г. Березина «Нашествіе Батыя на Россію» въ Журн. Мин. Нар. Пр., LXXXVI, (1855), стр. 92—93) о Бочманѣ, разбойнику, жившемъ на островѣ Волги (чудесный переходъ по сухому дну волжской протоки) и съ разсказомъ въ Алтанъ-Тобчи (стр. 27) о Шудургу-ханѣ, котораго Чингисъ-ханъ хочетъ убить, стрѣляетъ въ него, рубить его саблей, но убить не можетъ до тѣхъ поръ, пока самъ Шудургу-ханъ не научилъ его взять веревку, находящуюся въ подошвѣ его сапога и удавить его. Противъ течения плыветъ не трупъ Шудургу-хана, какъ-бы слѣдовало для параллельности, а трупъ его жены; надъ трупомъ насыпаютъ холмъ, который называется Темаръ-олху. Шудургу-ханъ волхвъ; онъ можетъ превращаться въ эмѣя, въ птицу гаруди и барса.

Въ «Материалахъ» Агаситова и Хангалова о Гуртэ-заринѣ сказано, что онъ считается «ижиномъ», духомъ-покровителемъ истока Ангары, и что онъ сдѣлалъ бѣлый каменный мостъ (Изв. Отд. т. XIV, №№ 1—2, стр. 12).

XLVII. *Хоредой-моргонъ.* Три дочери неба встречаются также въ легендахъ о Эхиритѣ; одна изъ нихъ мать Эхирита (см. выше стр. 98).

Хобоши-хатунъ можетъ-быть сближаема съ якутской Хубай-хатунъ, «лебеди-женой», женой якутскаго Аръ-тоена.

Въ Алталь-Тобчи (стр. 5) отецъ Алань-Гуа вмѣсто Харитая, какъ у Санань-саэнза, названъ хоритумяскимъ Суралтай-мергеноюмъ. Въ Юаньчаомилии (Труды Пек. дух. миссии, IV, 24) онъ называется Хорилартай-мэргэн; отдѣлившись отъ сородичей, онъ составилъ особую фамилию Хориларь.

Въ якутской сказкѣ Эряйдяхъ-Бурейдяхъ-Ерь-Соготехъ описывается, какъ первый человѣкъ; явившись на свѣтъ, онъ задается вопросомъ, откуда и зачѣмъ онъ явился. Если-бы, говорить, я изъ земли вышелъ, то я вынесъ бы земли на темени; если-бы съ неба спустился, то на ногахъ быльбы спѣгъ. Мучимый такимъ вопросомъ, онъ отправился въ путь отыскивать, не найдется ли на землѣ кто-нибудь, кто-бы разрѣшилъ его вопросъ. Онъ дошелъ до дерева ардукъ-масъ, которое вершиной проросло три неба. По вѣтвямъ этого дерева текла бѣлая жидкость юрюнгъ джилликей; питающіеся этой жидкостью благоденствуютъ. Стволъ дерева раскрылся и изъ образовавшейся трещины высунулась по поясъ женщина и сказала - Эряйдяхъ-Бурейдяху, что онъ явился на землѣ по волѣ Юрдюкъ-Аи-тоена для того, чтобы стать родоначальникомъ людей. Затѣмъ она дала ему сосать свою грудь. (Запис. отъ якута; см. также Middendorff's Sibirische Reise, B. III, Th. I, 79). У Миддендорфа онъ сынъ Арь-тоена; мать его Кѣбай-шотон.

XLIII. Саганы и Барто. Саганы встречаются и въ № XLIII. Олоты не рѣдко являются въ монгольскихъ преданіяхъ, какъ насильники, раззоряютъ храмы и монастыри, угрожаютъ подстилки Майдари употребить въ сѣдламъ на потники (Очерки, IV, 411). Спаливаніе противниковъ и за тѣмъ забіеніе ихъ разсказывается якутами о якутскомъ богатырѣ Тыгынѣ (Очерки, IV, 625; Худяковъ, Якутскія сказки, Ирк., 1890, стр. 54; Приклонскій. «Материалы по этнogr. якутовъ» въ «Изв.» Отдѣла, т. XVIII, стр. 16 и слѣд.).

Этотъ-же разсказъ вѣроятно явился въ сїдующемъ видѣ въ статьѣ неизвѣстного автора: «О происхожденіи сѣверобайк. бурятъ» (Кам. кн. Ирк. г., 1881, стр. 175). Жѣтъ за двѣsti назадъ на рѣкѣ Ангарѣ явились въ большихъ лодкахъ какіе-то бѣлые люди (саган олот) съ огромными бородами, которые, владѣя оружіемъ, издававшимъ огненные звуки «бобо» и «турь-турь», перебили множество бурятъ, кочевавшихъ по Окѣ. Авторъ видѣтъ въ этихъ саганъ-олотахъ русскихъ. Но о пришествіи бѣлыхъ людей есть сказанія у амурскихъ пюородцевъ и кажется даже у корейцевъ.

XLIX. Покоління селенгинскихъ бурятъ. Восемь сыновей Ихирита срѣдъ восемью братьями Киреями у Рашидъ-эддина. Нельзя-ли въ бурятскихъ Ихиритахъ видѣть лѣтописныхъ кирентовъ? кость Хиреитъ есть въ Ордоей и

это имя часто произносится, какъ Харить и даже Хрить. Въ калмыцкихъ родословныхъ повидимому та-же кость подъ формою Кереть.

L. *Первый шаманъ*. Въ «Материалахъ» Агапитова и Чанслова, стр. 52 Дѣбѣдой—кучерь Эсэга-малана. У алтайцевъ первый шаманъ Тангара или Тангара (о. В. Вербицкій, Словарь алтайск. и аллаг. нарѣчій, Казань, 1887, стр. 76; о. Ландышевъ, «Космол. и еогон. алтайцевъ», въ Правосл. Собесѣд, 1886, мартъ). У якутовъ Акъ-Аргыль («Извѣстія» Отдѣла, т. XV, № 3—4, стр. 64). См. также Очерки, II, 157; IV, 68, 290—293, о шаманахъ Танъ-Тирхилѣ, Тостогошѣ, Кадыгбашѣ, Даинъ-Тарханѣ; въ «Извѣстіяхъ» Отдѣла, т. XI, № 1 и 2, стр. 87 о шаманѣ Боколи-хара и Моргонъ-хара; у Шашкова, «Шаманство», въ Зап. И. Р. Геогр. Общ., 1864, кн. 2, стр. 81 о шаманѣ Хара-Гыргенѣ (варіантъ сказания Моргонъ-хара). Имя Бурте въ № LIP (стр. 125) связано съ темой обѣ отрубленной головы. Шаманъ Моргонъ-хара присужденъ Эсэга-маланомъ вѣчно плясать на одномъ мѣстѣ, пока не изотрется его тѣло; сно почти совсѣмъ уже истерлось и только пляшетъ еще одно темя шамана. Не относились ли эти темы также къ шаману Гуртэ-зарину? Доставленіе отрубленной головы разсказывается въ № I, стр. 27 и 28, въ сказаніи о Гасэрѣ (головы семи тархановъ); въ алтайскомъ сказаніи о Даинъ-Тарханѣ (Оч., IV, 291). Оп. эту тему со сказками о богатыряхъ, доставляющемъ птицу Хантъ-Гаридѣ (Канъ-Кередѣ, Ханъ-хурдѣ) или ея пера, крыла, шкуры и пр.

LIP. *Буртэ-убицца*. У Рашидъ-аддина (I, 75) меркитскій наръ Тохту-бики убитъ въ войнѣ съ Чингисъ-ханомъ; сыновья Тохту-бики, не имѣя возможности поднять тѣло отца, взяли голову его и ушли.

LV. *Преданія о переселеніи изъ Монголіи Бахака Ирбанова и Адала* съ прочими народомъ. См. Бурятскія сказки, собр. Хангаловымъ и др. (Зап. В.-с. Отдѣла по этнogr., т. I, в. 1, стр. 134—140). Бахакъ, лицо существовавшее въ прошломъ столѣтіи, какъ видно изъ памятника, напечатанного въ выше указанномъ выпускѣ «Записокъ» Отдѣла. Какое имя вытѣснено изъ легенды именемъ историческимъ? Назывался ли царскій тушемюль и въ легендахъ именемъ Бахакъ или носилъ другое имя? Если въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ Аларя, открываются варианты съ тѣмъ-же именемъ, это будетъ говорить въ пользу первого предположенія.

Отсѣченіе большого пальца въ легендахъ, записанныхъ мною въ Монголіи и еще не напечатанныхъ, приписывается богатырю Эрхэ-мергэну (см.

выше стр. 79 № XX); въ этихъ легендахъ отсъченіе пальца также представляется въ видѣ кары (за беспощадное истребленіе звѣрей или за хвастовство). По другому варианту Эрхэ-мэрганъ стрѣлялъ по лишинымъ солнцамъ, которыхъ было четыре и отъ которыхъ на землѣ было не выносимо жарко; три солнца ему удалось сшибить съ неба въ море. Ср. съ повѣрьями киргизъ и монголовъ о связи Плеядъ съ жарой и морозомъ (Оч., IV, 203, 204). Легенды объ Эрхэ-мэрганѣ не представляются ли варианты объ охотѣ за тремя изюбрями, т. е. за тремя звѣздами Ориона (ср. Оч., I, 124; IV, 204), и подъ именемъ Эрхэ-мэргана не скрывается ли соавтадіе Плеяды, которое на тюркскихъ народахъ носитъ имена: Уркбръ, Ургиль (Оч., IV, 729)?— Въ сказаніе о Бахакѣ вставленъ эпизодъ, встрѣчающійся въ алтайскихъ и киргизскихъ сказкахъ объ Ереанъ-чеченѣ или Джиринше-шешенѣ (Radloff, Prog., I, 197 и IV, 201), который ищетъ своему сыну мудрую жену. Одна встрѣченная дѣвица обращаетъ его вниманіе на себя своими иносказательными отвѣтами; подобные же отвѣты находимъ въ бурятской сказкѣ о трехъ Гургульдаевыхъ мудрецахъ (Гургульданы сысын), помѣщенной въ «Запискахъ». Отдѣла по эти. т. I, вып. 1, 102. Гургульдай какая-то птичка; въ монгольскихъ пѣсняхъ и сказкахъ встречается алтынъ-гургултай, «Золотой гургульдай». Отъ одного халхасца изъ євверозап. Монголіи (изъ хошуна Тачжи-урянхай) я записалъ сказку о богатырѣ, который назывался Иринь-сайнъ-гургултай (не напечатана).

Тема о мудрецѣ или о мудромъ царскомъ совѣтнике въ тюркско-монгольскихъ легендахъ введена въ эпосъ о ежѣ, который по-монгольски называется цара (дзара), по-бурятски заря. Легенды о мудромъ ежѣ Заря-Ах-зарга или Заря напечатаны въ «Матеріалахъ» Агапитова и Хангалова, а также въ выпускѣ «Бурятскихъ сказокъ» («Извѣстія» Отдѣла, т. XIV, №№ 1—2, стр. 21, 22 и Записки по эти., т. I, в. 1, стр. 130). Зарѣ приписывается открытие огня, укрощеніе животныхъ и установлѣніе брачныхъ обычаевъ. До Зари дѣвица, вступающая въ половой союзъ, оставалась въ домѣ родителей; Заря установила обычай отвоза невѣсты въ домъ жениха. Эти легенды о Зарѣ поддерживаются высказанными нами въ «Очеркахъ», IV, 803 догадку, что въ средней Азіи существовалъ обычай, отвозить жениха въ домъ родителей невѣсты, где онъ долженъ былъ некоторое время служить работникомъ прежде, чѣмъ взять невѣсту въ свой домъ. Еще лучшимъ подкрепленіемъ этой догадки служатъ прямые указания на существование подобного обычая, которые мы нашли относительно Ухуаней въ книгѣ о. Гоакидеа, «Собрание свѣденій о народахъ Средн. Азіи» (ч. 1, стр. 152); такой обычай указывается и относительно Киданей у Васильева, Истор. и древн. востока (стр. 203 и 204). Наша догадка была высказана по поводу одного мѣста въ сказкѣ о Чингисѣ; Эсугай побѣжалъ сватать невѣсту для своего сына Чингиса, встрѣ-

тиль Дай-съчена, высоваталь его дочь, отвезь сына къ Дай-съчену и оставилъ его у него жить. Эсэгэ-Маланъ-тэнгри женилъ своего сына и отвезь по этому случаю къ невѣстѣ, но сынъ убѣжалъ и каждый разъ, когда отецъ отвовилъ его, онъ убѣгалъ отъ своей невѣсты. Заря посовѣтовалъ невѣсту отнести въ домъ жениха; съ той поры установился обычай невѣсту отвозить въ домъ жениха, а не наоборотъ. Сопоставление монгольского сказания съ бурятскимъ наводитъ на мысль, что лѣтописный рассказъ о женитьбѣ Чингиса заимствованъ лѣтописцемъ изъ тюркомонгольского животнаго зпоя. Подъ Эсугаемъ лѣтописи повидимому явился бурятскій Эсэгэ-маланъ. Въ алтайскихъ сказанияхъ бурятскому Зарѣ-Адаэрѣ соответствуетъ Яра-чеченъ (статья Чандышева: «Космогонія и ееогонія алтайцевъ язычниковъ» въ Православномъ Собесѣднику, 1866, мартъ, стр. 19). Яра-чеченъ былъ оскорблень дѣвицами, которые осмѣяли его наружность; онъ осудилъ ихъ на жизнь въ чужихъ семьяхъ. Съ этого времени у дѣвицъ умъ и сердце измѣнились, они стали выходить замужъ и отходить отъ родителей, а прежде все жили вмѣстѣ и плодились, какъ бесмысленные скоты, не разбирая ни какого родства и не зная законовъ супружества. Алтайское сказание приписываетъ Яра-чечену также установление срока человѣческой жизни, т. е. введение смерти; до него люди были бессмертны.

Эти черты ханского советника и уставщика обычаевъ напоминаютъ Иркыла у Рашидъ-эддина (перев. Березина, I, 23, 24), который былъ наимѣстникомъ Ўгузъ-хана (быка-царя) и установилъ впервые раздѣленіе народа на кости или поколѣнія, почитаніе авгоновъ и старшинство въ частяхъ мяса.—Иносказательный разговоръ трехъ Гургульдаевыхъ сыновъ («Бурят. сказания и позѣрья», стр. 102) съ женщиной по видимому недосказаный эпизодъ о поискахъ невѣсты, и въ прежнемъ своемъ видѣ имѣть вѣроятно сходство съ алтайскими и киргизскими сказками о Еренъ-чеченѣ или Джиренше-шешенѣ. Вѣроятно это были послы отъ царя, отправленные искать для него невѣсту.

Въ алтайскихъ и киргизскихъ сказкахъ мудростью отличается не столько самъ Еренъ-чеченъ или Джиренше-шешенъ, сколько его будущая невѣста. Можетъ-быть въ некоторыхъ вариантахъ къней-то и относилось это имя, съ которыми соединена идея мудрости. Въ бурятскихъ сказанияхъ сынъ Эсэгэ-малана былъ Буха-нопаъ (буха «быкъ»), а его жена въ некоторыхъ народныхъ стихахъ называется: Юрюнь-хатунъ-эджи и Шеше-хатунъ-иби (шеше по тюркски «мать»; см. Очерки, IV, 264; Агапитовъ и Ханталовъ, «Матеріады», стр. 11); такимъ образомъ въ имени невѣстки Эсэгэ-малана встрѣчаются члены: юрюнь и шеше.

Формы Еренъ, Джиренше, Яра ср. съ еренъ, какой-то шаманскій терминъ, который мнѣ доводилось слышать отъ урянхайцевъ въ долинѣ Улуг-

хемъ и Ха-хемъ. Этимъ именемъ называется наприм. плащъ шамана (Очеркъ, IV, 50), а также онгонъ изъ зайца (Оч., IV, 94); этимъ-же именемъ назывался какой-то древній шаманъ (Оч., IV, 95). Ср. бурятское заринъ, дархатское дааеранъ, «шаманъ» (Оч., IV, 104). Не откроются ли урванайскія преданія о Еренѣ, какъ о первомъ шаманѣ? «Матеріалы» Агапитова и Ханталова говорятъ, что бурятскій шаманъ во время посвященія его въ шамана призываетъ имя древняго шамана Ергиль-буга-ноина (стр. 22, 51); якуты называютъ первымъ шаманомъ Ань-Аргыла («Изв.» Отдѣла, т. XV, №№ 3—4, стр. 64); тема, которая связана съ этимъ именемъ, распаденіе шамана на части, которыя ускользаютъ отъ задуманного богомъ уничтоженія, совпадаетъ съ монгольскими разсказами о Плеядахъ (Оч., IV, 203 и сл.), которые по-якутски называются Ургыль, Юргыль. Рашидъ-аддинъ (перев. Березина, I, 52) упоминаетъ шамана Будуй-Джаркыла, которого Березинъ сопоставляетъ съ вышеупомянутымъ мудрецомъ Иркыломъ.

LVI. *Преданія о вала Чингисъ-хана.* Начало сказанія т. е. разсказъ о болѣзни Чингисъ-хана, можетъ-быть версія сказанія объ ограбленіи святыни, наказанномъ насланною болѣзнью. Иначе развитъ разсказъ объ ограбленіи монастыря Эрдени-цзу на Орхонѣ. Грабитель (олѣтскій Галданъ) испуганъ грознымъ движениемъ статуи бога и обращается въ бѣгство со всѣмъ своимъ войскомъ, котороетонетъ въ поднявшихся водахъ рѣки Орхона. Эта тема въ первый разъ встречается связанною съ именемъ Чингисъ-хана. Легенду объ Эрдени-цзу см. въ Оч., IV, 410.

Вторая половина сказанія есть разсказъ о походѣ Чингисъ-хана къ Солонгосамъ (Алтаецъ-Тобчи, стр. 18). Солонгосскій ханъ превратился въ Солнечнаго царя. Стрѣлокъ и старуха перенесены въ этотъ разсказъ изъ другаго разсказа, о походѣ Чингиса къ тангутскому царю Шудургу (ibid., стр. 25).

Г. Потанинъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ

СОКРАЩЕНИЯ: г. гора, зв. звѣзда, лош. лошадь, мѣстн. мѣстность, пок. поколѣніе, пт. птица, созв. созвѣздіе.

Абагануутъ пок. 118—120.	Байнъ-ханъ 30, 32, 34, 35, 36.
Абагачуль пок. 120.	Варгай 89, 90.
Абагутъ пок. 120.	Варгатъ пок. 88.
Абай-Гесиръ 21, 25, 26, 28.	Варга-баторъ, Варго-б. 93, 112, 113.
Абайхани-Алтанъ-Дергэнъ 21.	Барто 117, 118.
Абарга, вмѣя 30.	Барханъ, г. 93.
Абаше 107.	Барунъ-тынгрэ 122.
Абгать пок. 119.	Батакъ 137—139.
Абогаватъ пок. 118.	Батнай пок. 120.
Агуй-Шарга лош. 1, 11, 12, 15.	Баторъ-Сокто 22—28, 134.
Адай 129, 130, 150.	Батотъ пок. 118—120.
Ада-хулагана 56.	Батыръ-муусъ 134.
Алагуй, Алгуй 93, 100, 103, 106.	Бахалъ 126—130, 150.
Аланъ-гоа 146, 149.	Баинъ-цумбуръ 134.
Алтай г. 2.	Баянда пок. 92.
Алтанъ-Мундурга 147, 148.	Бодончарь 146.
Алтанъ-Шагай 1—25, 133, 135.	Бодорхонъ пок. 89.
Алтынъ-ту г. 140.	Боенда 104.
Алдохта пок. 119.	Болдой пок. 89.
Аванъ-Шумэръ 21, 22, 26.	Болотъ 107.
Ань-Аргынъ 150, 153.	Боржинъ-далха 100.
Аргаанъ 107.	Боте 107.
Арбатанъ пок. 119, 120.	Боханъ 146.
Арганутъ пок. 89.	Бохёдъ 107.
Алтанъ-Дергэнъ, Алтанъ-тергенъ 21, 25, 134.	Бохели-хара 150.
Алтанъ-гатасунъ зв. 140.	Бочманъ 148.
Аръ-тоянъ 148, 149.	Бошинъ пок. 119.
Арынъ-Сагалъ-ханъ 48.	Боянъ пок. 118, 119.
Аржэ-Буржэ-ханъ 48.	Буга 140.
Асойханъ, Асуханъ 95—99, 119, 147, 148.	Буданъ-хатунъ 146.
Атаганъ пок. 118.	Будуй-Джиркылъ 152.
Атагутъ пок. 95.	Бузагатъ пок. 88.
Ашаабгадъ 106.	Бузганъ 99.
Ашах пок. 89.	Бука-ханъ 145.
Ашехавадъ, Ашебогатъ, Ашехаватъ 100, 107, 118, 119.	Булаганъ-хара, Булганъ-хара 99, 102, 103, 106, 147.
Ашина пок. 89.	Булагатъ, Булгатъ 93—98, 106, 107, 118, 119, 144, 147, 148.
Аю-ханъ 99.	Булагатъ пок. 96, 117.
Бабай-хорамчевскій родъ 120.	Булакъ-саганъ-бумаль 100.
Багай-Бакша-Нэодарга 19, 21, 22.	Булбуй пок. 119.
Байдаль пок. 119.	Булгата, онгонт 124.
Баинъ-Мунгэй 8, 11, 13—15, 17.	Булутъ пок. 88, 107.
	Бумаль-Готоль 93.
	Бумаль-Саганъ 100.

- Буинка 140.
Бурто, собака 122.
Барта-убугунъ 125, 150.
Бурутханъ пок. 90.
Бурхи-заринъ 124.
Бурдай 119.
Бурянь 93, 147.
Бурянь-Алагуй пок. 119.
Буумаль 107.
Буха-ноёнбабай 94, 96, 97, 140, 145,
146, 147, 152.
Буша-заринъ 124.
Бушнанъ-ханъ 91, 126—128.
Вырбаханъ 89, 90.
Валэ-баторъ 44.
Галданъ 91, 153.
Галдээтъ пок. 118, 119.
Гароды пт. 74, 75.
Гарунь-аль-Рашидъ 143, 144.
Голохонъ 103, 106.
Готоль 92—94, 108, 104, 106, 107.
Готуль пок. 119.
Гуни пок. 120.
Гувунъ, степь 11.
Гунынъ-Саганъ 22.
Гургулдай 151, 152.
Гуртэ-заринъ 110, 111, 150.
Гурь-буянь 112, 113.
Гүрэ 18.
Гхагалъ, Гхаганъ 21.
Гханинъ-ноётъ, пок. 89.
Гхайханъ-Ирэнъ Тарбажи 6, 8, 11, 12,
14, 16, 17, 135.
Гырыль Саганъ 21, 22.
Гэгэнъ-Саганъ 21.
Гэнэнъ-худакта 108, 109, 147.
Гэсэръ 134, 150.
Дабши, пок. 119.
Даинъ-Тарханъ 150.
Дай-сэчень 152.
Далай-Харанутъ, пок. 119.
Дарынъ, горн. проходъ 48, 130.
Дэёбдай 150.
Дегеруагъ-хунь-тайжи 135.
Джеты-Караже 137.
Джиринше-шешенъ 151, 152.
Догёлой 122, 123.
Доловъ-убугутъ, созв. 61.
Дунунъ, степь 11.
Дурбээтъ, пок. 118.
Дуртунъ, пок. 89.
Дылдэгыръ 18.
Енгутъ 107, 129, 130.
Енгутъ-бумаль, пок. 119.
Ергиль-буга 153.
Ерень-чечень 151, 152.
Ерликъ см. Эрликъ.
Жоргодой 10, 13, 20, 21, 22, 134.
- Жорговтэйши-эрхатэ-Жоргодой 20,
134.
Жортогоръ 18.
Зашхи 100.
Заря-Адзарга 151.
Золютъ, пок. 88.
Зонхе 108.
Зуга, мэстн. 118.
Зуксайдба, пок. 120..
- Икинать, пок. 91, 118, 143.
Иринъ-саивъ 133, 151.
Иркыль 152, 153.
Ихиритъ 93, 119, 150. См. Эхиритъ.
Илюдарь турганъ 112.
Ильясъ 144.
Иракыль 139.
Иренъ-тарбажи 135.
Иангара 150.
Кадылбашъ 150.
Кадыръ, Казыръ 144.
Керетъ, пок. 150.
Киданы, народъ 151.
Киритъ, пок. 120.
Козу-Курпешъ 133.
Кольтанъ, кдючъ 131.
Кондуй, мэстн. 130—132.
Кульменгэ 107.
Куркутъ, пок. 119.
Кхиритъ пок. 118.
Кхуйдъ, пок. 118.
Кхумэнъ, пок. 118.
Кхуухытъ, пок. 118, 120.
Кхуухытъ-бумаль, пок. 119.
Кхутуухытъ, пок. 120.
Кэрэкъ-Кирвэсъ 144.
- Ландарма 145.
Лобсогодой 21, 22, 25, 26.
Лусулъ-ханъ 51.
- Мадари, Майдари 67, 68, 137, 139, 149.
Манзанъ-шира, лукъ 27.
Манхамотъ, пок. 88.
Маса-богдо 38, 39.
Медвэдюда, созв. 61, 137.
Майсъ-хара 26, 27, 28, 134.
Монгомъ, пок. 119..
Мондбэ 103.
Моргонъ-хара 150.
Морой, пок. 119.
Му-ноётъ, пок. 89.
Муры 107.
Мартынъ-Дээгэ 21.
- Нагада 21.
Намчжильт-хансынъ 140.
Ногай 134.
Ногонъ-пуранда 107.

- Ногонъ-соё 2, 134.
Ногонъ-толё 1, 3, 7, 13, 17.
Ноёнъ-бура 107.
Ноётъ, пок. 89, 107.
Ной 140—142.
Ньютоуванъ 145.
Ньютоушанъ, г. 145.
- Оббоговъ 88, 107.
Ойрадъ, народъ 120.
Обхонъ, островъ 148.
Оизо 107.
Ольсонъ, Ольсонъ, пок. 92, 93, 104.
Олиида-будаъ 146.
Олётъ, Олютъ, народъ 36, 88, 108,
117, 149.
Ольсонъ, пок. 118.
Ольвой 111.
Онго 88, 107.
Онготъ, пок. 119.
Онхоль 148.
Онхотъ, пок. 118, 120.
Онхотой 107.
Орионъ, созв. 151.
Отовхой, пок. 120.
- Пекинъ, городъ 131.
Плажды, созв. 134, 151, 153; сынь
ихъ 21.
Полярная автода 140.
- Риченъ-ханъ 146.
Рхстай, Рхистай 139.
- Саганъ 100, 107.
Садамтынъ-саганъ, ав. 135.
Сайнъ-ханъ 91, 126—130.
Салцаотъ, пок. 118.
Сартоголь, пок. 120.
Сартоль, Сартуль, пок. 89, 118, 120.
Сахиръ 92.
Сенбиль 139.
Сибиръ 135.
Сибирь, собака 103.
Сойсу, пок. 119.
Сокто-Сумбыръ, гора 9, 23, 25, 134.
Сомбонъ, ав. 122.
Соломонъ 33, 35
Солонгост 153.
Солонгутъ, народъ 120.
Солцанъ 137—139.
Сомболь 65—67.
Сонгонъ, пок. 107.
Сохерь 104.
Субуръ-хаирханъ 134.
Сумбуръ, Сумбыръ, гора 7, 9, 23,
25, 140.
Сумеръ-ола 134.
Сунутъ, пок. 119.
Сураатай 149.
- Сухарь-ноенъ 108, 110—112, 148.
Сынгальдаръ-чино 118.
Сынхихэнъ, пок. 119.
Сырынъ-Галданъ 44, 46—48.
Сыхиръ 92.
Сагенги, народъ 104.
Сагэнде 117, 118.
Сагэнутъ, пок. 88.
Сагены, народъ 104, 149.
Сэрэнъ-Галда 36—40, 43.
Сахерь 104.
- Табангутъ, пок. 120.
Таблжинъ, пок. 89.
Табянъ-табапъ-тэнгрэ 100.
Тадъ, пт. 27.
Тайжи-ханъ 94, 95, 146.
Тайнъ-тиргинъ 150.
Тайчжи, пок. 119.
Такша-моргонъ, Такши 97, 107.
Тангара 150.
Таныръ 18.
Тесь-хара 137.
Темиръ-Олху 148.
Тенхета, гора 101.
Тоглогъ, Тогкокъ, Туглогъ 99, 103,
106, 107.
Тогто 104.
Токто 92.
Токчинъ, пок. 120.
Тостогонъ 149.
Тохту 134, 150.
Туглогъ см. Тоглогъ.
Тудэ 103, 104, 106.
Туралякъ, пок. 89.
Тургэнъ 103, 104 106.
Тыгынъ 134, 149.
Тэлэгунъ, пок. 119.
Тэмэнъ-холай 122.
Тэрта, пок. 119.
Тэтхэнъ 103, 104.
- Убиртыхъ-Хормоздъ 144.
Угузъ-ханъ 145, 152.
Узень, пок. 120.
Укинъ, ключъ 121.
Укиръ-Хоятогорт. 121.
Улабать, пок. 88.
Улатай 107.
Улукгуй, мѣстн. 147.
Ульгенъ 139, 140.
Улаха, мѣстн. 148.
Унаганъ-шаргай, лож. 126.
Унта-Тархи 1, 8, 19.
Уранхай, Уриахай, пок. 89, 118, 119,
120.
Ургий, созв. 134, 151, 153.
Уркёрь, созв. 151.
Урмуть, пок. 119, 120.
Уруменгуй, мѣстн. 131.

- Ухуань, народъ 151.
 Ухырь-ола, г. 145.

 Хабарнугъ, пок. 90.
 Халыкъ-ханъ 99, 100.
 Хальмакшикъ 36, 43.
 Хамниганъ, пок. 119.
 Хангиль, пок. 119.
 Хангинъ, пок. 88, 113, 125.
 Ханъ-Гариде 150.
 Ханъ-Хамакшина-утодой 124.
 Ханъ-Хурда 56.
 Ханъянъ, пок. 125.
 Хара-Гыргенъ 150.
 Харадыль, пок. 120.
 Харажи-Мина 33.
 Харажи-Муя 38, 59.
 Хара-монголь, пок. 88.
 Харанутъ, пок. 118, 119.
 Хара-тайши, пок. 120.
 Харитай 146, 149.
 Хармяганъ, пок. 88.
 Хартагай-ханъ 33, 52, 53.
 Хартаганъ-ханъ 58—60.
 Хартулъ, пок. 88.
 Хасама, пок. 119.
 Хасаръ 137.
 Хатагинъ, пок. 118, 120.
 Хахта, пок. 89.
 Хаченутъ, пок. 118, 119, 120.
 Хиритъ, пок. 150.
 Хи-хусэхэ-хэиръ, лош. 126.
 Хоба 106.
 Хобоши-хатунъ 115, 116, 148.
 Хого 107.
 Хогой, пок. 89, 119.
 Хоётъ 107.
 Хойго, пок. 119.
 Хой-хусэхэ-худа, лош. 126.
 Хомбэрь-ола 134.
 Хонгодорь, Хонходорь, пок. 89, 106,
 107, 119, 125.
 Хонъ-Тайжи 44—46.
 Хорамчай, пок. 119.
 Хордутъ, пок. 88.
 Хоредой, Хоридой, Хорядай 88, 93,
 112—116, 119, 120, 125, 147, 148.
 Хорилартай 149.
 Хориларь, пок. 149.
 Хорильтъ 146.

 Хорлатъ, пок. 118, 120.
 Хормось, пок. 120.
 Хорсъ 129.
 Хортонъ 125.
 Хорчинъ, пок. 118, 120.
 Хотоготъ, Хотогутъ, пок. 95, 107.
 Хотокту, пок. 118, 120.
 Хётё-уурь, мъстн. 113.
 Хёхё-болдокъ, мъстн. 113.
 Хоюхыръ 18.
 Хрить, пок. 150.
 Хубай-хатунъ 148.
 Худдатъ, пок. 88.
 Хундангики 135.
 Ху-нуръ, ов. 113.
 Хунъ-Тайжи 36—39, 100, 105, 106,
 135, 146.
 Хурамша 98.
 Хурмуста 97, 125, 144.
 Хурхутъ пок. 89, 100, 106, 107.
 Хуряганъ-шаргай, лош. 126.
 Хусамакъ, пок. 88.
 Хусыхэнъ 95, 96, 98, 99.
 Хухтэ 89, 90.
 Хуху-брха 145.
 Хэрбить, пок. 88.
 Хэрмэшинь, пок. 88.
 Хешегтэ 103.

 Цаганъ-тайши, пок. 120.
 Цахиръ, пок. 120.
 Цаяяктай, пок. 119.
 Цээгердэ-адзарга, пок. 120.
 Цоктай-ханъ 134.
 Цонголь, пок. 118, 119, 120.
 Цоргильтъ, пок. 119.
 Цороосъ 146.

 Ченорутскій родъ 120.
 Чингисъ-ханъ 130—132, 133, 137, 148,
 152, 153.
 Чжарай, пок. 118.
 Чжиланъ-карагай 141.
 Чжуңчжэнъ, пок. 118.
 Чисти-хочъ, гора 139.

 Ша-ванъ, пок. 118.
 Шазагай-помонъ 33, 36.
 Шара-ацзарга, пок. 120.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

- Ангата, утка 66.
Ангиръ, утка 66, 67, 139.
Аргаланъ-зонъ (мамонтъ) 72.
Арво-харзо 4.

Барсъ 61.
Большой палецъ 20, 25, 150.
Бурундукъ ?
Бурханъ 24, 63, 69—72.
Быкъ 137, 138, 145—147.

Верблюдъ 73, 77.
Вересъ 97.
Вода живая 143.
Волкъ 62, 63.

Гойбанга, пт. 74, 75.
Голова 28, 125, 150.
Громъ и молния 22.
Гусли 140.

Двѣнадцать 30, 140.
Девять 100, 139; мангысхәевъ 5, 17—
19.
Долгонъ ханчиръ, пт. 74.
Дятель 17, 80.

Ежъ 151.
Ельникъ 100.

Желѣзный амбаръ 25, 27; дворецъ 26.
Жертвоприношеніе 23, 96, 98.
Журавль 74.

Заяцъ 78.
Зима 29, 30.
Золото 144.
Загэтэ-аба (облава) 37, 93, 99.

Изюбрь 75, 151.

Колѣни 49.
Комусъ (муз. инстр.) 139.
Корова 145.
Коршунъ 81, 123.

Пасточка 79.
Лебедь 81, 114, 115, 125, 148.
Летяга 76.
Лисица 138, 139.
Лопатки 38, 68, 87.
Лукъ 38, 45, 58.
Лягушка 140.

Мамонтъ 72, 79, 142.
Мангысхай 5.

Медведь 54.
Молотъ 21.
Море молочное 98, 102; желтое 103.
Мылхай, черепаха 72.
Мышь 77.
Мѣсяца сынъ 21.

Налимъ 73, 82.

Огонь 92, 101, 105.
Окаменѣніе 49.
Орелъ 80, 138.
Осень 21.

Палецъ большой 20, 25, 151.
Пастухъ 122.
Перстень 30—36.
Пихта 97.
Порозъ 94, 95, 100, 102, 105, 146.

Рябчикъ 76.

Семь 137, 139.
Семидесять 23, 31, 44, 46.
Собака 68, 84, 99, 103, 122, 140.
Соболь 124.
Солнечный царь 131, 132.
Солнце 151; солнца мать 55; солнца
сынъ 21.
Сохатый 73.
Стрѣла 4, 10.
Сурокъ 79.

Табакъ 83.
Тарасунъ (молочное вино) 4, 6.
Три 8, 12, 13, 28, 38, 44, 101; бур-
хана 67; изюбрь 151; лебедь 15, 115,
125; лука 38; овра 54; солнца 151.
Триста 36.
Тутъ, пт. 80.

Убунконъ, лошадь 121.

Хорво-хараа 4.
Хүнъ-хорхонъ, раст. 82.
Хуръ, муз. инстр. 85.

Черепъ 56.
Чогуръ (муз. инстр.) 139.

Шата сомогонъ, кость 97.
Шесть 114.
Шитхыръ 68, 69, 70.
Шолмо 69, 70.

Шука 82.

О П Е Ч А Т К И.

			Напечатано	Следует читать
Стр.	18	стр.,	8 снизу	магнита
«	43	«	4 сверху	Хальмокшана
«	95	«	8 снизу	Бутлагата
«	101	«	16 «	быта
«	145	«	17 сверху	от golden sand